ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

11(1) 2025

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 11. № 1. 2025

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 11. № 1. 2025

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: **Новак М.В.**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Чистякова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – ***председатель редакционной коллегии***

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: Margarita V. Novak, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: Ekaterina Yu. Chistyakova, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, PhD. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – ***Chairman***

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2025
© Belgorod National Research University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ

Колесников С. А.
Когнитивная теологическая поэтика: творение и стихотворение **5**

Зульфугаров В. Р.
Эпистемическое принуждение и эпистемическая необходимость в научном познании: философский анализ **19**

Михайлин В. Ю., Тихонова С. В.
Протомедиальность архаического серединного пространства: случай симпосия **28**

Брук Е. Г.
Эвгемеризм и представления о религии древних кельтов в исследованиях XVIII в.: труды П.-И. Пезрона (1639-1706) и П. А. Малле (1730-1807) **38**

Чикаева Т. А.
Идеи К.С. Аксакова как основа концепции справедливого общественного развития **48**

Штец А. А.
Отечественные концепции развивающего обучения первоначальному письму в первой половине XX в. **58**

Агафонов И. С., Нагибина Н. Н.
Егор Резников: материалы к биографии и творчеству **75**

Карпенко И. И.
Открытая журналистика: аудитория как субъект современной медиакоммуникации **86**

Казаков А. А.
Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния **94**

Чуева Ю. А.
Проблемы репрезентации христианских таинств в современных российских СМИ **109**

RESEARCHES

Kolesnikov S. A.
Cognitive theological poetics: creation and poetry **5**

Zulfugarov V. R.
Epistemic coercion and epistemic necessity in scientific cognition: a philosophical analysis **19**

Mikhailin V. Yu., Tikhonova S. V.
Protomediality of the archaic middle space: the case of the symposium **28**

Bruk E. G.
Euhemerism and representations of ancient Celtic religion in the studies of the 18th century: works by P.-Y. Pezron (1639–1706) and P. H. Mallet (1730–1807) **38**

Chikaeva T. A.
K.S. Aksakov's ideas as the basis of the concept of equitable social development **48**

Shtets A. A.
Russian concepts of developmental learning of initial writing in the first half of the twentieth century **58**

Agafonov I. S., Nagibina, N. P.
Iegor Reznikoff: materials for biography and creative work **75**

Karpenko I. I.
Open journalism: audience as a subject of current media communication **86**

Kazakov A. A
Media consumption among young people: political context, trends and influencing factors **94**

Chueva J. A.
Problems of representation of Christian sacraments in modern Russian media **109**

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

Баранова С. В. Информационная реальность и сетевой мир: концептуализация границы **118**	**Baranova S. V.** Information Reality and the Network World: Conceptualizing the Boundary **118**
Ван Лэй, Пань Юэ Архетип приключения (рецензия на книгу Джорджо Агамбена «Пиноккио. Философский анализ». М., Издательство АСТ. 2024. 224 с.) **129**	**Wang Lei, Pan Yue** The archetype of adventure (Review of Giorgio Agamben's book “Pinocchio. Philosophical analysis”. AST, Moscow, 2024. 224 p.) **129**

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 821.161. **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1**

Колесников С. А. **Когнитивная теологическая поэтика: творение и стихотворение**

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
ул. Горького, д. 71, г. Белгород, 308024, Россия; *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Аннотация. Предметом исследования в статье выступает теологическая поэтика в ее историческом и жанровом многообразии. Ключевой задачей статьи является рассмотрение различных аспектов когнитивных стратегий теологической поэтики, определяющих особенности познавательного процесса в рамках религиозной поэтики. Целью выступает определение структурных компонентов теологической поэтики, включающих симфоническую открытость познавательных парадигм и универсализм, а также определение перспектив развития теологической поэтики. В рамках статьи обосновываются идеи активации когнитивных потенциалов теологической поэтики, кроме того, одной из целей статьи является доказательство когнитивной актуальности теологической поэтики. Методология данного рассмотрения теологической поэтики включает проверку принципиальной возможности использования инструментария когнитивной лингвистики для изучения религиозной поэзии. Результатом становится оригинальная типология ключевых когнитивных задач, включающих формирование познавательного удивления, формирование прототипов познания в рамках религиозной поэзии, выявление контуров духовно-поэтического универсализма и другие. В качестве вывода в статье обосновывается генеральная задача, стоящая перед теологической поэтикой, по созданию «идеального» языка духовно-поэтического познания, который способен объединить поэтические и духовно-когнитивные ресурсы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; теологическая поэтика; поэзия и познание; историческая поэтика

Для цитирования: Колесников С. А. (2025), «Когнитивная теологическая поэтика: Творение и стихотворение», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 5-18. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1

S. A. Kolesnikov **Cognitive theological poetics: creation and poetry**

Abstract. The subject of the research in the article is theological poetics in its historical and genre diversity. The key topic of the article is the consideration of various aspects of cognitive strategies of theological poetics, which determine the features of the cognitive process within the framework of religious poetics. The aim is to identify the structural components of theological poetics, including the symphonic openness of cognitive paradigms and universalism, as well as to determine the prospects for the development of

theological poetics. The article sets goals for activating the cognitive potentials of theological poetics, in addition, one of the goals of the article is to prove the cognitive relevance of theological poetics. The methodology of the article is to consider theological poetics from the point of view of cognitive linguistics, to determine the fundamental possibility of using the tools of cognitive linguistics to study religious poetry. The result is an original typology of key cognitive tasks, including the formation of cognitive surprise, the formation of prototypes of cognition within the framework of religious poetry, the identification of contours of spiritual and poetic universalism, and others. As a conclusion, the article substantiates the general task facing theological poetics to create an "ideal" language of spiritual and poetic cognition, which is able to combine poetic and spiritual and cognitive resources.

Keywords: cognitive linguistics; theological poetics; poetry and cognition; historical poetics

For citation: Kolesnikov, S. A. (2024), “Cognitive theological poetics: creation and poetry“, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 5-18, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1

Введение

Концептуализация познания в современных интеллектуальных реалиях выступает одним из самых острых запросов. Кризис обоснования когнитивных стратегий провоцируется расширением «аксиологии пустоты» (Бардамова, 2021: 204), где утопают, среди прочих, и лингвистические проекты миропознания. В связи с этим представляется важной и актуальной активация таких ресурсов познания, в которых когнитивные стратегии выстраиваются на четком структурно-смысловом фундаменте, проверенном идейно-интеллектуальными вызовами времени и способном раскрывать перспективы результативного познания. Одним из таких направлений видится теологическая (теологосная) поэтика (тео-поэтика), в которой органично слиты и верность познавательной традиции, и концептуальная целостность, и познавательная результативность, и методологическая выверенность. Представляется, что рассмотрение тео-поэтики как одной из форм когнитивных стратегий позволяет раскрыть новые аспекты духовно-познавательной роли языка в концептуализации и категоризации мира, способствует выявлению самобытных когнитивных признаков, характеризующихся опорой на религиозно-поэтическое мировосприятие и открывающих возможность построения таких алгоритмов познания, в которых религиозность и когнитивность оказываются продуктивно соположенными и концептуально гармонизированными.

Особую значимость обретает генезис понятия «теологическая поэтика», который, вобрав традиции теолого-поэтической эстетики – от августиновской поэтической «ритмичности» (В.В. Бычков) до тео-поэтических «фигур» Х. Бальтазара (Carpenter, 2012), – позволяет вернуть подлинный смысл ποίησις как процессу создания нового. Методологический синтез «теологического» и «поэтического» определяет контуры понятийных границ теологической поэтики, которая выступает и как система знаний, и как вид научно-теологической деятельности, и как духовно-социальный ресурс.

Тео-поэтика заявляет свои духовно-эстетические и гносеологические права на конкретную научную область, где встречаются поэзисное и теологическое, область теологического знания, основания которого разрабатываются уже не одно

десятилетие в работах А. Уайлдера (Wilder, 1976), Д. Миллера (Miller, 1989), С. Хоппера (Hopper, 1992), Л. Круз-Вилалобоса (Cruz-Villalobos, 2015) и многих других. Поэтому можно уверенно заявлять, что теологическая поэтика опирается на достаточно представительную научную традицию и должна быть более заметно представлена в отечественной теологии.

Когнитивный «стандарт» тео-поэтики

Неизбывная родственность Богопознания и поэтического слова, открытие самой возможности Богопознания через смысловые асимптоты поэтики выступает опознавательным знаком своеобразного пути развития богословия: через поэтику – поэтику Библии (Alter, 1985), поэтику святоотеческого наследия (Аверинцев, 1997), литургическую поэтику (Седакова, 2017), поэтику самого богословия (Левшун, 2009)… – к чаемой встрече с Божественным. При этом тео-поэтика как форма Богопознания презентует свой познавательный ресурс, предстает в виде определенной когниции с теологическими смыслами укорененного «пред-понимания» в языке (Демьянков, 2005: 5), когниции глубоко религиозной, направленной ко всей полноте познания, определяемого религиозным миропониманием. Под когнитивной тео-поэтикой понимается единство церковно-богословских и литературоведческо-методологических норм и принципов, рассматривающих поэтический текст как творческое познание духовной реальности, основанной на признании Божественного творения и смыслосформированности бытия, соотнесенного с Божественной волей (Колесников, 2014: 6).

Тео-поэтическая когниция полностью соответствует категориальным параметрам когнитивной среды («когнитивная среда – это порядок, способ упорядочения отношений с миром» (Широнин, 2013: 7)), и вместе с тем обладает уникальным, заложенным в «инструментарии» богословия, интерференциональным свойством по расширению спектра отношений с реальностью. Способность теологии служить «посредником между религией и культурой» (Lonergan, 1973: 22), всеприсутствие теологического мироотношения в каждой страте культуры придают тео-поэтике как художественно-творческому представителю богословия право на построение особой когнитивной среды.

Теологическая поэтика, активирующая религиозный ресурс слова, способна задавать новые горизонты миропознания, учитывая весь многообразный опыт тео-поэтической симфоничности: «В основу литургической поэзии положена ясная память о некоторой большой цельности, о повышенной связности всего со всем: слова со словом, образа с образом, одного эпизода из Писания с множеством других. Можно сказать, что речь здесь развивается не линейно, “одно за другим”, а симфонически: “все одновременно со всем”» (Седакова, 2017: 24). Просторы всеобщности, которые присущи тео-поэтике, позволяют кардинально преобразить установившиеся парадигмы отношений с реальностью, придают вселенский масштаб категоризации, изменяя само представление о человеке. Если принять тезис одного из теоретиков когнитивной поэтики Дж. Лакоффа: «Понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» (Лакофф, 2004: 20), – то познавательная категоризация, производимая тео-поэтикой, открывает возможность не только человеческой, но и Божественной категоризации мира, дает возможность через религиозно-поэтическое слово увидеть форму Божественного мироустройства.

Познание мира, во вне-религиозной поэтике разделенное на множество эпистемологических этапов и когнитивных фильтров (в частности, сложный алгоритм «от абстрактного предложения через конкретное предложение к высказыванию» (Юрченко, 2000: 165)), в тео-поэтике осуществляется выходом напрямую к религиозным смыслам, к смыслам встречи с Божественным. Усложненная фильтрация познания в а(анти-)теистической когниции отсеивает в человеческих словах эхо Божественного, абстрагируется от Божественного «стандарта» миропознания. Тео-поэтика моделирует ситуацию «пропитывания» Божественным личного опыта творческого познания, при этом, конечно, сохраняя своеобразие результативности персональной встречи с Божественным проявлением. Через тео-поэтику становится возможным перезагрузка форматов Богопознания, включение таких форматов в когнитивную среду, при этом минуя излишние, интерпретационно-фильтрующие звенья познания.

Обращение к религиозным смыслам напрямую позволяет теологической поэтике в ее лучших образцах продемонстрировать подлинное предназначение языка, когда «язык – это не знаки, а знание знаков» (Щедровицкий, 2005: 280). «Знание знаков» – знаков пророчеств, мистических знаков, знаков духовной символики… – как поэтическая воплощенность религиозных смыслов и есть основополагающая когнитивная особенность тео-поэтики. Тео-поэтика обнажает сложность знания самого знака, но не выстраивает нарочитую сложность подходов к знакам, свойственную вне-религиозному познанию. Тео-поэтика сохраняет верность внутренней сложности поэтического текста: «В свете когнитивной парадигмы художественный текст осмысляется как сложный знак, где средствами языка репрезентируется индивидуально-авторская концептуальная картина мира. Однако сложность данной научной проблемы заключается в многогранности художественного (поэтического) языка, который является одновременно и способом передачи информации, и материалом искусства» (Маслова, 2014: 26), – но при этом расширяет когнитивные возможности за счет подключения ресурса Богопознания.

Фокус сложности познания переносится тео-поэтикой на личностное восприятие текста, на духовную результативность процесса чтения: «…акцент ставится не столько на анализе текста, сколько на анализе чтения <…> проблематизация чтения, в свою очередь, сводится к учету разного рода контекстов, а когнитивная поэтика понимается как анализ релевантных контекстов – стилистики и литературных приемов, знаний и верований, фигуративности поэтического языка» (Stockwell, 2002: 11). Не текст (даже самый интеллектуально или образно насыщенный, даже переполненный отточенными дефинициями или яркими образами), а читатель-человек выступает главной целью теологической поэтики, предлагающей сотериологические перспективы именно личности, а не «букве» (2 Кор. 3:6). В таком призвании и раскрывается сущность тео-поэтики: через сотериолого-личностный подход преобразить «стандарты объективности и правильности» («correctness», «rightness» (Goodman, 1978)) в сторону приближения к Божественному «стандарту» познания, в сторону отказа от позиции «невозможности» (Лакофф, 2004: 345) соотнесения контуров Богопознания с когнитивной средой реального мира. Тео-поэтика позволяет пойти по пути познавательного обожения, включая религиозные смыслы в когнитивные процедуры, открывает такое направление познания, при котором «стандарт Божественного видения» (Лакофф, 2004: 345) становится ближе и реальнее.

Познание, основанное на религиозной когнитивности (и явленное в яркой художественной форме именно в тео-

поэтике!), способно соответствовать самым актуальным задачам познания, стать тем самым когнитивным шансом, о котором все настойчивее говорит современность: «…у нас еще есть шанс заново, и без ложной патетики, утвердить идею познания как главного средства, выработанного социумом для выживания рода человеческого» (Автономова, 2017: 54). Именно Богопознание через поэтический текст активирует потенциал выживаемости, сформированный тысячелетней историей христианства, выжившего в сложнейшие исторические периоды, в том числе и за счет активации тео-поэтических ресурсов.

Значимость тео-поэтики для культурного выживания определяется ее тесной связью с богословской методологией, оттачиваемой веками в условиях самых разных цивилизационных вызовов. Тео-поэтика включает в себя и процесс герменевтического сопоставления, и нормативность религиозного сознания, и обретение сотериологической цели (Польсков, 2010: 100). Структурированность богословской методологией придает тео-поэтике масштаб онтологического познания, органично задействующего целый спектр когнитивных стратегий, основанных на онтологии, признающей, что «миропорядок поддерживается извне некими высшими силами; гносеологии, в которой акт познания причастен религиозному опыту; принципах “верующего мышления” <…> на признании последних причин бытия <…> понимании смысла научного творчества как космического акта и продолжения Божественного творения мира» (Воденко, 2012: 12). В сложном союзе богословской методологии и поэтических принципов рождается уникальная парадигма когнитивных задач, формулируемых тео-поэтикой, способной в своей потенциальной открытости создавать новые когнитивные «бленды» («бленды дают возможность не “приращения смысла”, не появления нового знания, а адаптации уже существующего знания к опыту обычного человека, рядового носителя языка и культуры» (Глебкин, 2013: 171)), восстанавливающие изначальное знание о Божественной сущности бытия.

Спектр когнитивных задач тео-поэтики

Открытость «блендирования» познания через тео-поэтику проявляется и в задачах по совершенствованию религиозно-семантических построений, в уточнении взаимодействия человеческих слов и действительности, соотнесенности вербальных смыслов и социальной динамики, отнесенности слов и эмоций (Пинкер, 2016: 12). Религиозная семантика тео-поэтики как раз и наделяет условно «новыми» (как «новое небо» и «новая земля» (Откр. 21:1)) смыслами познавательные линии, разворачивающиеся в тео-поэтических текстах.

В число когнитивных задач теологической поэтики входит и создание прототипических «стандартов» ценности поэтического произведения, путем переосмысления в религиозно-аксиологическом ключе – прежде всего в контексте взаимоотношения святости и реальности – теории прототипов, которую, например, «А. Ричардсон связывает с вопросом о литературной ценности произведения, указывая, что именно благодаря этому качеству прототипические поэты могут выступать в качестве референциальных точек категории» (Лозинская, 2007: 19). Через поэтическое описание, в частности, реалий святости (в широком спектре от «шествия по небу» у Григория Богослова («О человеческой добродетели») до шествия «над бороздами покаянных слез» Ольги Седаковой («Варлаам и Иоасаф»)), как раз и возникает пунктир шагов-«точек», референцирующих категории литературной ценности. Ценность литературного произведения в тео-поэтическом контексте определяема как результативный поиск когнитивных возможностей воплощения святости в реалиях действительности, как форма

познания святости глубинными слоями сознания через поэтический текст.

Прототипичность выводит теологическую поэтику к праксисно-этическим задачам по формированию «методов изображения сознания персонажей в нарративных текстах» (Margolin, 2003) и «способов создания характеров» (Culpeper, 2001). Религиозный подвижник как ключевой характер-персонаж тео-поэтики являет собой особый тип познания, показывающий и доказывающий через свою святость практическую результативность когнитивной стратегии тео-поэтики. Уникальность тео-поэтики проявляется в том, что она способна в силу вселенской открытости и метафизического всеприсутствия идти параллельно по двум линиям когнитивно-стратегических перспектив – и по пути «стратегии усложнения структуры знаний», и по пути «стратегии регулирования отношений между концептами комплексного формата знаний» (Фурс, 2018: 77). Первый путь прокладывается тео-поэтикой в русле усложненной богословской методологии, представляющей собой образец «сложной структуры знаний»; второй – на основании духовно-когнитивной мобильности тео-поэтики, позволяющей конфигурировать продуктивные отношения между концептами знаний.

Праксисная результативность тео-поэтических когниций определяема тем, что тео-поэтика блендирует концепт как корпускулу знания и художественный образ как «конфигурацию единиц знания, предполагаемые или реализованные межконцептуальные связи» (Маслова, 2014: 59). Тео-поэтический образ – это одновременно и познавательный концепт Боговидения в типологической структуре художественных концептов: от чувственно воспринимаемого ядра поэзии (к примеру, тео-стихия чувств в *Песни песней*) через логико-перцептивные доминанты поэтико-богословских систем (поэтические каноны Андрея Критского) к образно-эмоциональным концептам (религиозная поэзия Ломоносова и Державина); и вместе с тем тео-поэтичность – это художественный образ «как один из вариантов представления художественного (поэтического) концепта в языке художественного (поэтического) текста и значимый элемент текста» (Маслова, 2014: 61). Органичное сочетание когнитивности и художественности позволяет тео-поэтике перемещаться по всей шкале человеческого опыта (achieve Human Scale), придавая когнитивным процедурам («сжимать то, что разнесено; достигать проникновения в сущность вещей; усиливать значимые связи; составлять из событий историю; идти от Многого к Одному» (Fauconnier, Turner 2002: 312)) результативность миропознания.

Из способности теологической поэтики когнитивно «возлетать» по различным шкалам и линиям развития рождается метазадача познавательного «стандарта»: создание совершенного – идеального! – языка тео-поэтики. Право на создание языка когнитивного совершенства не может исключительно принадлежать рациональности и радикальной логичности, модели идеального языка в концепциях Г. Фреге или Б. Рассела, при всем различии их позиций, претендуют на описание идеального языка только в рамках позитивистского логицизма (парадокс Рассела показывает ограниченность рацио-языка даже в обозначенных форматах), а потому за гранью рационального остается поле для создания «иного», тео-поэтического, идеального языка познания. Параметром совершенного тео-языка становится именно его духовно-когнитивная открытость (в том числе и открытость к критике за подобную мобильность), которая парадоксально возвращает в тео-лингвистику человечность как норму познания, актуализирует – через тео-поэтику в том числе – когнитивную значимость «существования *сущностей* более высокого порядка, чем воспринимаемые

индивидуальные вещи» (Селларс, 2002: 111) (курсив автора. – *С.К.*). Тем самым, принципиальная возможность создания «идеального» языка за счет ресурсов сверх-рациональности и сверх-эмпиричности имеет право на существование, а тео-поэтика способна предоставить «материалы» для построения концепции совершенного («как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48)) языка познания.

В фокусе метазадачи по созданию идеального тео-поэтического языка формулируются и под-задания, проявляющиеся на самых разных уровнях познания, например, даже в такой, казалось бы, далекой от поэтической сферы области, как социальная инженерия. Так, проблема формирования духовного «когнитариата» (Срничек, 2019: 28), то есть интеллектуалов в сфере духовности, занятых целенаправленно и профессионально познанием, может быть описываема и в категориях тео-поэтики. Примером может служить религиозная поэзия Исаака Сирина в «Постнических словах» или Грегора Нарекаци в «Книге скорбных песнопений», где поэтически был изображен человек, посвящающий свою жизнь Богопознанию. Актуальность и востребованность образа христианского «когнитария», выстраивающего свою познавательную стратегию на основании «возлетания» тео-поэтических смыслов, показывает результативность тео-поэтики в ее активации сверх-политических и даже сверх-исторических ресурсов.

Но, конечно, более близкими для теологической поэтики выступают задания по преображению мировоззренческого инструментария когнитивности. Закономерно, что построение особой тео-поэтической модели познания начинается с языковых уровней, с презентации поэтического «синтаксиса Бога», «бесконечного синтаксиса» (Ross, 1986), в котором преодолевается эмпирический предел языкового познания. Порог опыта, лежащий в основании вне-религиозного познания (что признается даже рацио-когнитарием Дж. Лакоффом: «…опыт в существенном отношении структурирован до и независимо от образования каких-либо концептов. Существующие концепты могут накладывать дополнительное структурирование на опыт, который мы получаем, но базовые структуры опыта присутствуют независимо от какого-либо наложения таких концептов» (Лакофф, 2004: 253)]), в религиозной когнитивности отодвигается в до-опытное предчувствие Божественного, выражаемого в образных категориях тео-поэтики.

В когнитивной стратегии тео-поэтики особую роль начинают играть языковые универсалии, призванные показать принципиальную возможность познания как до-эмпирического действия. Тео-поэтика в художественных образах описывает такой метод познания, при котором универсальные концепты выступают непреходящими и вне-опытными основаниями для постижения мира. Так, рекурсия Н. Хомского в тео-поэтике может проявляться как использование универсальной потребности в Божественном в бесконечном многообразии поэтической образности. Неизбывно-универсальное вращение познания «вокруг» идеи Божественности позволяет тео-поэтике воспроизводить универсальные смыслы на каждом новом этапе развития культуры – от библейского призыва «во всех путях твоих познавай Его» (Притч. 3:6) до «Рождественского романса» И. Бродского, видевшего в Богопознании особый этап совершенствования своего поэтической когниции – познания смысла человеческого рождения: «С тех пор как я принялся писать стихи всерьез, – я к каждому Рождеству пытался написать стихотворение – как поздравление с днем рождения» (Бродский, 2000: 557).

Универсальное присутствие Богопознания в поэтических произведения укладывается в парадигму «литературных универсалий» А. Ричардсона, выявляющего такие аспекты литературного

миропознания, которые должны имплицитно «обнаруживаться в различных культурах в узнаваемой форме» (Richardson, 2004: 10). Идея «универсальной литературы», разрабатываемая П. Хоганом, характеризует литературные универсалии как «характеристики (свойства, отношения, структуры) произведений одного типа (например, нарративных), встречающиеся в генетически не связанных и не влиявших друг на друга традициях с большей частотой, чем можно было бы предсказать, исходя из теории вероятности» (Hogan, 2016), – а в рамках тео-поэтики как раз и происходит рекурсивное воспроизведение познавательных смыслов. Перечень универсалий, воспроизводимых в тео-поэтике, достаточно широк, ведь «универсальными могут быть как отдельные литературные техники, так и нетехнические корреляции (nontechnical correlation)» (Лозинская, 2007: 129). Литургические песнопения, «тропари, стихиры, ирмосы, кондаки, икосы, светильны, степенны… догматики, задостойники, крестобогородичны, хвалитны, изобразительны… самогласны, подобны, самоподобны» (Седакова, 2017: 8) – все эти «рекурсивно» воспроизводящиеся на протяжении столетий жанры отражают причастность теологической поэтики к универсалиям познания, показывают неизбывность когнитивной интенции тео-поэтического миропознания.

Кроме того, к «классическому» универсализму литературного познания тео-поэтика способна добавить ключевую доминанту: религиозная поэзия позволяет обратиться через художественно-языковой «портал» к восприятию уже не только очеловеченных универсалий, но и универсалий Божественного «стандарта», демонстрирует принципиальную возможность соположения/уподобления человеческого и Божественного познания мира. Принятие универсалий в тео-поэтический контекст переводит познание на качественно иной уровень, где универсалии преображаются в трансценденталии, в которых за «вещью», описываемой в тео-поэтических образах, раскрывается «идентичность Благого и Сущего» (Гагинский, 2021: 70). Через универсалистскую познаваемость тео-поэтики начинает проступать Богопознание, именно в тео-поэтике воплощается когнитивная установка Хомского на предопределенность языка: «Язык развивается изнутри предопределенным образом» (Хомский, 1972: 94). Божественная предопределенность языка прорывается через тео-поэтику, дает возможность привнести в человеческое познание элементы – пусть и «сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор 13:12) – Богопознания. Преображение предела между человеческим и Божественным познанием предстает в тео-поэтике как раз в виде когнитивно-семантической универсалий – и в Книге Премудрости Соломона (Прем. 13:1-2), и в «Концоньере» Петрарки, и в духовных стихах С.С. Аверинцева…

Тео-поэтика в своей трансцендентально-когнитивной стратегии реализует принцип преображения языкового выражения, при котором «языковое выражение не служит контейнером для своего значения, оно выступает в качестве подсказки (prompt), стимулирующей процесс конструирования смысла в рамках конкретной дискурсивной ситуации. Таким образом, практически любое высказывание становится неоднозначным, допускает различные интерпретации» (Лозинская, 2007: 34). Неоднозначность теологической поэтики, ее полиинтерпретативность позволяет задать особые параметры когнитивности, выводящие познание на простор миропонимания, в котором реактивируются изначальные – предопределенные! – модели познания, где появляется место (со всей развернутостью когнитивной парадигмы «места» – от «Τοπικά» Аристотеля до «lieu de mémoire»

П. Нора), например, для онтологического удивления как первоимпульса к познанию. Когнитивная открытость, возможность всего и удивление перед распахнувшейся вселенной смысла – именно это позволяет сформировать тео-поэтике модель удивляющейся личности, («человек как существо, удивляющееся самому себе» (Ажеж, 2003: 12)), удивляющейся раскрытию в ней дара познания. Так, библейская поэтика Книги Иова, весь когнитивно-поэтический драматизм вопрошаний ветхозаветного праотца формирует пространство познавательного удивления-изумления. Тео-поэтическая закольцовка – все то же проявление универсальности – перебрасывает когнитивистику удивления и в поэтику Нового Завета: «Факт личности Иисуса Христа так чудесен и одновременно так реален. Павел находится перед этим фактом без каких бы то ни было оговорок, совершенно удивленный, и он пребывает перед ним именно как перед этим решительным фактом, перед Иисусом Христом» (Барт, 2010: 54). Фактология удивления, создаваемая тео-поэтикой, и есть задача ее когнитивной стратегии, важное условие результативности тео-поэтического познания.

Из сущности задачи по активации когнитивного удивления порождается и следующий уровень познания: определение контуров подлинной новизны. Тео-поэтика предлагает свой вариант евангельской модели миропознания, явленной в когнитивной максиме «будьте как дети» (Мф. 18:3), выраженной в постановке проблемы нового знания и способов познания открывающейся новизны. Здесь снова проявляется внутренняя целостность когнитивной стратегии тео-поэтики, основанной на принятии детскости как опыта предопределенного познания: «Ребенок при рождении не может знать, каким языком ему предстоит овладевать, но он должен знать, что его грамматика должна иметь заранее предопределенную форму» (Хомский, 1972: 108). Возвращение посредством тео-поэтики в новизну детского восприятия, принятие модели «детского» познания, видящего мир как пространство «новой земли и нового неба», формулирует когнитивную задачу, явленную для примера в образе Христа-младенца, в целом в рождественской тематике поэтических произведений.

Опыт нахождения новизны как когнитивный опыт неизбывно присущ христианству, в этом состоит когнитивная динамика между познавательной поэтикой Ветхого и Нового Заветов. Подлинность новизны, острота познаваемой новизны становится импульсом к построению когнитивной стратегии теологической поэтики – как в целом, так и в области метафизики. (Показателен современный призыв к метафизической новизне: «XX в. прошел под знаком кризиса метафизики, но это значит, что нас уже не удовлетворяет старая метафизика – пришла пора создавать новую» (Волкова, Синеокая, Гагинский, 2018: 107).) Тео-поэтика как раз и предлагает свою версию принципиальной новизны как познавательной задачи, свою когнитивную концепцию непреходяще-универсальной новизны, исходящей из бесконечной глубины поэтических смыслов Богопознания. Ведь даже поэтика еще Ветхого Завета исходила из того, что имя Бога – одно единственное слово! – включало в себя все мироздание: «само имя Яхве – сокращение древней формулы Заставляющий-быть-все-сущее» (Аверинцев, 2004, URL), и в этом слове сокрыта подлинная новизна, которую и призвана познать тео-поэтика…

Заключение

Принятие теологической поэтики как результативного когнитивного ресурса, как особой методологии художественного познания позволяет включить в познание такие уникальные модели, как когнитивная симфоничность, открытость познавательных парадигм самым разным сферам миропознания. Через активацию поэтического описания Божественного всеприсутствия изменяется роль

познающего, на первый план выходит когнитивно-сотериологическое единство познания и спасения, само познание в рамках тео-поэтики оказывается соположенным спасению. Тео-поэтические произведения формируют стратегию познавательного обожения, которое может стать когнитивным шансом на преображение и построение духовно-интеллектуальных перспектив.

Активируя в своей смысловой архитектонике Божественный «стандарт» познания, теологическая поэтика опирается на мощную богословскую традицию Богопознания, что позволяет ей выйти на онтологический масштаб познавательных задач. Именно внутренняя структурированность и внешняя масштабность дают тео-поэтике право на формулировку когнитивных задач, на принципиальное видение векторов познания в виде своеобразного «алгоритма» целеполагания, определяющего задания на самых разных познавательных уровнях. Это могут быть и задачи «локального», праксисно-этического характера, такие как определение социально-этических контуров духовного «когнитариата», создание прототипических «стандартов» ценности и определение «весовой» значимости моделей когнитивного поведения, основанного на религиозной системе ценностей, и другие. Художественно-языковые возможности тео-поэтики расширяют мировоззренческий инструментарий когнитивности, активируя прежде всего опыт универсалистского языкового миропознания, способного в своей симфоничности к «блендированию» познавательного концепта как «единицы знания» и художественного образа, что приводит к принципиальной возможности соположения/уподобления человеческого и Божественного познания мира.

К числу когнитивно-мировоззренческих задач тео-поэтики можно отнести и построение моделей «детского» познания, что, в свою очередь, ведет к формированию установки на когнитивное удивление перед безграничными просторами смысловых вселенных и открытие принципиального присутствия новизны в познавательных стратегиях.

Но теологическая поэтика готова предложить и мета-задачу познавательного «стандарта»: создание совершенного – идеального! – языка познания, основанного на признании Божественного творения и соотносящего стихотворение и Творение. Только в таком случае, как представляется, способно возникнуть понимание подлинной свободы познания, ведь «поэзия уникальна в том отношении, что само ее средство безгранично и свободно; иными словами, ее средство – язык – представляет собой систему с неограниченным потенциалом инноваций, используемых для формирования и выражения мысли» (Хомский, 2005: 47). Тео-поэтика предлагает свой вариант возвращения свободы в познание, свое восприятие освобожденности в постижении мира. Мудрость и свобода есть те когнитивные концепты, которые через яркость тео-поэтических образов становятся ориентирами на пути Богопознания, где явится «Бог, Которого отчасти уже постигаем, отчасти стараемся постигнуть и некогда постигнут те, которые хорошо Его искали здесь и в жизни, и в созерцании» (Григорий Богослов, 2007: 326). Такую надежду на «хорошее» (Быт. 1:31) постижение мира и необходимо рассматривать как ключевой духовно-когнитивный результат тео-поэтики.

Литература

Аверинцев, С. С. (2004), «Литература Ветхого Завета», *Альфа и Омега,* 41, URL: https://www.pravmir.ru/literature-vethogo-zaveta/ (дата обращения 20.08.2024.)

Аверинцев, С. С. (1997), *Поэтика ранневизантийской литературы*, Coda, Москва.

Автономова, Н. С. (2017), *Познание и перевод. Опыты философии языка,* Центр

гуманитарных инициатив, Москва; Санкт-Петербург.

Ажеж, К. (2003), *Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки*, пер. с фр. Нарумова, Б. П., Едиториал УРСС, М.: 2003.

Бардамова, Е. А. (2021), «Аксиология пустоты», *Вестник Пятигорского государственного университета*, 4, 204-208.

Барт, К. (2010), *Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам,* пер. с нем. Хулапа, В. и Витковского, В., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Москва.

Бродский, И. (2000), *Большая книга интервью*, сост. Полухина, В., изд. Захаров, Москва.

Воденко, К. В. (2012), «Религия и наука в европейской культуре: динамика соотношения когнитивных практик», дис. ... доктора философских наук, ЮФУ, Ростов-на-Дону.

Волкова, Н. П., Синеокая, Ю. В. и Гагинский, А. М. (2018), «Открывает ли философия новое», *Человек,* 6, 98-113.

Гагинский, А. М. (2021), «Transcendentalia entis как актуальный философский проект», *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 95, 67–87.

Глебкин, В. В. (2013), «Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа», *Вопросы философии,* 9, 161-174.

Григорий Богослов. (2007), *Слова. В 2 тт. Т. 1*, Сибирская благозвонница, Москва.

Демьянков, В. З. (2005), «Когниция и понимание текста», *Вопросы когнитивной лингвистики,* 3, 5-10.

Колесников, С. А. (2014), *Православная теология XX века: духовно-нравственный праксис антидеструктивности и созидания,* ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород.

Лакофф, Дж. (2004), *Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении*, пер. с англ. Шатуновский И. Б., Языки славянской культуры, Москва.

Левшун, Л. В. (2009), *О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков,* Белорусская Православная Церковь, Минск.

Лозинская, Е. В. (2007), *Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор*, РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. литературоведения, Москва.

Маслова, Ж. Н. (2014), *Введение в когнитивную поэтику*, Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов.

Пинкер С. (2016), *Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу*, пер. с англ. Мурат, В. П. и Ульяновой, И. Д., изд. 2-е, испр., URSS, ЛИБРОКОМ, Москва.

Польсков, К. О. (2010), «К вопросу о научном богословском методе», *Вопросы философии*, 7, 93-101.

Седакова, О. А. (2017), *Мариины слезы. Комментарии к православному богослужению. Поэтика литургических песнопений*, Благочестие, Москва.

Селларс У. (2002), «Грамматика и существование: Предисловие к онтологии», *Язык, истина, существование,* сост. Суровцев, В. А., Изд-во ТомГУ, Томск, 111–154.

Срничек, Н. (2019), *Капитализм платформ*, пер. Добряковой, М., Изд. дом ВШЭ, Москва.

Фурс, Л. А. (2018), «Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания», *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2, 74-78.

Хомский, Н. (2005), *Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли,* пер. с англ., предисл. Нарумова, Б. П., КомКнига, Москва.

Хомский, Н. (1972), *Язык и мышление*, пер. с англ. Городецкого, Б. Ю., Изд-во МГУ, Москва.

Широнин, В. М. (2013), *Когнитивная среда и институциональное развитие,* Изд-во СПбГЭУ, Санкт-Петербург.

Щедровицкий, Г. П. (2000), *Знак и деятельность*, Восточная литература, Москва.

Юрченко, В. С. (2000), *Очерки по философии языка и философии языкознания*, Саратовский педагогический институт, Саратов.

Alter, R. (1985), *The Art of Biblical Poetry*, Basic Books, New York.

Carpenter, A. (2012), «Theo-Poetics: Figure and Metaphysics in the Thought of Hans Urs von Balthasar», Ph.D. Thesis, available at: https://epublications.marquette.edu/dissertations_mu/191 (accessed: 20.08.2024.)

Cruz-Villalobos, L. (2015), *Theological Poetry*, Hebel Ediciones, Santiago de Chile.

Culpeper, J. (2001), *Language and characterization: People in plays and other texts*. Longman, London.

Fauconnier, G. & Turner, M. (2002), *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, Basic Books, New York.

Goodman, N. (1978), *Ways of Worldmaking*, Hackett, Indianapolis.

Hogan, P. C. (2016), "What are literary universals?", *Literary universals project*, University of Connecticut, URL: https://literary-universals.uconn.edu/2016/10/10/what-are-literary-universals/ (accessed: 20.08.2024)

Hopper, S. (1992), *The Way of Transfiguration: Religious Imagination As Theopoiesis*, John Knox Press, Westminster.

Lonergan Bernard, J. F. (1973), *Philosophy of God and Theology*, Darton, Longman and Todd, London.

Margolin, U. (2003), "Cognitive science, the thinking mind, and literary narrative", *Narrative theory and the cognitive sciences*, Center for the study of language and information, Stanford (CA), 271–294.

Miller, D. (1989), *Hells and holy ghosts: a theopoetics of Christian belief*, Abingdon Press, Nashville, USA.

Richardson, A. (2004), "Studies in literature and cognition: A field map (inroduction)", *The work of fiction: Cognition, culture, and complexity*, Spolsky, E & Richardson, A. (ed.), Routledge, London, 1–29. DOI: 10.4324/9781315236544.

Ross, J. R. (1986), *Infinite syntax!*, ABLEX, New York.

Stockwell, P. (2002), *Cognitive Poetics: An Introduction*. Routledge, London and New York.

Wilder, A. (1976), *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*, Fortress, Philadelphia.

References

Alter, R. (1985), *The Art of Biblical Poetry*, Basic Books, New York, USA.

Averintsev, S. S. (1997), *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine literature], Coda, Moscow, Russia. (In Russ.).

Averintsev, S. S. (2004), "Literatura Vetkhogo Zaveta" [Literature of the Old Testament], *Alpha and Omega*, 41, available at: https://www.pravmir.ru/literature-vethogo-zaveta/ (Accessed 20 August 2024.) (In Russ.).

Avtonomova, N. S. (2017), *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experiments in the Philosophy of Language], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, St. Petersburg, Russia. (In Russ.).

Bardamova, E. A. (2021), "The axiology of emptiness", *Pyatigorsk State University Bulletin*, 4, 204-208. (In Russ.).

Barth, K. (2010), *Tolkovanie Poslaniy k Rimlyanam i Filippiytsam* [Brief explanation of the Epistle to the Romans; Explanation of the Epistle to the Philippians (Kurze erklärung des römerbriefes; Erklärung des Philipperbriefes)], transl. from German by V. Hulap and V. Vitkovsky, St. Andrew's Bible and Theological Institute, Moscow, Russia. (In Russ.).

Brodsky, I. (2000), *Bolshaya kniga interviyu* [The Big Book of interviews], comp. V. Polukhina, Zakharov, Moscow, Russia. (In Russ.).

Carpenter, A. (2012), «Theo-Poetics: Figure and Metaphysics in the Thought of Hans Urs von Balthasar», Ph.D. Thesis, available at: https://epublications.marquette.edu/dissertations_mu/191 (Accessed 20 August 2024.)

Chomsky, N. (2005), *Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoy mysli* [Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought], transl. by Narumov, B. P., KomKniga, Moscow, Russia. (In Russ.).

Chomsky, N. (1972), *Yazyk i myshlenie*. [Language and mind], transl. by Gorodetsky, B. Yu., Publishing House of Moscow State University, Moscow, Russia. (In Russ)

Cruz-Villalobos, L. (2015), *Theological Poetry*, Hebel Ediciones, Santiago de Chile, Chile.

Culpeper, J. (2001), *Language and characterization: People in plays and other texts*. Longman, London, UK.

Demyankov, V. Z. (2005), "Cognition and understanding of text", *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 5-10. (In Russ.).

Fauconnier, G. & Turner, M. (2002), *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, Basic Books, New York, USA.

Furs, L. A. (2018), "The interplay of cognitive and metacognitive levels in the formation of complex knowledge", *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 74-78. (In Russ.)

Gaginsky, A. M. (2021), "Transcendentalia Entis as a Currently Relevant Philosophical Project", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 95, 67-87. (In Russ.).

Glebkin, V. V. (2013), "The theory of the conceptual integration of G. Fauconnier and M. Turner: attempt of system analysis", *Voprosy filosofii*, 9, 161-174. (In Russ.).

Goodman, N. (1978), *Ways of Worldmaking*, Hackett, Indianapolis, USA.

Gregory the Theologian (2007), *Slova*. *T. 1*. [Words. Vol. 1]. Sibirskaya blagovestnitsa, Moscow, Russia. (In Russ.).

Hagege, C. (2003), *Chelovek govoryashchiy. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [The man of words. Contribution of linguistics to the humanities. (L'homme de paroles)], transl. from French by Narumov, B. P., Editorial URSS, Moscow, Russia. (In Russ.).

Hogan, P. C. (2016), "What are literary universals?", *Literary universals project*, University of Connecticut, USA, URL: https://literary-universals.uconn.edu/2016/10/10/what-are-literary-universals/ (Accessed 20 August 2024)

Hopper, S. (1992), *The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis*, John Knox Press, Westminster, UK.

Kolesnikov, S. A. (2014), *Pravoslavnaya teologiya XX veka: dukhovno-nravstvenny praksis antidestruktivnosti i sozidaniya* [Orthodox theology of the twentieth century: spiritual and moral praxis of anti-destructiveness and creation], Publishing House "Belgorod" of the National Research University "BelSU", Belgorod. (In Russ.).

Lakoff, J. (2004), *Zhenshchiny, ogon i opasnyye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thought], transl. from English by Shatunovsky, I. B., Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia. (In Russ.).

Levshun, L. V. (2009), *O slove preobrazhennom i slove preobrazhayushchem. Teoreticheskiy ocherk istorii vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI-XVII vekov* [About the Word transfigured and the word transforming. A theoretical sketch of the history of the East Slavic book word of the 11-17th centuries], Belarusian Orthodox Church, Minsk, RB. (In Russ.).

Lonergan Bernard, J. F. (1973), *Philosophy of God and Theology*, Darton, Longman and Todd, London, UK.

Lozinskaya, E. V. (2007), *Literatura kak myshlenie: Kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX-XXI vekov: Analiticheskiy obzor* [Literature as thinking: Cognitive Literary studies at the turn of the 20–21st centuries: An analytical review], Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Center for Humanitarian Research and Information Studies, Department of Literary Studies, Moscow, Russia (In Russ.).

Margolin, U. (2003), "Cognitive science, the thinking mind, and literary narrative", *Narrative theory and the cognitive sciences*, Center for the study of language and information, Stanford (CA), 271–294.

Maslova, Zh. N. (2014), *Vvedenie v kognitivnuyu poetiku* [Introduction to cognitive poetics], Publishing House of G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia (In Russ.).

Miller, D. (1989), *Hells and holy ghosts: a theopoetics of Christian belief*, Abingdon Press, Nashville, USA.

Pinker, S. (2016), *Substantsiya myshleniya: yazyk kak okno v chelovecheskuyu prirodu* [The stuff of thought], transl. by Murat, V. P. & Ulyanova, I. D., 2nd ed., corrected, URSS, LIBROCOM, Moscow, Russia. (In Russ.).

Polskov, K. O. (2010), "On the issue of scientific theological method", *Voprosy filosofii*, 7, 93-101. (In Russ.).

Richardson, A. (2004), "Studies in literature and cognition: A field map (introduction)", *The work of fiction: Cognition, culture, and complexity*, Spolsky, E & Richardson, A. (ed.), Routledge, London, 1–29. DOI: 10.4324/9781315236544.

Ross, J. R. (1986), *Infinite syntax!*, ABLEX, New York, USA.

Sedakova, O. A. (2017), *Mariiny slezy. Kommentarii k pravoslavnomu bogosluzheniyu. Poetika liturgicheskikh pesnopeniy* [Mary's tears. Comments on Orthodox worship. Poetics of Liturgical Hymns], Blagochestiye, Moscow, Russia. (In Russ.).

Sellars, W. (2006), «Grammar and Existence: Preface to Ontology", *Yazyk, istina,*

sushchestvovanie [Language, truth, existence], comp. Surovtsev, V. A., Tomsk State University, Tomsk, Russia. (In Russ.).

Shchedrovitsky, G. P. (2005), *Znak i deyatelnost* [Sign and activity], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia (In Russ.).

Shironin, V. M. (2013), *Kognitivnaya sreda i institutsionalnoe razvitie* [Cognitive environment and institutional development], Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (In Russ)

Srnichek, N. (2019), *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], transl. by Dobryakova, M., HSE Publishing House, Moscow, Russia. (In Russ)

Stockwell, P. (2002), *Cognitive Poetics: An Introduction*. Routledge, London and New York, USA.

Vodenko, K. V. (2012), "Religion and science in European culture: dynamics of the correlation of cognitive practices", D. Sc. Thesis on Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, available at: http://www.dslib.net/filosofia-religii/religija-i-nauka-v-evropejskoj-kulture-dinamika-sootnoshenija-kognitivnyh-praktik.html] (accessed on 20.08.2024.) (In Russ.).

Volkova, N. P, Sineokaya, Y. V. & Gaginsky, A. M. (2018). "Does Philosophy Discover Something New?", *Chelovek*, 6, 98-113 DOI: 10.31857/S023620070002347-8 (In Russ.).

Wilder, A. (1976), *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*, Fortress, Philadelphia, USA.

Yurchenko, V. S. (2000), *Ocherki po filosofii yazyka i filosofii yazykoznaniya* [Essays on the philosophy of language and the philosophy of Linguistics], Saratov Pedagogical Institute, Saratov, Russia (In Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; *skolesnikov2015@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0000-3829-6167

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *skolesnikov2015@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0000-3829-6167

УДК 1.16.165.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-2**

V. R. Zulfugarov

Epistemic coercion and epistemic necessity in scientific cognition: a philosophical analysis

Institute of Philosophy and Sociology, Azerbaijan National Academy of Sciences,
115 Ave. Huseyn Javid, Baki city, AZ1073, Azerbaijan; *vzulfugarov@gmail.com*

Abstract. The article includes a presentation and analysis of the discussions on epistemic coercion in the journal "Epistemology and Philosophy of Science" (Vol. 61, No. 3) in 2024. On this basis, the main philosophical and epistemological features of epistemic coercion were investigated. First, the views of a number of philosophers on the concept of "epistemic coercion" of the American philosopher Steve Turner are briefly outlined. On this basis, the different positions of the philosophers participating in the discussion are explained. Specific examples are selected from their ideas. The problem is analyzed against the background of different approaches. As a result, a comparison of different positions regarding the philosophical meaning of epistemic obligation allows us to draw a number of general conclusions. The article puts forward the thesis that the meaning of the concept of "epistemic obligation" in the understanding of S. Turner carries a certain paradox. This paradox is associated with the need to carry out scientific creativity regardless of the individual and within the framework of certain a priori conditions in each historical period. That is, the creative personality in all cases is naturally influenced by factors that depend on the nature of a specific individual, social and collective coexistence. This is how any situation of awareness arises. Therefore, it seems more appropriate to speak of "epistemic necessity" rather than "epistemic compulsion" in light of modern scientific demands. This is the main thesis of the paper. The studies of P. Feyerabend and S. Fuller, within the framework of social epistemology and the epistemology of cognitive distribution, occupy a special place in the scientific basis of the study. It is the interplay of cognitive, social, political and scientific-organisational aspects that constitutes the scientific and theoretical basis of the whole article under a common epistemological "umbrella". To achieve the scientific goal set in the article, an interdisciplinary approach was used. At this time, such methodological principles as intersubjectivity, synergetic formation and dissemination of knowledge were applied. In accordance with these methodological principles, the method of synergetic integration was used.

Keywords*:* distribution of knowledge; social epistemology; scientific knowledge; intersubjectivity; disinformation; scientific expertise; freedom of scientific creativity; cognitive environment; epistemic damage

For citation: Zulfugarov, V. R. (2025), "Epistemic coercion and epistemic necessity in scientific cognition: a philosophical analysis", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 19-27.DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-2

Зульфугаров В. Р.

Эпистемическое принуждение и эпистемическая необходимость в научном познании: философский анализ

Институт философии и социологии, Национальная Академия Наук Азербайджана,
Г. Джавид пр., д. 115, г. Баку, AZ1073, Азербайджан; *vzulfugarov@gmail.com*

Аннотация. Статья включает презентацию и анализ дискуссий об эпистемическом принуждении в журнале «Эпистемология и философия науки» (т. 61, № 3) в 2024 году. На этой основе были исследованы основные философские и эпистемологические особенности эпистемического принуждения. Сначала кратко изложены взгляды ряда философов на концепцию «эпистемического принуждения» американского философа Стива Тёрнера. На этой основе объясняются разные позиции философов, участвующих в дискуссии. Приводятся конкретные примеры, предложенные философами для иллюстрации своих идей. Проблема анализируется на фоне разных подходов. Сравнение различных позиций относительно философского значения эпистемического обязательства позволяет сделать ряд общих выводов. В статье выдвигается следующий тезис: значение понятия «эпистемическое обязательство» в понимании С. Тёрнера несет в себе определенный парадокс, связанный с необходимостью осуществления научного творчества независимо от личности и в рамках определенных априорных условий в каждый исторический период. То есть творческая личность во всех случаях естественным образом находится под влиянием факторов, которые зависят от характера конкретного индивидуального, социального и коллективного сосуществования. Так возникает любая ситуация осознания. Поэтому разговор об «эпистемической необходимости», а не об «эпистемическом принуждении» сам по себе представляется более адекватным в свете современных научных требований. Это основной тезис статьи. В научной базе исследования особое место занимают работы П. Фейерабенда и С. Фуллера в рамках социальной эпистемологии и эпистемологии когнитивного распределения. Именно взаимодействие когнитивных, социальных, политических и научно-организационных аспектов составляет научно-теоретическую основу статьи в целом под общим гносеологическим «зонтиком». Для достижения научной цели, поставленной в статье, использован междисциплинарный подход. Были применены такие методологические принципы, как интерсубъектность, синергетическое формирование и распространение познания. В соответствии с этими методологическими принципами был использован метод синергетической интеграции.

Ключевые слова: распределение познания; социальная эпистемология; научное знание; интерсубъективность; дезинформация; научная экспертиза; свобода научного творчества; когнитивная среда; эпистемический ущерб

Для цитирования: Зульфугаров, В. Р. (2025), «Эпистемическое принуждение и эпистемическая необходимость в научном познании: философский анализ», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 19-27, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-2

Introduction. In recent years, one of the issues that has been widely discussed in the philosophical understanding of scientific cognition is the concept of "epistemic coercion". In 2024, a comprehensive discussion on this topic was opened in the journal *Epistemology & Philosophy of Science*. Epistemic coercion is analyzed within the framework of social epistemology. American philosopher Steven Turner examines the problem in the context of a cognitive situation that encompasses both "belief" and "scientific knowledge". He argues that epistemic coercion "harms" both belief and scientific knowledge equally.

According to his conclusion, philosophers should neutralize this "harm". He considers this duty as a natural "epistemic responsibility". This is also because, in Turner's view, "disinformation has turned this into an institutional practice". (Turner, 2024: 21).

Continuing his thoughts, S. Turner writes that COVID-19, even in free societies, led to "a broad pressure on knowledge both within science and in terms of expert opinions".

This is already a very serious claim in the context of philosophical thought on scientific cognition. Because in fact it means that epistemic coercion in scientific cognition becomes a rule, a norm, not only on an individual, but also on an institutional scale. In a broader epistemological aspect, it can be attributed to the essence and nature of scientific understanding in general. S. Turner considers this natural and puts the issue as follows: epistemic coercion and resistance to it are "an integral part of science and discourse as a whole" (Turner, 2024: 21).

Finally, the American philosopher also emphasizes a factor that is highly important for the modern era in the context of epistemic coercion. He writes, "The development of digital technologies (such as the emergence of social networks) has created new epistemic possibilities and forms". This process "necessitates a re-examination of the possibilities of resistance against the coercive powers of new technologies" (Turner, 2024: 21).

These ideas clearly show that epistemic limitation refers to the "boundaries of understanding" created by various factors arising from both the internal standards and norms of science and the socio-cultural environment. In other words, the researcher, regardless of their will, cannot step outside, the figuratively speaking "cognitive corridor" that arises from the interaction between the internal characteristics of scientific cognition and the socio-cultural environment in two aspects. In other words, this can be called "epistemic coercion".

One of the interesting aspects of the formulation of S. Turner's problem is related to the impact of disinformation on scientific cognition as a whole. It is important to philosophically understand that this aspect of the issue is related not only to its purely cognitive aspects, but also to the practical application of knowledge and information.

Naturally, philosophers cannot have a unanimous stance on such a serious claim. There are different approaches and positions. Their comparative analysis allows for drawing a number of conclusions that are significant for contemporary philosophy. At the same time, the formulation of the scientific problem in this way requires an appropriate methodological approach.

The article prioritizes an interdisciplinary approach for this purpose. Within this framework, the methodological principles of intersubjectivity, synergetic formation, and distributed cognition are applied.

The method of synergetic integration is used according to the chosen methodology.

The Scientific-Theoretical and Methodological Basis of the Article. The study is based on the approaches to the problem of P. Feyerabend (Feyerabend, 1978), S. Fuller (Fuller, 2018), S. Turner (Turner, 2024), B. Miller (Miller, 2024), I.T. Kasavin (Касавин, Столярова, 2024), R. Sassover (Sassover, 2024).

In the 1970s, P. Feyerabend criticized the epistemic "attempts to erase compulsion" from the history of science. He did not accept "the denial of the elements of compulsion in expertise". His position can be briefly characterized as follows: science and expertise are fundamentally political and compulsory, and therefore it is impossible to erase them from the account (Feyerabend, 1978: 74-90).

Philosophers accept this thesis of P. Feyerabend as a prerequisite and therefore the question "if there are a priori and fundamentally binding epistemic constraints, how can political regimes and cognitive norms be optimally adapted to them in each historical period?" becomes relevant.

To answer this question, they focus on a point that is characteristic of the modern stage and emphasized by S. Fuller in the context of social epistemology. This point, as a unity of the cognitive and socio-cultural aspects of scientific knowledge in general, has a relevant impact against the background of the "post-truth stage of thinking" and the concept of "disinformation" that has become more apparent recently. S. Fuller argues that philosophers presenting themselves as seekers of truth is, to some extent, a form of "disinformation". This is because philosophers view "truth" not as objective reality, but as a "brand", and in this sense, they are "searching for customers for their truths". Therefore, both "truth" and the concept created around it are inherently refutable. As a result, philosophers will always be in different positions when it comes to proving what is true and what is false (Fuller, 2018: 25).

Based on S. Fuller's approach, philosophers characterize "post-truth" as a "strong difference between the visible and reality". Since this contradiction can never be fully resolved, they ultimately present the image as reality. The main issue in philosophy is related to the search for an answer to the question, "Does the frequent change or stabilization of these images lead to 'truth'?". Therefore, "post-truth" is a phenomenon that expresses the widespread nature of the boundaries of substantiated truth. It is precisely in this context that S. Fuller compares the relationship between politics and science (Лисанюк, Перова, 2020: 225).

S. Turner, based on the emphasized positions of P. Feyerabend and S. Fuller, approaches the issue in the context presented in the introduction. B. Miller, on the other hand, focuses more on the sources of the expert's ability to epistemically compel others. Specifically, in times of crisis, granting experts exclusive rights to determine the truth constitutes a specific epistemic compulsion (Miller, 2024: 70).

I.T. Kasavin, on the other hand, approaches epistemic coercion in a broader perspective – in the context of the scientific community's search for internal and external freedom. His main thesis is that the modern scientific community, striving for autonomy in creativity, constantly "hesitates between responsibility in the face of social challenges". In this dynamic, science is formed and the search for scientific truth continues endlessly (Касавин, Столярова, 2024: 7-19).

R. Sassover, on the other hand, looks at the problem more from a socio-political perspective. In his approach, "a contradiction arises between the power of politicians and the desire for freedom of individuals". This determines the main content of epistemic coercion. It is interesting that R. Sassover prefers to follow the recommendations of state experts when resolving this contradiction (Sassover, 2024: 39).

Thus, the theoretical basis of the scientific problem investigated in the article is the interaction of cognitive, social, political and scientific organizational aspects. The methodological basis of research in this direction is such methodological principles as intersubjectivity, synergistic formation and distribution of cognition, which have their own content and functions.

Inter-subjectivity implies that the interaction of cognitive subjects is an absolute condition for the philosophical understanding of epistemic constraint.

The principle of synergistic formation reflects the self-organizing nature of the process as a whole.

Finally, knowledge distribution refers to the way in which knowledge is actually distributed among different subjects (these can be research groups and creative teams) belonging to the cognitive and socio-cultural sphere.

In the understanding of complex systems, this rule is primarily demonstrated. In the article, this rule itself is also considered as an epistemic constraint.

For this form of philosophical understanding of the issue, the synergistic integration method is preferred, as it allows for the formation of a unified logical picture of the propositions.

Research results and discussion. The discussion over epistemic coercion is based on the content of the concept of "scientific truth". Because it is assumed that in the conditions of epistemic coercion, it is impossible in principle to speak of objective scientific truth. In all cases, it will be debatable whether scientific knowledge is objectively true or not. In S. Turner's approach, he even discusses the inevitable harm to scientific knowledge. He supports this by referencing P. Feyerabend's thesis, which asserts that, in general, human scientific activity in society is inevitably influenced by political, cultural, and other factors. At the current stage, the formation of scientific knowledge has become a more complex and contradictory process.

S. Turner believes that this is due to the institutionalization of disinformation. The boundaries of this problem have significantly changed as a result of events that have occurred in recent years. Among these, during the COVID-19 pandemic, a large number of false information and disinformation emerged. Despite all this being explained by some security argument, its main essence is "interference in changing the cognitive environment". That is, forces outside the scientific community, under various pretexts (for example, ensuring "cognitive security", etc.), put pressure on the objective formation of knowledge, in a way "extinguishing" it. This has increased even more in the era of digitalization (Turner, 2024: 24).

As a result of all these changes, according to S. Turner, the overall picture is that, alongside the political conditions that always affect the outcome of scientific activity, the influence of the virtual information network has also strengthened in the digital environment. With this, the boundaries of epistemic necessity have expanded further, and the methods of influence have increased.

For example, according to studies conducted in 2022, social networks have a greater impact on teenage girls. Their ability to resist is more limited compared to boys. Boys can distance themselves from social networks (as a virtual information space) by engaging in sports. However, girls, due to their habits, tend to fall under the influence of virtual realities, and as a result, their "cognitive environment" is distorted (Twenge, Haidt, Lozano, Cummins, 2022: 2-9; Turner, 2024: 36-37).

All of this ultimately makes epistemic necessity even more relevant, and the need to resist this situation in the name of scientific knowledge arises.

However, it is not entirely clear philosophically who will form this "resistance" and how. If we are talking about total control and information influence, then this is, first of all, a seriously developed and is a system with specific purposes. In what ways can the scientific community influence a highly systematic and complex process, the purpose of which is clear only to the "clients"? If the political regime stands behind them, the situation becomes even more complicated. It seems that it is under the influence of such moments that philosophers try to understand the problem philosophically from various aspects.

Boaz Miller emphasizes one aspect of S. Terner's approach. He writes that S. Turner discusses various forms of epistemic coercion. The key point here is to identify the source of epistemic coercion. B. Miller, further concretizing his approach, argues that epistemic coercion in the digital environment

is even stronger in crisis situations and in this capacity actually turns into an “epistemic Leviathan”. The state stands at the source of this and implements it through experts. B. Miller writes: “Experts have given the state the right to take away the freedom of its citizens. They strengthen this with the authority and objectivity of science. In return, the state has granted experts the right to determine the truth and has ensured its enforcement” (Miller, 2024: 71).

In this way, B. Miller puts forward the idea that in the modern stage, epistemic coercion primarily stems from the state-expert relationship in critical stages, likening it to a “dragon”.

I.T. Kasavin and O.E. Stolyarova approach the problem in a broader philosophical context. This approach also encompasses S. Turner's position. Because I.T. Kasavin and O.E. Stolyarova view epistemic coercion as a component of scientific epistemology in general, in the interaction between the freedom and responsibility of researchers. They approach science in a synthesis of two aspects. First, science is a phenomenon that, as a responsible rational choice, “bears responsibility for supporting stability and order”. Second, science is a “field of freedom” in which the search for new knowledge, the creation and discovery of new possibilities for theoretical and practical activity are of the highest value. Therefore, in science, there has always been a search for a “balance between the internal order of scientific research and the external orientation towards order” (Касавин, Столярова, 2024: 7-8). In this sense, the authors explain U. Beck's idea that “science is a constructor of prohibitions” (Бек, 2000; Касавин, Столярова, 2024: 8).

However, I.T. Kasavin and O.E. Stolyarova are convinced that, against the backdrop of epistemic coercion, modern scientific cognition opens up new opportunities for research freedom. Among the signs of this, they point to the concepts of “distributed” and “postnormal” science. Overall, “science, as a leading social institution, shows society the path to creativity and freedom” (Касавин, Столярова, 2024: 19).

R. Sassover transforms the issue in the discussion by focusing on the nature of the relationship between the authority of the scientific community and the independence of individuals. According to his conclusion, it is more appropriate to approach epistemic coercion in the modern stage within this context. In this prism, R. Sassover writes that S. Turner draws conclusions "with intuitive feelings" without sufficient justification. He also states that S. Turner's term “epistemic autonomy” is a “myth” (Sassover, 2024: 40).

In reality, the issue matter is about the balance between individual freedom and state responsibility in modern societies. There may be certain differences between different countries. However, in no case can an individual act completely freely, because he is a citizen of the state. Therefore, at all times “the individual must be limited by the social, political, moral, epistemological boundaries within which he exists” (Sassover, 2024: 49).

Against this background, it is more accurate to speak of “collective research” (J. Dewey) (Brown, 2021: 210-212).

Thus, the discussions conducted show that epistemic coercion is relevant for modern philosophy and epistemology, and the process of its reflection continues. The different approaches of philosophers indicate that, in addition to the complexity of the problem, it is more related to modern socio-cultural and spiritual dynamics. In this regard, we can talk about an increasingly intensive philosophical understanding of epistemic coercion. In the highlighted context, it is possible to draw several conclusions.

Discussions around epistemic coercion show that there are several controversial points both in the formulation and in the explanation of this problem. On the one hand, philosophers, including S. Turner, naturally accept that the norms of science, the historical period, and the political regime influence the cognitive aspect of the scientific creativity process and the organization of scientific

activity. Overall, this has been the case throughout human history (P. Feyerabend), and even some philosophers are of the opinion that science is essentially a system of prohibitions (U. Beck).

At the same time, the philosophers engaged in the discussion accept epistemic coercion, but also speak of resistance against it. S. Turner discusses the types of this resistance. The paradox arises from here. Because if the existence of epistemic coercion in every historical period and in every cognitive situation is not dependent on the individual, then how and why should there be resistance to it?

Therefore, for example, M.S. Kochin considers such a formulation of the problem superficial. According to his position, firstly, in all cases, by controlling the people who speak and write, we can generally "control the discourse". This means that forbidding someone to speak is not a scientific approach. In other words, epistemic coercion in scientific cognition cannot take on a specific content – it creates an endless landscape of discussion and debate. Secondly, we can control "superficial points" through the method we call "epistemic coercion". This, in turn, means that someone, by some means, is attempting to "subjugate and mobilize" a certain cognitive process. So, on what grounds should we consider this kind of "coercion" as scientifically more objective and consistent? (Kochin, 2024: 77-79).

A number of philosophers, however, generally argue that "resistance" by "compulsion" does not have an absolute meaning. For example, epistemic resistance in one aspect gives the impression of being a type of epistemic compulsion when approached from another aspect. In this case, the three types of resistance identified by S. Turner – informational (severe restriction or complete elimination of cognitive possibilities), normalization (pre-imposition of certain cognitive taboos, "stops", "stigmas", cognitive idols) and legitimization – as concepts with relative semantic meaning, can perform an epistemological function depending on the method, form and direction of the approach as a whole (Kostina, 2024: 62-67).

An epistemological comparison of the above discussions and the last two conclusions shows that, although the issue of epistemic coercion is interesting and thought-provoking, its philosophical formulation does not seem constructive. In general, it is difficult to conclude that epistemic coercion can be philosophically effective in S. Turner's presentation. Because there are many paradoxical and contradictory philosophical and scientific points here.

In our opinion, in the philosophical aspect, we can speak of "epistemic necessity" rather than "epistemic compulsion". "Epistemic necessity" means that every process of understanding takes place within predetermined conditions. The semantic field of this concept essentially acquires its philosophical meaning in the "realm" that includes any cognitive process. If the subject falls into the state of a scientific process of understanding, he "carries" "epistemic necessity" in himself. The concept of "compulsion" means falling under the influence of factors of various nature in the course of the process (understanding). The root of being influenced by such factors cannot be determined in the specific cognitive situation. This is because what is considered "necessity" actually expresses the necessary conditions that are predetermined, independent of the subject, before the cognitive situation. In this sense, "epistemic necessity" can be intuited aprioristically, but logically understanding it within the cognitive process is not possible. That is, the subject cannot realize how the cognition is carried out within all the conditions of the situation. For this, they must transcend the temporal cognitive realm. This, however, requires the establishment of different epistemological conditions. It seems that philosophers need to create a new epistemological concept.

Conclusion. Several conclusions can be drawn from the discussions surrounding the philosophical-epistemological problem examined in the article.

It seems that the discussion of the issue of "epistemological coercion" in philosophy remains relevant. Philosophers are trying to achieve its philosophical understanding against the background of a large number of factors.

However, there are researchers who do not agree with the current framing of the issue. Therefore, it is also possible for the discussions to be conducted from different aspects.

The current management of the problem of "epistemic coercion" is paradoxically posed in the prism of the epistemological method and methodological conditions of modern scientific cognition, which leads to a logical purification. The solution to this paradox can be thought of as "extracting" the entire analysis to a broader and different level.

From this perspective, it is possible to formulate the thesis that the expression "epistemic necessity" proposed in the article is more adequate.

Finally, we can conclude that the concept of "epistemic coercion" is highly relevant to contemporary philosophical, epistemological, and scientific discourse. We emphasize the need for further philosophical research in this direction.

References

Beck, U. (2000), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Trans. by Sedenik, V and Fyodorova, N., Progress-Tradition, Moscow, Russia (in Russ.).

Brown, M. J. (2021), "Against Expertise: A Lesson from Feyerabend's Science in a Free Society?", in Schirr, K., & Shaw, J. (Eds.), *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*, Cambridge University Press, Cambridge, 191–212.

Feyerabend, P. (1978), *Science in a Free Society*, Verso, New York.

Fuller, S. (2018), *Post Truth: Knowledge as a Power Game*, Anthem Press, London.

Kasavin, I. T. & Stolyarova, O. E. (2024), "Scientific Community: In Search of Internal and External Freedom", *Epistemology and Philosophy of Science*, 61(3), 6–20 (in Russ.).

Kochin, M. S. (2024), "Censorship and Discourse: Atoms, Bits, & Bodies", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 77–81.

Kostina, A. O. (2024), "Are the Types of Epistemic Coercion and the Means of Its Resistance of the Same Nature?", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 62–69.

Lisyanyuk, E. N. & Perova, N. V. (2020), "Steve Fuller and His Play with Knowledge in the Age of Post-Truth", *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 53, 221–257 (in Russ.).

Miller, B. (2024), "Epistemic Coercion and the Epistemic Leviathan", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 70–76.

Sassover, R. (2024), "Whose Authority, Whose Autonomy?", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 39–49.

Turner, S. P. (2024), "Epistemic Coercion", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 21–38.

Twenge, J. M., Haidt, J., Lozano, J. & Cummins, K. M. (2022), "Specification Curve Analysis Shows that Social Media Use Is Linked to Poor Mental Health, Especially among Girls", *Acta Psychologica*, 224, 1–11.

Литература

Бек, У. (2000), *Общество риска: на пути к новой современности,* Прогресс-Традиция, Москва.

Касавин, И. Т. и Столярова, О. Е. (2024), «Научное сообщество: в поисках внутренней и внешней свободы», *Эпистемология и философия науки*, 61 (3), 6–20.

Лисянюк, Э. Н. и Перова, Н. В. (2020), «Стив Фуллер и его игра знаний в условиях постправды», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 53, 221–257.

Brown, M. J. (2021), "Against Expertise: A Lesson from Feyerabend's Science in a Free Society?", in Schirr, K., & Shaw, J. (Eds.), *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*, Cambridge University Press, Cambridge, 191–212.

Feyerabend, P. (1978), *Science in a Free Society*, Verso, New York.

Fuller, S. (2018), *Post Truth: Knowledge as a Power Game*, Anthem Press, London.

Kochin, M. S. (2024), "Censorship and Discourse: Atoms, Bits, & Bodies", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 77–81.

Kostina, A. O. (2024), "Are the Types of Epistemic Coercion and the Means of Its Resistance of the Same Nature?", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 62–69.

Miller, B. "Epistemic Coercion and the Epistemic Leviathan", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 70–76.

Sassover, R. (2024), "Whose Authority, Whose Autonomy?", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 39–49.

Turner, S. P. (2024), "Epistemic Coercion", *Epistemology & Philosophy of Science*, 61 (3), 21–38.

Twenge, J. M., Haidt, J., Lozano, J. & Cummins, K. M. (2022), "Specification Curve Analysis Shows that Social Media Use Is Linked to Poor Mental Health, Especially among Girls", *Acta Psychologica*, 224, 1–11.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHOR:

Vusal R. Zulfugarov, PhD in Philosophy, Deputy Head of the Science and Education Department of the Presidium of the Azerbaijan National Academy of Sciences, 30 Istiglaliyyat St., Baku, AZ1001, Azerbaijan; *vzulfugarov@gmail.com*

ОБ АВТОРЕ:

Вюсал Рахман оглу Зульфугаров, доктор философских наук, Заместитель заведующего Отделом науки и образования Президиума Национальной Академии Наук Азербайджана, ул. Истиглалият, д. 30, г. Баку, AZ1001, Азербайджан; *vzulfugarov@gmail.com*

УДК: 130.2:392.86 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3**

Михайлин В. Ю.[1], Тихонова С. В.[2]

Протомедиальность архаического серединного пространства: случай симпосия

[1] Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *vmikhailin@yandex.ru*
[2] Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *segedasv@yandex.ru*

Аннотация. Авторы рассматривают протомедиальность как ключевую характеристику истории медиа. Проблемы социокультурной функциональности зон и пространств древних поселений частично затрагивались в антропологических исследованиях, однако развитие теории медиакоммуникации создает возможности для выявления новых междисциплинарных полей. Авторы исходят из того, что история медиа может быть рассмотрена как медиаантропология, позволяющая совмещать категориальные ряды теории медиа и качественные антропологические исследования древних культур. Протомедиальность в этом ракурсе опирается на широкое понимание медиа как посредника любой природы, делающего возможным передачу социальных смыслов. Под ней авторы понимают коммуникационную характеристику древних обществ, задаваемую сопряжением социальной коммуникации и конфигурации обжитого пространства. Дворцово-храмовая архитектура Древнего мира центрирует фигуру обожествленного царя как ключевого посредника между богами и людьми, инициирующего оформление символического строя социального пространства. В полисах Древней Греции, состоящих из конфликтующих и конкурирующих социальных групп, сформировалась потребность в особой среде, позволяющей конвертировать внутренние групповые коды и идентичности друг друга в единое социально-политическое целое. Ее видами стали особые формы серединных публичных пространств, структурацию которых авторы рассматривают на примере симпосия. Представляя собой институт домашнего праздника, устраиваемого в условиях андронов городских домов, симпосий формировал узкое сообщество равных (независимо от их реального или отсутствующего гражданского статуса за стенами дома) через включение их в агональные, гедонистические и демонстративные практики. Авторы показывают, как в симпосиальных рамках осуществлялась синхронизация локальных культурных кодов, необходимая для формирования общегражданской идентичности, и приходят к выводу о том, что она и составляет содержание протомедиальности симпосия.

Ключевые слова: история медиа; протомедиальность; серединное пространство; симпосий; античность

Для цитирования: Михайлин, В. Ю. и Тихонова, С. В. (2025), «Протомедиальность архаического серединного пространства: случай симпосия», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 28-37. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3

V. Yu. Mikhailin[1], S. V. Tikhonova[2]

Protomediality of the archaic middle space: the case of the symposium

[1]Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *vmikhailin@yandex.ru*
[2]Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *segedasv@yandex.ru*

Abstract. The authors consider protomediality as a key characteristic of media history. The problems of the socio-cultural functionality of the zones and spaces of ancient settlements have been partially addressed in anthropological research, but the development of the theory of media communication creates opportunities for identifying new interdisciplinary fields. The authors proceed from the fact that the history of media can be considered as media anthropology, which allows combining the categorical series of media theory and qualitative anthropological studies of ancient cultures. Protomediality in this perspective relies on a broad understanding of media as a mediator of any nature that makes possible the transmission of social meanings. Protomediality is seen as a communication characteristic of ancient societies, set by the conjugation of social communication and the configuration of habitable space. The palace and temple architecture of the Ancient World centers the figure of the deified king as a key mediator between gods and people, initiating the design of the symbolic structure of social space. In the polities of Ancient Greece, consisting of conflicting and competing social groups, there was a need for a special environment that allows converting each other's internal group codes and identities into a single socio-political whole. Its types are special forms of middle public spaces, the structuring of which the authors consider using the example of a symposium. Representing the institution of a house party organized in the conditions of andronous urban houses, the symposium formed a narrow community of equals (regardless of their real or absent civil status outside the walls of the house) through their inclusion in agonal, hedonistic and demonstrative practices. The authors show how the synchronization of local cultural codes, necessary for the formation of a common civil identity, was carried out within the symposium framework, and come to the conclusion that it constitutes the content of the protomediality of the symposium.

Keywords: history of media; protomediality; middle space; symposium; antiquity

For citation: Mikhailin, V. Yu. and Tikhonova, S. V. (2025), “Protomediality of the archaic middle space: the case of the symposium”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 28-37, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3

В современных медиаисследованиях медиа мыслятся инструментально. За редким исключением они интерпретируются в парадигме технологического детерминизма как технические средства, приспособления,

использование которых укладывается в логику орудий труда, в которой один предмет трансформируется для того, чтобы видоизменять другой. Если орудия труда меняют вещи, то медиа связывают с этими вещами смыслы и на этой основе эти смыслы передают от человека к человеку. Поскольку процесс трансформации осуществляется человеком с помощью мышечной силы, постольку техника всегда человекоразмерна, даже гигантские современные машины в основе своей содержат конфигурации, восходящие к временам, когда все металлические детали выходили из рук кузнеца. Однако самым ранним объектом, используемым человеком для передачи социальной информации, становится пространство человеческих поселений.

В доисторическое время структура поселения и социальное пространство по содержанию связей совпадают; в первой функциональное, заданное бытовыми потребностями, теснейшим образом переплетается с социальным, заданным половозрастным разделением труда и основанным на социальном статусе. Постепенно это переплетение потеряет свою прозрачность, и от основоположников пространственного подхода П.А. Сорокина и П. Бурдье обоснование пространственного статуса в социальной теории потребует немалых усилий. Однако в интересующий нас период в древних городах его все еще можно было наблюдать. Если в Египте и Месопотамии мы видим сосредоточение социального в сакральном, выраженном в храмовой и дворцовой архитектуре, являющейся плацдармом для связи фараона/царя с богами, то на древнегреческом материале мы можем проследить реакцию материальной среды города на потребность в осуществлении социального диалога между разными общественными группами, слишком многочисленными, чтобы они могли легко встретиться лицом к лицу, и слишком разрозненными в своей жизнедеятельности для случайной синхронизации. На сегодняшний день патриархально-коммуникативная теория возникновения государства Аристотеля может считаться вполне релевантной афинскому положению дел – этот полис действительно складывался из поселков, созданных различными родами, которые постепенно слились в единое целое, и новое качество их взаимодействия объективировалось не только в политическом строе, но и в том, что было основой «зонирования» городского пространства. Демократия как политическая практика весьма затратна не только с точки зрения временных, но и с точки зрения пространственных ресурсов.

Она вызвала к жизни городское пространство особого вида, а именно серединное пространство, способное объединять идентификацию социальных групп и процессы рационализации речи, ее освобождение от мистериальной цензуры и трансформацию в теоретический инструмент, которому мы обязаны древнегреческой философией. Инструмент этот был по природе политическим, и именно он до сих пор позволяет нам проектировать социальное устройство и моделировать систему властеотношений. Однако лежащее в основе рациональной речи пространство собраний как ключевой топос произнесения этих речей не было нейтральным по отношению к говорению, оно само по себе воздействовало на массы, определяя их сознание и поведение, поскольку несло в себе вполне конкретные сообщения. Иначе говоря, оно выполняло медиальную функцию в маклюэновском смысле. Поскольку это пространство не являлось техническим средством и хронологически возникло в античности, а также в силу нашего уважения к медиатрадиции, мы обозначим эту его особенность как «протомедиальность». В рамках данной статьи мы попытаемся выявить ее содержание и специфику, представляющую интерес в контексте истории медиа.

Заявленный нами исследовательский ракурс выходит за рамки сложившейся в научной литературе традиции рассмотрения симпосия как феномена духовной культуры, укорененного в стихии литературной и философской речи. Симпосий как род литературных произведений, неразрывно связанный с диалогом, рассматривался И.П. Стрельниковой, определившей его как «неканонический нетрадиционный жанр» (Стрельникова, 1989: 137), эту линию продолжает Н.О. Егорова, по мнению которой симпосий позволяет раскрывать логику серьезно-шутливого, трагикомического предмета или характера, а также способствует установлению точной типологии персонажей (Егорова, 2020: 8). Как формат философствования, соединяющий речь и диалогический текст, симпосий рассматривают О.А. Шапиро и О.В. Зарапин, концентрирующиеся на структурировании философской коммуникации в рамках литературной стихии (Зарапин, Шапиро, 2016), этот подход близок к методологическому ракурсу анализа исторических типов социальной коммуникации в их связи с философскими концепциями диалога (Даренская, Лугуценко, 2022). Педагогическую линию изучения симпосия задает В.К. Пичугина, анализирующая воспитательный потенциал симпосиального пира (Пичугина, 2015). Вместе с тем, необходимо отметить существование исследований, констатирующих бытование в античности специфической симпосиальной культуры и тем самым переводящих свою оптику в плоскость социальных практик (Martin, 2001; Зельченко, 2021). В этом ключе симпосий может быть рассмотрен как событийная практика, вписанная в контекст материальной культуры через археологические данные (Завойкина, 2015). На этой основе возможно исследование симпосия как специфически организованного артефактного физического пространства, обеспечивающего сопряжение символических процессов, лежащих в основе структурации пространства социального.

Необходимо отметить, что особая роль серединного пространства, μέσον, в архаическом и классическом греческом полисе уже становилась предметом специального анализа, осуществленного М. Детьеном (Detienne, 1967, 1996)[1]: «Для всех этих социальных институтов – общих собраний, разделов добычи, погребальных игр – характерна одна и та же пространственная модель организации взаимодействия: центральный круг, встав в котором, всякий индивид должен, в идеале, оказаться в реципрокных и обратимых отношениях с каждым из присутствующих. Начиная с эпических времен, подобная репрезентация пространства характеризовалась двумя взаимодополняющими идеями: публичностью и общезначимостью. Для всех собравшихся *meson* был общим местом. Любые помещенные в него ценности становились общими, *xunēia*, то есть противопоставлялись *ktēmata*, ценностям, обретенным лично. То же касалось и слов, произнесенных в этом пространстве: они представляли собой предмет общезначимый» (Detienne, 1996: 97)[2]. Для нас важна трансформация архаических социальных институтов, вышедших из поздней первобытности, в контексте урбанизации, поскольку симпосий, театр, агора трансформируют исходные формы коллективных практик, о которых говорит Детьен (собрания, разделы добычи, погребальные игры).

Архаический греческий миф связывает функцию «правдоговорения»,

[1] При работе над данной статьей мы пользовались текстом американского переводного издания (Detienne, 1996) с оригинальной публикации: Detienne, M. (1967), *Les Maîtres de vérité dans la Grèce archaïque*, Maspero, Paris, France.

[2] Здесь и далее перевод иноязычных текстов мой, если не указано иное. – *В.М.*

неотъемлемую от этого пространства, с фигурами царя, провидца и поэта – как и с особым типом речи, который свидетельствует о способности этих «Владельцев Истины» видеть невидимое и придавать событиям прошлого, настоящего и будущего особый смысл, не искаженный сиюминутными интересами и особенностями человеческой памяти. Эта речь «привносит в наличное бытие справедливость и учреждает законный порядок, не нуждающийся в формальном обосновании и в доказательствах истинности» (Detienne, 1996: 15-16). Она утверждает истину, ἀλήθεια, которая «сияет во тьме». Правом преимущественного доступа к этой истине пользуются люди «благие» и «светлые»: то есть аристократы, стяжавшие себе κλέος ἄφθῐτον, «немеркнущую славу». Слава же завоевывается в агональных, состязательных практиках – воинских, атлетических, политических и т. д. – которые позволяют выявить «лучших», тех, на кого указали владеющие истиной боги.

«Гоплитская революция» середины VII века до н. э. радикально видоизменила характер и функциональные особенности греческого μέσον, превратив его в пространство публичной дискуссии, доступ к которой был открыт уже не только аристократам, но и каждому наделенному гражданским статусом индивиду, и которая вместо априорных суждений опиралась как раз на поиск доказательств и формальных оснований, на аргументацию, на принципы логического непротиворечия и диалога, основанного на способности проводить различие между личным высказыванием и отсылкой к чужому суждению. «Поэты стали выглядеть старомодными, – пишет по данному поводу Марсель Детьен, – и места для этого типа магико-религиозной речи в греческом городе не осталось» (Detienne, 1996: 51).

Нам представляется, что в этом, последнем своем наблюдении Марсель Детьен был прав не вполне, поскольку обошел вниманием весьма любопытный социальный институт, сложившийся как раз в седьмом веке и позволивший ἄριστοι найти альтернативу тому серединному публичному пространству, которое им отныне приходилось делить с куда более многочисленной, чем они, массой «низких» людей. Речь идет об институте аристократического симпосия, частного дружеского праздника, представлявшего собой специфическое развитие архаической практики сисситий и «перекочевавшего» из архаических *мегаронов*, где аристократы бронзового и раннежелезного периодов устраивали пиры для «простого люда»[3], – в *андроны*, куда более скромные по вместимости мужские залы в городских домах. Симпосий – в отличие от пиров прежних времен – был рассчитан на узкое сообщество равных, к которому и были адаптированы соответствующие практики, ориентированные на самолегитимацию и на аккумуляцию символического капитала, а также практики агональные, гедонистические и демонстративные[4]. Резкий всплеск популярности сюжетов, связанных с Дионисом, в означенную эпоху, на наш взгляд, имеет смысл объяснять причинами диаметрально противоположными тем, что представляются более или менее общепринятыми в отечественной традиции еще со времен Вячеслава Иванова (Иванов,

[3] Со всем набором сопутствующих демонстративных и социально-консолидирующих практик: жертвоприношениями, играми, рецитациями эпических текстов и т. д.

[4] Схолии, коттаб, аскос – как интерьерная замена атлетическим состязаниям; на смену эпосу приходит «мода» на симпосиастическую поэзию (мелику, элегию, ямб), исполнение и восприятие которой в большинстве случаев предполагают куда более узкие и интимизированные контексты. Лучшая на настоящий момент монография, посвященная симпосию как базовой форме древнегреческой культуры, была написана Франсуа Лиссаррагом (Лиссараг, 1987); русский перевод (Лиссараг, 2008). Подробнее этот сюжет раскрывается в (Михайлин, 2007).

1994): вместо того, чтобы гипостазировать некую неведомую самим грекам экстатическую и демократически ориентированную «дионисийскую религию» VII–VI веков до н. э.[5], имело бы смысл обратить внимание на те контексты, с которыми устойчиво связаны дионисийские сюжеты, дошедшие до нас со времен условной середины VI века до н. э.[6] До того как Писистрат в 534 году до н. э. учредил в Афинах праздник Великих Дионисий (давший начало, среди прочего, и аттическому театру), дионисийская образность существовала практически исключительно в симпосиастических контекстах: то есть была вписана в престижную аристократическую практику, не просто не являвшуюся частью «демократической культуры», но принципиально ей противопоставленную[7].

Симпосиастическое пространство организовано на нескольких базовых принципах. Во-первых, на тотальном смешении культурных кодов (авторы исходят из тезиса о том, что в архаических культурах человеческое поведение задано набором культурных кодов, жестко сцепленных с культурными зонами, предназначенными для активности тех или иных половозрастных групп; репертуар всех возможных ролей, каждая из которых имеет свой код, представленный в архаическом социуме, даже потенциально недоступен всем его членам) и поведенческих моделей: симпосий есть место, где статусный мужчина может, не «теряя лица», вести себя как ребенок или как сатир, и где ощущение свободы не противоречит сохранению самоконтроля. Во-вторых, на идее равенства всех лежащих за столом – и на исключении всего, что осталось за стенами симпосиастически преображенного зала. Это равенство – до определенной степени – касается даже тех участников, кто не имеет гражданского статуса и кто в рамках бытовой повседневности привычно определяется как не принадлежащий к категории ἀνήρ: не-мужчина и, соответственно, не-вполне-человек. Гетера здесь вполне может быть участницей мужской беседы, а мальчик – не только адресатом, но и адресантом высказывания. Что, в свою очередь, – и в-третьих – связано с равноудаленностью от центра того пространства, где располагается динос или кратер со смешанным вином: источник общего чувства свободы, вместилище Диониса-Элевтерия (освободителя) и – поставщик сюжетов для разговоров и песен, поскольку кратер расписан и служит, среди прочего, еще и предметом

[5] Ключевой для современной науки орфический текст, который можно было бы использовать в качестве доказательства существования такой «религии» – папирус из Дервени – был написан в середине IV века до н. э. и содержит поэму, время происхождения которой принято относить к самому концу V века до н. э., то есть ко времени, когда дионисийская сюжетика давно успела превратиться в элемент действительно массовой развлекательной культуры. Любопытно, что еврипидовы «Вакханки», трактующие дионисийскую сюжетику как раз в «экстатическом» и мистическом ключе, столь характерном для поздней античности, писались для постановки при дворе македонского царя Архелая в Эгах: *аристократические* гробницы в Дервени, где, собственно, и был найден папирус, находятся совсем неподалеку оттуда (Studies..., 1997).

[6] Начиная прямо с диноса работы Софила (580–570 гг. до н. э.) из Британского музея (1971, 1101.1).

[7] В быту греки пользовались нерасписной посудой, либо же посудой, украшенной элементарными декоративными элементами. Сложный декор и детально проработанная сюжетика расписных ваз «обслуживали» исключительно симпосиастические контексты; изящная симпосиастическая посуда изготавливалась на заказ и представляла собой атрибут достаточно высокого качества жизни, недоступного беднейшим слоям населения. Расписные сосуды если и не всегда, то достаточно регулярно предназначались для использования на одном конкретном симпосии: «адресные» вазы частотны весьма и весьма, а если добавить к ним вазы, посвященные конкретным событиям или обыгрывающие столь же конкретные обстоятельства, то представление об эксклюзивном характере этой посуды приобретет дополнительное измерение. Подробнее об этом и библиографию см.: (Михайлин, 2012).

заинтересованного разглядывания. И, наконец, в-четвертых, те сюжеты, которые предлагает симпосиасту Дионис, обладают неотразимой притягательностью. Они дают ему возможность «побывать» в иных контекстах, радикально отличающихся от наличной ситуации: либо возвышенных (мифы о богах и героях, воинские, охотничьи или атлетические агоны), либо подчеркнуто «низких» (жанровые сценки, фигуранты которых так или иначе маргинализированы, – это сатиры, женщины, варвары, пьяные или публично совокупляющиеся персонажи). И в то же время симпосиаст сохраняет за собой роскошную – и совершенно безопасную – позицию внешнего наблюдателя по отношению к той «интересной» проективной реальности, в которую Дионис позволяет ему заглянуть.

Симпосий позволял сохранить поэзию и память как групповые привилегии, утрачиваемые в публичном поле, но вполне действенные в пределах элитарной «публики своих», ограниченной пределами аристократического фиаса или стенами симпосиастической залы – а потому и оставался престижной практикой на протяжении долгих веков. Об этом можно судить хотя бы по платоновскому «Пиру» (собственно, «Симпосию», Συμπόσιον), написанному около 380 года до н. э., то есть уже по прошествии растянувшегося на полторы сотни лет «золотого века» афинской демократии. Экспозиция к диалогу представляет собой разговор двух случайных прохожих, один из которых просит другого пересказать события, происходившие на симпосии, имевшем место в 416 году до н. э., «во времена нашего детства» (Пир, 173a) – то есть, как минимум, за четверть века до описываемой сцены. Аристократический симпосий в том виде, в котором он существовал в эпоху греческой архаики, будет трансформироваться и порождать многочисленные производные практики, как подчеркнуто «высокие» (массовые пиры при дворах эллинистических властителей), так и повседневные, характерные для незнатных и небогатых слоев населения, которым, однако, тоже «хочется как у людей» (пирушка наемников с участием одной живущей по соседству гетеры, представленная в XIV Идиллии Феокрита). Но пока, применительно ко второй половине VI века до н. э., он важен для нас прежде всего потому, что именно в это время гений афинских политических манипуляторов породил на его основе нечто совершенно необычное.

У нас есть серьезные основания полагать, что престижный характер симпосия стал одной из ведущих причин при создании древнеаттического театра[8]. Сама структура театрального пространства не случайно имитирует пространство симпосиастическое: места для участников расположены по трем сторонам от центра, в котором находится источник *дионисийского* удовольствия: с той разницей, что, в отличие от расписного кратера с вином, театральная орхестра предлагает сюжеты не только «одухотворенные изнутри», но и движущиеся, и озвученные. Что не мешает означенным выше принципам организации симпосиастической вовлеченности оставаться действенными. С предложенной точки зрения, театр, по сути, представляет собой «снятую» модель симпосия, переложенную на принципиально другой масштаб вовлеченности. Устроителем театрального представления в равной степени являлись как город, позиционируемый политической элитой неизменным и континуальным актором, высшим и персонифицированным воплощением публичного пространства, – так и конкретное частное лицо (хорег, χορηγός), принадлежащее к этой элите и осуществлявшее конкретную постановку на свои собственные средства. Тем самым политик конвертировал личный/семейный

[8] Подробнее об этом см.: (Михайлин, 2011).

символический капитал в капитал более высокого, общезначимого порядка: κτῆματα в ξῦνηια, если вспомнить о категориях, в которых Марсель Детьен описывает древнегреческое «серединное» пространство. Собственно, в этом и заключалась сущность древнегреческой «литургии» (λειτουργία), услуги, которую гражданин оказывал «обществу», не требуя материального воздаяния, но обретая тем самым более высокий уровень социального доверия. Таким образом, хорег и город, не имея возможности «пригласить всех сограждан на симпосий» за очевидной невозможностью одновременно вместить и напоить вином такое количество людей, угощали все гражданское сообщество «культурной программой», – параллельно решая задачи, связанные с обеспечением легитимирующих и мобилизационных стратегий, режимов общей социальной вовлеченности и т. д. С рождением театра простой афинский гражданин обрел доступ к удовольствию, которое в определенной мере было сродни тому, что получал британский конторский служащий середины XIX века, читая светскую хронику в The Illustrated London News и обсуждая с приятелями первый бал королевы Виктории в 1842 году или, уже в 1851-ом, проект Хрустального дворца, который появился в газете раньше, чем его успел увидеть принц Альберт. С той разницей, что у афинянина степень вовлеченности в престижный контекст была на порядок выше.

Однако до того как Афины превратились в общество спектакля, серединное пространство симпосия обеспечивало обмен социальными смыслами, не только позволяя устанавливать своим участникам горизонтальные связи, немыслимые за его рамками, но синхронизировать собственные локальные культурные коды, тем самым избегая разрывов и дискретностей в дискурсе общегражданского единства; посредническая функция симпосия и выражает характеристику протомедиальности. Фактически, симпосий работал как специфический коммуникационный канал, приводящий коды базовых половозрастных групп, основанные на противопоставлении друг другу, к общему знаменателю.

Литература

Даренская, В. Н. и Лугуценко, Т. В. (2022), «Исторические типы социальной коммуникации», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8 (1), 5-17. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1.

Егорова, Н. О. (2020), «К вопросу о жанровых источниках “Путешествия из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева», *Art Logos*, 1 (10), 8-15.

Завойкина, Н. В. (2015), «Симпосий в археологическом контексте», *Краткие сообщения Института археологии*, 241, 103-109.

Зарапин, О. В. и Шапиро, О. А. (2016), «Философский текст и коммуникация в симпосийном формате», *Философская мысль*, 11, 11-21. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.11.20953

Зельченко, В. В. (2021), «Theogn. 861–864», *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 25-1, 414-423. DOI: 10.30842/ielcp230690152525

Иванов, Вяч. И. (1994), *Дионисизм и прадионисийство*, Алетейя, Санкт-Петербург.

Лиссарраг, Ф. (2008), *Вино в потоке образов: эстетика древнегреческого пира*, пер. Решетниковой, Е., Новое литературное обозрение, Москва.

Михайлин, В. (2007), *Дионисова борода: визуальная организация поведенческих практик в древнегреческой пиршественной культуре*, ЛИСКА, Саратов.

Михайлин, В. (2011), «Древнегреческая симпосиастическая культура и проблема происхождения афинского театра», *Литература и театр*, Офорт, Самара, 250-265.

Михайлин, В. Ю. (2012), «Когнитивные рамки восприятия древнегреческой вазописи времен архаики и классики: пространственные и контекстуальные аспекты», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика*, 12 (3), 78–82.

Пичугина, В. К. (2015), «Воспитание на пиру: Симпосий от Аристофана до Макробия», *Историко-педагогический журнал*, 3, 109-119.

Платон (1993), «Пир», *Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2*, общ. ред. Лосева, А. Ф., Асмуса, В. Ф. и Тахо-Годи, А. А.; примеч. Лосева, А. Ф. и Тахо-Годи, А. А.; пер. с древнегреч., Мысль, Москва, 81-134.

Стрельникова, И. П. (1989), «Топика пира в римской сатире», *Поэтика древнеримской литературы: жанры и стиль*, Наука, Москва, 136-156.

Detienne, M., (1996), *The Masters of Truth in Archaic Greece*, Zone Books, N.Y.

Lissarrague, F. (1987), *Un flot d'images. Une esthétique du banquet grec*, Adam Biro, Paris, France.

Martin, R. P. (2001), "Just Like a Women: Enigmas of the Lyric Voice", *Making Silence Speak: Women's Voices in Greek Literature and Society*, Lardinois, A. and McClure, L. (eds), Princeton University Press, Oxford, 55-74.

Laks, A. and Most, G. W. (eds) (1997), *Studies on the Derveni Papyrus*, Oxford University Press, Oxford, UK.

References

Darenskaya, V. N. and Lugutsenko, T. V. (2022), "Historical types of social communication", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 5-17, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1 (in Russ.).

Detienne, M., (1996), *The Masters of Truth in Archaic Greece*, Zone Books, N.Y.

Egorova, N. O. (2020), "On the issue of genre sources 'Travels from St. Petersburg to Moscow' by A. N. Radishchev", *Art Logos*, 1 (10), 8-15 (in Russ.).

Ivanov, Vyach. I. (1994), *Dionisizm i pradionisiystvo* [Dionysism and praedionism], Aleteya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Laks, A. and Most, G. W. (eds) (1997), *Studies on the Derveni Papyrus*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Lissarrague, F. (1987), *Un flot d'images. Une esthétique du banquet grec*, Adam Biro, Paris, France (in French).

Lissarrague, F. (2008), *Vino v potoke obrazov: estetika drevnegrecheskogo pira* [Wine in the flow of images: aesthetics of the ancient Greek feast], Transl. by E. Reshetnikova, Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Martin, R. P. (2001), "Just Like a Women: Enigmas of the Lyric Voice", *Making Silence Speak: Women's Voices in Greek Literature and Society*, Lardinois, A. and McClure, L. (eds), Princeton University Press, Oxford, 55-74.

Mikhaylin, V. (2011), "Ancient Greek symposiastic culture and the problem of the origin of the Athenian theater", *Literatura i teatr* [Literature and Theater], Ofort, Samara, Russia, 250-265 (in Russ.).

Mikhaylin, V. (2007), *Dionisova boroda: vizualnaya organizatsiya povedencheskikh praktik v drevnegrecheskoy pirshestvennoy kulture* [Dionisova beard: visual organization of behavioral practices in ancient Greek feasting culture], LISKA, Saratov, Russia (in Russ.).

Mikhailin, V. Yu. (2012), "Cognitive Frames of Archaic and Classical Greek Vase-Painting Perception: Spatial and Contextual Aspects", *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 12 (3), 78-82 (in Russ.).

Pichugina, V. K. (2015), "Upbringing at a feast: A symposium from Aristophanes to Macrobius", *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal* [Historical and pedagogical journal], 3, 109-119 (in Russ.).

Plato (1993), "Symposium", *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 2* [Collected works: In 4 vols. Vol. 2], in Losev, A. F., Asmus, V. F. and Takho-Godi, A. A. (eds), Mysl, Moscow, Russia, 81-134 (in Russ.).

Strelnikova, I. P. (1989), "Topic of the feast in Roman satire", *Poetika drevnerimskoy literatury: zhanry i stil'* [Poetics of ancient Roman literature: genres and style], Nauka, Moscow, Russia, 136-156 (in Russ.).

Zarapin, O. V. and Shapiro, O. A. (2016), "Philosophical text and communication in a symposium format", *Philosophical thought*, 11, 11-21, DOI 10.7256/2409-8728.2016.11.20953 (in Russ.).

Zavoykina, N. V. (2015), "Symposium in an archaeological context", *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 241, 103-109 (in Russ.).

Zelchenko, V. V. (2021), "Theogn. 861-864", *Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook*, 25-1, 414-423, DOI: 10.30842/ielcp230690152525 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Михайлин Вадим Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *vmikhailin@yandex.ru*

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *segedasv@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Vadim Yu. Mikhaylin, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *vmikhailin@yandex.ru*

Sophia V. Tikhonova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *segedasv@yandex.ru*

УДК 215 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-4**

Брук Е. Г.

Эвгемеризм и представления о религии древних кельтов в исследованиях XVIII в.: труды П.-И. Пезрона (1639–1706) и П.А. Малле (1730–1807)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; *bruk97@list.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема рецепции эвгемеризма в XVIII веке в качестве исторического, полемического и политического инструмента на примере работ П.-И. Пезрона и П.А. Малле. Оба ученых писали о религии древних кельтов, но их представления о составе, нравах, обычаях и верованиях этих народов во многом отличались от современных. В последнее десятилетие в российской историографии возрос интерес к работам П.А. Малле, однако труды П.-И. Пезрона до сих пор ускользали от пристального внимания отечественных исследователей. Целью статьи является рассмотрение теорий обоих авторов и выявление их значения для развития истории и философии религии в XVIII веке. В статье концепции П.-И. Пезрона и П.А. Малле были помещены в более широкий контекст использования эвгемеризма интеллектуалами XVIII века. П.-И. Пезрон создал умозрительную конструкцию, в которой история современных автору народов переплеталась с ветхозаветным повествованием и античной мифологией. Инструментом, позволившим связать эти компоненты воедино, был эвгемеризм. С его помощью Пезрон построил теорию, согласно которой кельты, в частности – галлы, оказывались наследниками упомянутого в Писании народа. От него, по мнению французского интеллектуала, произошли многие европейские этносы и нации. Родившись в Бретани, Пезрон писал о современных бретонцах как о наследниках ветхозаветного Гомера, тем самым вкладывая в свои труды политический подтекст. Работы П.А. Малле, написанные в середине XVIII века, балансировали между старыми средствами толкования мифологических сюжетов, просветительскими идеями и подлинным историзмом. Эвгемерическая теория в его трудах была одним из самых значимых инструментов интерпретации истории и мифологии древних скандинавов. Они, согласно теории Малле, принадлежали к кельтским народам, как и большая часть населения Европы.

Ключевые слова: эвгемеризм; П.-И. Пезрон; П.А. Малле; эпоха Просвещения; «Младшая Эдда»

Для цитирования: Брук, Е. Г. (2025), «Эвгемеризм и представления о религии древних кельтов в исследованиях XVIII в.: труды П.-И. Пезрона (1639–1706) и П.А. Малле (1730–1807)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 38-47. 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-4

E. G. Bruk

Euhemerism and representations of ancient Celtic religion in the studies of the 18th century: works by P.-Y. Pezron (1639–1706) and P. H. Mallet (1730–1807)

Saint Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; *bruk97@list.ru*

Abstract. The article analyzes the problem of the reception of euhemerism as a historical, polemical and political tool in the 18th century, using the works by P.-Y. Pezron and P. H. Mallet as examples. They wrote about the religion of the ancient Celts, and their ideas about the morals, customs and beliefs of these peoples differed in many ways from modern ones. In the last decade, interest in the works by Mallet has increased in Russian historiography, but the works by Pezron have so far eluded the close attention of our researchers. The purpose of the article is to supplement the already known information about the works by Mallet, as well as to analyze the works by Pezron. In the article, the theories of both authors were placed in a broader context of the use of euhemerism by intellectuals of the 18th century. This made it possible to analyze them in a new way. Pezron created a speculative construction in which the history of the peoples contemporary to the author was intertwined with the Old Testament narrative and ancient Greek and Roman mythology. The tool that allowed these components to be linked together was euhemerism. With its help, Pezron constructed a theory according to which the Celts, in particular the Gauls, were the heirs of the people mentioned in the Scripture. Many European ethnic groups and nations, according to the French intellectual, originated from this people. Born in Brittany, Pezron wrote about modern Bretons as the heirs of Homer, mentioned in the Old Testament, and thereby putting a political subtext into his works. The works by Mallet, written in the middle of the18th century, balanced between old means of interpreting mythological plots, enlightenment ideas and historicism. The euhemeristic theory in his works was one of the most significant tools for interpreting the history and mythology of the ancient Scandinavians. They, according to Mallet's theory, belonged to the Celtic peoples, like the majority of the population of Europe.

Keywords: Euhemerism; P.-Y. Pezron; P.H. Mallet; Age of Enlightenment; Prose Edda

For citation: Bruk, E. G. (2025), “Euhemerism and representations of ancient Celtic religion in the studies of the 18th century: works by P.-Y. Pezron (1639–1706) and P. H. Mallet (1730–1807)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 38-47. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-4

На рубеже XVII–XVIII вв. постепенно происходила смена эпистемологической парадигмы. Существовавшая ранее четкая граница между «христианской историей» (historia) и «языческой басней» (fabula) медленно размывалась (Schlichter, 2022: 3). Это способствовало выдвижению на передний план эвгемеризма в качестве наиболее отвечающего духу времени исторического метода. Его использовали в своих трудах и глубоко конфессиональные авторы, и философы-просветители (Брук, 2023). Причиной популярности эвгемеризма среди столь различных авторов служил его изначальный полемический потенциал.

Эвгемеризм возник в античную эпоху как один из способов рационалистической

интерпретации мифологии. Согласно этой теории, боги делились на две большие группы (Roubekas, 2017: 17-32). В первую из них – группу «небесных богов» – входили Солнце, звезды и другие подобные объекты. Вторую составляли «земные боги» – некогда жившие люди, которые сделали что-то выдающееся и полезное для общества (правители, ученые и т. д.). Завеса мифов и легенд постепенно скрывала их имена, им начинали воздавать божественные почести. Со временем «небесные боги» отошли на второй план. Эвгемерическая теория стала ассоциироваться с поиском земных исторических прототипов богов политеистических культов.

На протяжении столетий эвгемерическая теория претерпевала значительные изменения согласно запросам времени. Эта многоликость была связана прежде всего с тем, что тексты самого греческого философа Эвгемера, а также их переводы на латинский язык, сделанные римским поэтом Эннием, не сохранились (Cooke, 1927: 397). Представления об этой теории ученые могли получить из работ более поздних авторов. Они цитировали или пересказывали учение о земном происхождении «языческих» богов в соответствии со своими собственными вкусами и предпочтениями. Эвгемеризм в строгом смысле слова на протяжении Средних веков был составной частью «исторического толкования» мифологических сюжетов. Оно служило одной из подготовительных ступеней понимания христианскими авторами античных текстов, за завесой которых искали скрытый христианский смысл (Gerber, 2021: 106).

В XVIII веке эвгемеризм стал одним из ведущих исторических, полемических и политических инструментов в изучении и конструировании национальных мифологий. В это время усилился интерес к изучению истории и мифологии древних кельтов, происхождение которых каждым автором интерпретировалось по-разному, в зависимости от целей труда. Это был теоретический конструкт, основные характеристики которого могли сильно отличаться у разных авторов. Наиболее влиятельным трудом по мифологии «древних кельтов» в начале столетия была книга Поля-Ива Пезрона «Древность истории и языка кельтов, по-другому называемых галлами» (1703).

***

Поль-Ив Пезрон (1639–1706) родился в Бретани, в местечке Энбон (Hennebont). В 1661 году он принял постриг в цистерцианском аббатстве Приер. Получив степень доктора Сорбонны (1682), в 1697 году он стал аббатом в Шармуа (Charmoie) (Pezron, 1809: v-vi). Его книга «Древность истории и языка кельтов, по-другому называемых галлами» (1703) была частью большого проекта, посвященного происхождению народов, который, однако, не был завершен в связи со смертью автора (Pezron, 1809: ix). В ней Пезрон предпринял попытку проследить прошлое кельтов. В зависимости от места расселения, по мнению автора, один и тот же народ назывался галлами, галатами, киммерийцами, кельтами, гомерийцами (Gomariens) или титанами. Сочетая библейскую хронологию, теории античных, средневековых авторов и французских хронистов XV–XVII вв., Пезрон утверждал, что истинную древнюю историю этих народов можно проследить, опираясь на десятую главу Книги Бытия. Гомер, упомянутый в Писании как сын Иафета и внук Ноя, был не кем иным, как «первым и истинным отцом галльских народов» (Pezron, 1703: aiiij). В процессе расселения этот единый народ все больше разделялся на различные ветви, но изначальный язык гомерийцев, то есть потомков ветхозаветного Гомера, по мнению Пезрона, сохранился: «…это тот, на котором еще сейчас говорят *бретонцы* во Франции и *валлийцы* в Англии…» (курсив автора. – *Е. Б.*) (Pezron, 1703: без номера). Одна из ветвей гомерийцев, саксы (Saques), вторгшись в Верхнюю Фригию, стали

называться титанами (Pezron, 1703: 53). Их древние правители – Акмон, Уран, Сатурн, Юпитер – со временем стали почитаться как боги. От кельтов их переняли греки и римляне.

Для совмещения «истинной христианской истории» и «античной басни» Пезрон привел в местах их соединения теорию Эвгемера. Обычно авторы XVII–XVIII вв. не упоминали греческого философа, а лишь цитировали Лактанция. Сама теория происхождения богов в результате установления почитания некогда живших людей зачастую давалась в более широком контексте «исторического толкования» древних «басен». А оно, в свою очередь, могло смешиваться с натуралистическим и некоторыми другими способами рационального объяснения мифологических сюжетов и персонажей. Пезрон, в отличие от остальных авторов, использовал теорию Эвгемера в ее узком значении. Он цитировал по Лактанцию переводы Энния и всегда указывал создателя теории. Эвгемер в качестве авторитетного философа появляется в тексте, когда речь идет о механизме обожествления Урана, Сатурна, Юпитера и об «исторических» событиях, лежавших в основе «басен» о них. Сатурн, свергнув отца Урана, вождя титанов, не пожелал довольствоваться таким низким титулом и объявил себя королем (Pezron, 1703: 68). Юпитер, также победив во внутрисемейных распрях, наследовал своему отцу. Уран был сведущ в астрологии и после своей смерти обрел статус бога неба, его жена, Титея, стала богиней земли. Примечательно, что свергнутые правители умирали не от рук своих сыновей, а от горя. Сатурн был женат на своей сестре Рее и приносил в жертву богам собственных детей. Рея спрятала своего сына Юпитера сначала в Аркадии, затем на Крите. Юпитер вырос, и война за власть возобновилась. Победив своих недругов, он стал королем и много времени проводил на горе Олимп (Pezron, 1703: 94). «В конце концов, этот великий король, после того как господствовал над большой частью земли и создал себе бессмертное имя, умер, как другие люди; и мы знаем, что это произошло на острове Крит, как уверяет Энний, опираясь на Эвгемера» (Pezron, 1703: 94).

Осуждая на страницах своего труда Анния из Витербо и отмежевываясь таким образом от наукообразных фальсификаций (Pezron, 1703), Пезрон, тем не менее, построил собственную умозрительную конструкцию. В ней современные автору бретонцы (сам Пезрон родился в Бретани) и валлийцы оказывались носителями древнейшего языка, а значит, и культуры гомерийцев, упомянутых в Писании. Кельты, или галлы, оказывались наследниками библейского народа, от которого произошли многие европейские этносы и нации. Инструментом, позволившим связать персонажей античной мифологии, ветхозаветное повествование и историю этих народов, был строгий эвгемеризм. Несмотря на всю умозрительность представленной Пезроном конструкции, его работы были популярны вплоть до начала XIX века. В частности, имя Пезрона упоминал известный швейцарский ученый Поль Анри Малле.

***

Поль Анри Малле (1730–1807) был известным историком и переводчиком XVIII века. Он впервые перевел «Эдду» на французский язык. Малле оказал большое влияние на развитие скандинавистики, его работы переводились на многие европейские языки. Основные теоретические и методологические принципы «кельтской» теории Малле были изложены им в двух самых известных его трудах – «Введение в историю Дании» (1755) и «Памятники мифологии и поэзии кельтов и, в частности, древних скандинавов» (1756). «История кельтов» как теоретический конструкт включала в себя прошлое скандинавов, немцев, британцев, французов (Трынкина, 2015: 58). Таким образом, написав свой труд и

переведя тексты средневековой скандинавской литературы на французский язык, Малле «подарил Европе собственную мифологию» (Трынкина, 2015: 58). Осведомленность читателей в древней истории и мифологии, по мнению швейцарского ученого, дает возможность понять современные европейские нравы и обычаи (Mallet, 1755: Preface, 4).

Малле начал свой труд с того, что описал основные категории источников, которыми он пользовался. Помимо текстов античных и средневековых авторов, швейцарский ученый активно цитировал своих современников, использовал переводы скандинавских литературных памятников на датский и шведский языки (Mallet, 1756: Avant-propos, 23), средневековые рукописи и другие источники. Малле утверждал, что за мифологической оболочкой «Младшей Эдды», «Прорицания Вёльвы» и других текстов скрываются различные аспекты реальности. Он даже полемизировал в предисловии с Пьером Даниэлем Юэ (1630–1721), не принимая точку зрения, согласно которой «Эдда» является лишь поэтической фантазией. Малле писал: «Некоторые утверждали, что все басни, содержащиеся в *Эдде* (курсив автора. – *Е. Б.*), были лишь плодом воображения ее автора; кажется даже, что это была идея господина Юэ» (Mallet, 1756: Avant-propos, 21). Используя совершенно различные источники и сочетая рационализм и историзм с натуралистическим, эвгемерическим и другими видами толкований «древних басен», Малле выстроил свою теорию.

Швейцарский ученый полагал, что первыми на территорию Скандинавии пришли кимвры. «Азиатские скифы», «асы», во главе с Одином захватили эти территории, и автохтонное население стало скрываться в пустынных местностях, их высокий рост и свирепый вид приводили завоевателей в ужас (Mallet, 1755: 23-24). Так исторические реалии, приправленные обычным человеческим страхом, породили «антропофагов и волшебников» (Mallet, 1755: 24), а возможно, и стали основанием распространенной теории, согласно которой до прихода Одина север Европы населяли гиганты. Малле отвергал эту теорию, полагая, что о тех временах у историков нет достаточных свидетельств и что подобные гипотетические построения могут привести к возникновению ложных умозрительных конструкций. С этой точки зрения, он критиковал сопоставление исторических событий глубокой древности с ветхозаветным повествованием. Так, он указывал на недостатки теории Улофа Рудбека. Этот ученый полагал, что Швеция является потерянной Атлантидой, и не сомневался в том, что «сам Иафет пришел туда со своей семьей» (Mallet, 1755: 26). Отмежевываясь с помощью этого примера от подобных умозрительных конструкций, в комментариях к «Младшей Эдде» Малле не раз упоминал имена своих ближайших предшественников. Если в их работах имелись аналогичные теории, он деликатно опускал их, пользуясь лишь самыми «прогрессивными» идеями.

Текст «Младшей Эдды», впервые переведенный на французский язык, был разделен швейцарским ученым на «басни» в духе того времени. Однако Малле полагал, что за завесой мифологических образов нужно уметь различить реальность прошлого. Он использовал различные методы рационального объяснения мифологии: от анализа слов и литературных метафор до натуралистического и «исторического» толкования «басен». В комментариях эвгемеризм часто смешивался с другими близкими ему объяснениями и лишь иногда использовался в чистом виде. Именно в контексте «примечаний» к «басням», содержавших все эти объяснения, Малле ссылался на известного Антуана Банье и Поля Пезрона.

Во Франции в первой половине XVIII века аббат Антуан Банье был главным популяризатором «исторического» толкования мифов и эвгемеризма как его составной части. Пространный труд

«Мифология и басни, объясненные исторически» (Banier, 1738-1740), написанный аббатом, включал в себя главы по античной, египетской и другим мифологиям, в частности, небольшая его часть была посвящена мифологии северных народов. Малле отзывался о Банье с большим уважением и цитировал его труд, разъясняя читателю статус Одина как верховного божества (Mallet, 1756: 45). Аббат был сторонником теории изначального монотеизма в христианском ключе и использовал, как и Пезрон, библейскую хронологию для уточнения исторических событий, служивших основой для «языческих басен». О последнем обстоятельстве Малле предпочел умолчать. Имена этих двух авторов появляются на страницах труда Малле вместе, следуя друг за другом (Mallet, 1756: 45). Опираясь на них, швейцарский ученый объяснял читателю статус бога Одина или Эзуса, которых он отождествлял, и причины того, почему «отец богов и людей», верховное божество кельтов, являлся одновременно суровым богом войны. «Кельты, – писал Малле, – рассматривали войну как занятие очень святое» (Mallet, 1756: 45).

Óдин, верховный бог, с точки зрения Малле, был очень сложным мифологическим персонажем. Этим именем назывался предводитель «азиатских скифов», вторгшихся некогда на территорию Скандинавии. Однако этот человек был не только политиком, но и жрецом. Он взял себе имя бога, которому служил (Mallet, 1755: 37). Умирая, Один-правитель объявил, что «он отправляется в Скифию занять свое место вместе с другими богами на вечном пире» (Mallet, 1755: 41). Этот человек был причислен к сонму богов, и его образ смешался с представлениями о верховном божестве, жрецом которого он был. Этим именем затем могли называть и других выдающихся людей. В браке бога Одина и богини Фригг Малле усматривал отражение древнего представления о браке неба и земли. Как и многие другие мотивы, этот мотив, по мнению автора, имел восточное происхождение. Значительное число мифологических сюжетов «Эдды», согласно Малле, было очень близко персидским представлениям. Таковыми в «Младшей Эдде» являлись многие детали повествования о возникновении мира и человека (Mallet, 1756: 9, 12, 19), чем во многом, по мнению автора, можно объяснить их сходство с событиями Ветхого Завета. Малле писал: «…кельты, как и греки, черпали все эти басни в великом общем источнике Восточных традиций. Но народы Севера хранили их более двух тысяч лет почти такими, какими они их получили, тогда как в Греции они нашли такую благоприятную почву, что за короткое время их число увеличилось там стократ» (Mallet, 1756: 21).

Óдин, согласно теории Малле, был не единственным персонажем, в образе которого переплелись воспоминания о живших некогда людях и поэтические фантазии. Основой представлений о карликах были встречи кельтов с саамами, или лапландцами («лаппонами»). О них Малле писал: «Возможно, по соседству с некоторыми кельтами жил народ менее воинственный, уступающий им в силе и размерах, но более искусный, и который занимался ручным трудом…» (Mallet, 1756: 33). Представления о феях и норнах, как считал автор, тоже имели реальные прототипы: «Эти феи были, я думаю, в своем происхождении обожествленными пророчицами. Кельтские женщины имели особый талант раздувать суеверия, в особенности извлекать (tirer) из всего предзнаменования» (Mallet, 1756: 39). Те из них, которые были наиболее выдающимися в этом искусстве, были возведены в ранг богинь. Римляне, согласно Малле, адаптировали представления о норнах и посвящали им различные монументы.

Используя «историческое толкование» в качестве ведущего объяснения мифологических сюжетов, Малле, однако, опустил в своем переводе

«Младшей Эдды» самый эвгемерический фрагмент текста – «Пролог». В комментариях в «Видению Гюльви» Малле писал, что сделал это по двум причинам. Во-первых, «Пролог» отсутствует в рукописи из Упсалы, а во-вторых, «это всего лишь преамбула, идею которой, возможно, следует приписать составителю Эдды, Снорри Стурлусону» (Mallet, 1756: Edda, ou Mythologie Celtique, 3). Это короткое пояснение к началу «Младшей Эдды» может быть расширено еще несколькими замечаниями, которые Малле дал в «Предисловии». Ученый называл «Пролог» незначительным и смешным. Он писал: «Некоторые приписывают его Снорри Стурлусону, и, действительно, он мог написать часть, которая содержит те же факты, что и начала его Хроники, но остальное, без сомнения, было добавлено каким-то учеником, и без его ведома» (Mallet, 1756: Avant-propos, 19). Тут же Малле дал развернутую критику «троянского» происхождения правителей, а следовательно, и богов Севера, которое упоминается в «Прологе». Эта часть «Младшей Эдды», очевидно, не удовлетворяла автора своей христианской направленностью, что сближало ее с критикуемыми Малле теориями.

Помимо «исторической» подоплеки и литературных аллегорий, по мнению автора, в «Младшей Эдде» есть еще большой натурфилософский пласт. В комментариях к «Шестой басне “О великане Нерви”» швейцарский ученый писал: «Вот немного физики первых веков. При необходимости объяснить вещи, причина которых неясна (obscure), люди всех стран следовали одним и тем же путем; они представляли неизвестное в образе того, что они знали. Это, несомненно, первоисточник басен» (Mallet, 1756: Edda, ou Mythologie Celtique, 27). Так, например, волк, глотающий светило, по мнению Маллле, – это не что иное, как объяснение затмений.

Несмотря на столь подробный разбор мифологических сюжетов, Малле неустанно напоминал читателю о «ложности» описываемых богов. Он полагал, что «кельтская религия», в особенности – религия древних скандинавов, прошла в своем развитии два этапа. Первый из них – этап «чистой религии» – мог быть охарактеризован разумностью и простотой ее устройства. По мнению Малле, на этой стадии существовал некий Верховный Бог, или Верховное Существо. Он управлял миром и разумными существами в нем. Малле писал: «Кельтская религия не всегда сохраняла свою первоначальную простоту. Несомненно, что вначале она признавала только верховного Бога и некие интеллигенции [разумные существа. – *Е. Б.*], которые обитали в элементах, оживляли их и направляли их различные движения согласно приказам верховного существа. Эти интеллигенции стали вскоре главным объектом поклонения…» (Mallet, 1756: 44). Со временем разумные начала этой религии стали забываться. Люди поклонялись уже не самим незримым принципам, а их символам и статуям. С приходом Одина-правителя начался второй этап истории религии древних скандинавов. Изначально простые принципы были покрыты слоем запутанных «басен». Культ Одина-человека смешался с культом Верховного Божества. Так, согласно теории Малле, появились «ложные» боги скандинавов. Но ученый, не чуждый просветительских идей, также писал, что во все времена жили мудрецы, которые отвергали идолопоклонство (Mallet, 1755: 97) и суеверия (Mallet, 1755: 95). Они не впадали в опасные крайности атеизма (Mallet, 1755: 96) и «возвысились до незримого господина всего, что мы видим, Отца Солнца и Природы» (Mallet, 1755: 97).

Таким образом, в теории Малле сочетались просветительские идеи и старые методы интерпретации древних «басен». Эвгемеризм служил для связи истории народов с мифологическими персонажами, зачастую появляясь в качестве

объяснительного инструмента в контексте «исторического» толкования «басен». Истоки многих мотивов кельтской религии, понимаемой очень широко, Малле видел в персидской традиции, что давало ученому возможность объяснять параллели некоторых деталей повествования «Младшей Эдды» и Священного Писания. Акцент на восточном происхождении во многом роднил теорию Малле с работами Пезрона. Однако швейцарский ученый на протяжении всего труда подчеркивал, что он далек от построения гипотетической прамонотеистической конструкции, действующими лицами которой являлись бы ветхозаветные персонажи. Малле был более историчен и рационален в своих построениях, и это значительно снижало политический пафос его работ. Он, однако, еще не мог совсем отказаться от религиозного дискурса в своих текстах и писал во «Введении в историю Дании» о древней «чистой религии» скандинавов, которая иногда была почти неотличима от первоначального монотеизма.

***

В заключение следует отметить, что в течение XVIII века умозрительные конструкции, связанные с национальной историей и мифологией, все более сходили на нет. Доля античных персонажей уменьшалась, и интерес к национальной мифологии побуждал ученых искать новые методологические инструменты. Уменьшались национально-политическая и религиозная составляющие, а вместе с ними, уже во второй половине XVIII века эвгемеризм становился все менее значимым (Брук, 2023), постепенно уступая место подлинному историзму. Работы Пезрона, созданные на рубеже XVII–XVIII веков, еще изобиловали умозрительными конструкциями, смешением ветхозаветных персонажей с античными богами и историей современных автору народов. Соединить все это в одно целое автору позволил строгий эвгемеризм. В отличие от большинства интеллектуалов того времени, Пезрон не просто ссылался на известные места из Лактанция, где тот излагал Энния, а следовательно, Эвгемера. Он упоминал самого греческого философа – автора теории о «земном» происхождении богов. Уже в середине XVIII века, в работах Малле видны колебания между старыми средствами толкования мифологических сюжетов, просветительскими идеями и подлинным историзмом. Ученый отказался от построения гипотетических конструкций в христианском ключе в отношении тех исторических эпох, о которых нет достаточного количества достоверной информации.

Литература

Брук, Е. Г. (2023), «Эвгемеризм и моральный дискурс во Франции XVII–XVIII вв.: дискуссии и компромиссы», *Университет. Образование. Общество (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета): Сб. ст., Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2023 года*, ООО «Сборка», Санкт-Петербург, 425-431.

Трынкина, Д. А. (2015), «Эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии Британских островов в трудах викторианских ученых», дис. … канд. истор. наук, МГУ, Москва.

Banier, A. (1738-1740*), La mythologie et les fables, expliquées par l'histoire: In 8 vol.* Paris.

Cooke, J. D. (1927), “Euhemerism: A Mediaeval Interpretation of Classical Paganism”, *Speculum*, 2(4), 396-410.

Gerber, A. (2021), “Grounding the gods: spreading geographical euhemerism from Servius to Boccaccio”, *Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods*, in Syrithe Pugh (ed.), Routledge, London; New York, 104-126.

Mallet, P. (1755), *Introduction a l'Histoire de Dannemarc, l'on traite de la Religion des Loix, des Moeurs et des Usages des Anciens Danois. Par Mr. Mallet, Professeur Royal de Belles-Lettres Françoises, Membre de l'Académie des Sciences et Belles-Lettres de Lyon*, Copenhague.

Mallet, P. (1756), *Monumens de la mythologie et de la poesie des Celtes. Et particulierement des anciens Scandinaves: Pour servir de supplement et de preuves à l'introduction à l'histoire de Dannemarc. Par Mr. Mallet, Professeur Royal de Belles-Lettres Françoises, de*

l'Academie Royale d'Upsal, et de celle de Lyon, Chez Claude Philibert, Copenhague.

Pezron, P. (1703), *Antiquité de la nation et de la langue des Celtes, Autrement apellez Gaulois*: *Par le R.P. Dom P. Pezron, Docteur en Théologie de la Faculté de Paris, et ancien Abbé de la Charmoye*. Chez Jean Boudot, Imprimeur du Roy et de l'Académie Royale des Sciences, Paris.

Pezron, P. (1809), *The Rise and Fall of States and Empires; or the Antiquities of Nations, more particularly of the Celtae or Gauls: Containing a Great Variety of Historical, Chronological, and Etymological Discoveries, Many of Them Unknown both to the Greeks and Romans*. *To Which is Prefixed a Sketch of the Life of the Author*, Printed for M. Jones, London.

Roubekas, N. P. (2017), *An Ancient Theory of Religion: Euhemerism from Antiquity to the Present*, Routledge, London; New York.

Schlichter, F. (2022), "Pagan History and Religion in the Scholarly World of Guillaume Bonjour (1670–1714)", Thesis … Doctor of Philosophy in History, Trinity College, Cambridge.

References

Banier, A. (1738–1740), *La mythologie et les fables, expliquées par l'histoire: En 8 tomes* [Mythology and Fables, Explained by History: In 8 vol.], Paris, France (in French).

Bruk, E. G. (2023), "Euhemerism and Moral Discourse in France in the 17th-18th Centuries: Discussions and Compromises", *Universitet. Obrazovanie. Obshchestvo (k 300-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta): Sbornik statey, Sankt-Peterburg, 16–17 noyabrya 2023 goda* [University. Education. Society (on the 300th anniversary of St. Petersburg State University): Collection of articles, St. Petersburg, November 16–17, 2023], Sborka, St. Petersburg, Russia, 425-431 (in Russ.).

Cooke, J. D. (1927), "Euhemerism: A Mediaeval Interpretation of Classical Paganism", *Speculum*, 2(4), 396-410.

Gerber, A. (2021), "Grounding the gods: spreading geographical euhemerism from Servius to Boccaccio", *Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods*, in Syrithe Pugh (ed.), Routledge, London; New York, 104-126.

Mallet, P. (1755), *Introduction a l'Histoire de Dannemarc, l'on traite de la Religion des Loix, des Moeurs et des Usages des Anciens Danois. Par Mr. Mallet, Professeur Royal de Belles-Lettres Françoises, Membre de l'Académie des Sciences et Belles-Lettres de Lyon* [Introduction to the History of Dannemarc, dealing with the Religion of the Laws, the Customs and Usages of the Ancient Danes. By Mr. Mallet, Royal Professor of French Belles-Lettres, Member of the Academy of Sciences and Belles-Lettres of Lyon], Copenhague, Dannemarc (in French).

Mallet, P. (1756), *Monumens de la mythologie et de la poesie des Celtes. Et particulierement des anciens Scandinaves: Pour servir de supplement et de preuves à l'introduction à l'histoire de Dannemarc. Par Mr. Mallet, Professeur Royal de Belles-Lettres Françoises, de l'Academie Royale d'Upsal, et de celle de Lyon* [Monuments of the mythology and poetry of the Celts. And particularly of the ancient Scandinavians: To serve as a supplement and proof to the introduction to the history of Dannemarc. By Mr. Mallet, Royal Professor of French Belles-Lettres, of the Royal Academy of Uppsala, and that of Lyon], Chez Claude Philibert, Copenhague, Dannemarc (in French).

Pezron, P. (1703), *Antiquité de la nation et de la langue des Celtes, Autrement apellez Gaulois: Par le R.P. Dom P. Pezron, Docteur en Théologie de la Faculté de Paris, et ancien Abbé de la Charmoye* [Antiquity of the nation and language of the Celts, Otherwise called Gauls: By R.P. Dom P. Pezron, Doctor of Theology of the Faculty of Paris, and former Abbot of Charmoye], Chez Jean Boudot, Imprimeur du Roy et de l'Académie Royale des Sciences, Paris, France (in French).

Pezron, P. (1809), *The Rise and Fall of States and Empires; or the Antiquities of Nations, more particularly of the Celtae or Gauls: Containing a Great Variety of Historical, Chronological, and Etymological Discoveries, Many of Them Unknown both to the Greeks and Romans*. *To Which is Prefixed a Sketch of the Life of the Author*, Printed for M. Jones, London, GB.

Roubekas, N. P. (2017), *An Ancient Theory of Religion: Euhemerism from Antiquity to the Present,* Routledge, London; New York.

Schlichter, F. (2022), "Pagan History and Religion in the Scholarly World of Guillaume Bonjour (1670–1714)", Ph.D. Thesis, Trinity College, Cambridge, GB.

Trynkina, D. A. (2015), "The Euhemeristic Theory of the Sami as the Prototype of Characters of the Lower Mythology of the British Isles in the Works of Victorian Scholars", Ph.D. Thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Брук Елизавета Григорьевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии религии и религиоведения, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; *bruk97@list.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Elizaveta G. Bruk, PhD in Philosophy, Assistant Lecturer, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; *bruk97@list.ru*

УДК 130.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-5**

Чикаева Т. А.

Идеи К.С. Аксакова как основа концепции справедливого общественного развития

Московский художественно-промышленный институт,
ул. Давыдковская, д. 6, стр. 1, Москва, 121352, Россия; *umoi@rambler.ru*

Аннотация. Актуальность обращения к анализу идей одного из лидеров славянофилов К.С. Аксакова определяется прежде всего тем, что в своих рассуждениях славянофилы делали акцент на положительных качествах отечественной культуры, доказывая способность России и русского народа самостоятельно совершенствоваться, без обращения к инокультурным субъектам как к абсолютным авторитетам, но вместе с тем признавали важность межкультурного диалога. В настоящее время происходит нравственный выбор пути развития, осуществлению которого может способствовать осмысление идей о Русской земле и месте России в мире, высказанных мыслителем. Исследование трудов К.С. Аксакова с применением логико-философского, социально-философского методов, а также методов контентного анализа позволяет сделать определенные выводы. Взгляды мыслителя могут быть положены в основу современной дефиниции категорий «Родина» и «Отечество» как ключевых ценностей-оснований справедливого общества. Понимание философом сущности любви к родной земле и оценка перспектив межкультурного взаимодействия, а также высказанные им замечания по вопросу патриотического воспитания могут быть востребованы в качестве философского обоснования проводимых внутрироссийских и международных преобразований.

Ключевые слова: К.С. Аксаков; родная земля; Родина; Отечество; государство; воспитание; патриотизм; Россия; славянофилы

Для цитирования: Чикаева, Т. А. (2025), «Идеи К.С. Аксакова как основа концепции справедливого общественного развития», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 48-57. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-5

T. A. Chikaeva

K.S. Aksakov's ideas as the basis of the concept of equitable social development

Moscow Art and Industrial Institute,
bld. 1, 6 Davydkovskaya St., Moscow, 121352, Russia; *umoi@rambler.ru*

Abstract. The relevance of addressing the analysis of some of the ideas of one of the leaders of the Slavophiles Konstantin Aksakov is determined primarily by the fact that in their arguments the Slavophiles emphasized the positive qualities of Russian culture, proving the ability of Russia and the Russian people to improve themselves, without referring to foreign cultural subjects as absolute authorities, but at the same time recognized the importance of intercultural dialogue. Currently, there is a moral choice of the path of development, the realization of which can be facilitated by understanding

the ideas about the Russian land and the place of Russia in the world, expressed by the thinker. The study of K. Aksakov's works using logical-philosophical, socio-philosophical methods, as well as methods of content analysis allows us to draw the following conclusions. The views of the thinkers can be used as the basis for the modern definition of the categories "Motherland" and "Fatherland" as key values-the foundations of a just society. The philosopher's understanding of the essence of love for his native land and assessment of the prospects for intercultural interaction, as well as his comments on the issue of patriotic education, can be in demand as a philosophical justification for the ongoing domestic and global transformations.

Keywords: K.S. Aksakov; Native land; Motherland; Fatherland; state; education; patriotism; Russia; Slavophiles

For citation: Chikaeva, T. A. (2025), "K.S. Aksakov's ideas as the basis of the concept of equitable social development", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 48-57, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-5

В настоящее время становится все более очевидной необходимость существенных перемен в жизни как России, так и мира в целом. Модель мироустройства, внедряемая после 1991 года, декларируемая как свободная от политико-идеологических стереотипов, направленная на развитие всех культурных субъектов, на практике привела к обострению противоречий в социокультурной сфере как на уровне отдельных стран, так и на уровне межстрановых коммуникаций. Попытки ведущих государств мира разрешить имеющиеся проблемы теми же методами и средствами, которые использовались в прошлом и позапрошлом веке, завершаются с малоэффективным результатом или безрезультатно. Особенно ярко заметны слабые стороны данной модели на примере России, достаточно только сравнить потенциал отечественного хозяйства, науки, искусства и конкретные практические достижения. Очевидным становится необходимость создания и внедрения в практику принципиально иной модели построения справедливого общества, способного к развитию, раскрытию своего творческого потенциала и самосовершенствованию.

Решение данной задачи, на наш взгляд, требует обращения к наследию русской философской мысли, поскольку именно там можно найти аргументированный ответ на вопрос о том, какие ключевые категории и базовые мировоззренческие принципы должны быть положены в основу новой модели внутрироссийского и мирового развития на современном этапе. Столь же большое значение имеет ответ на вопрос, как следует двигаться к построению этой модели, что необходимо совершить в разных сферах социального бытия. Заметим, что попытки утверждения в качестве идеала как материального благополучия, военного и технико-технологического превосходства, так и изоляционизма, отказа от создания и функционирования больших социальных систем в конечном итоге приводят к отрицательным последствиям. Важно осознавать то, что новая модель общественного бытия должна принципиально отличаться от имевших место ранее и действующей сейчас, соответственно, эту модель может предложить такой культурный субъект, который, с одной стороны, по своим масштабам и потенциалу мог бы претендовать на ведущую позицию в мировом сообществе и, с другой стороны, имел бы наработки, а лучше и опыт построения оригинальной модели

социального бытия. Таким субъектом может быть признана Россия.

Идеалом общечеловеческого бытия согласно традиции отечественной мысли, поддержанной зарубежными исследователями, является концепция ноосферы. Ноосфера, объединяющая в единое целое человека и природу, отрицает идею плавильного культурного котла и стирания национальных культурных особенностей. Напротив, как следует из нашего исследования (Чикаева, 2023), Родина как духовная субстанция является фундаментом построения ноосферы, наличие Родины следует считать необходимым фактором для развития человечества в целом. Заметим, что категории «Родина», «Отечество», «патриотизм» в отечественной и зарубежной научно-философской мысли нередко получали тенденциозные дефиниции, акцентирующие политико-идеологическое их содержание. Также можно наблюдать противопоставление патриотических и общечеловеческих ценностей, утверждение, что приоритет своего обязательно помешает общечеловеческому единению и будет способствовать нарушению прав и интересов личности. В этой связи, по нашему мнению, целесообразным будет обращение к воззрениям тех отечественных философов, которые гармонично и целостно соединяли в своих трудах признание значимости национальной культуры, достижений предшествующих поколений и современников, уважали права и интересы отдельной личности и вместе с тем отрицали возможность самоизоляции, рассматривая взаимодействие и соразвитие людей, социальных групп, стран как обязательное условие бытия. При этом представляется предпочтительным исследовать концепции, создание которых отодвинуто от современности во времени, так как они представлены достаточным количеством достоверных источников и позволяют выявить идеи, носящие объективный положительный смысл. Этим условиям отвечают славянофильские концепции, разработанные во второй четверти XIX века.

Воззрения славянофилов интересны, в первую очередь, тем, что, выступая как сторонники отечественной культуры, признавая ее значимость и давая высокую оценку русскому народу, они не пытались сосредоточиться только на внутреннем бытии и решении проблем только внутри российского общества. Напротив, русская культура должна была стать, по их мнению, фундаментом для построения нового общества.

Славянофилы всегда признавали ценность других культур и народов, полезность творческого заимствования и взаимодействия, отрицая только возможность переформатирования личного и общественного сознания по инокультурным образцам, рассмотрения достижений других народов как безусловного идеала, а своего как чего-то малоценного. Они создали свою самобытную философскую теорию, включающую оригинальный категориальный аппарат, помогающий лучше и глубже понять сущность Родины, Отечества, патриотизма, объективно являющихся приоритетными ценностями справедливого мира, понять, как следует двигаться к реализации соответствующей концепции на практике. Но необходимо указать на то, что славянофилы не ставили себе задачей дать теоретико-философское обоснование содержания и объема категорий «Родина», «Отечество» и «патриотизм»; косвенно такое обоснование дается в связи с рассмотрением иных вопросов, контекстуально соотнесенных с данными понятиями. Наверное, поэтому многие их идеи пока недостаточно изучены и проработаны. Для того чтобы в определенной мере возместить этот недостаток, полагаем целесообразным исследовать труды одного из лидеров славянофильства – Константина Сергеевича Аксакова. Как отмечают наши современники, Константин Сергеевич

сыграл важную роль в становлении и укреплении идей славянофильства (Ожерельев, 2013: 244), некоторые исследователи называют его одним из «отцов-основателей» славянофильства (Гаврилов, 2017: 239). Вместе с тем, следует признать, что как в философии прошлого, так и в современности творчество К.С. Аксакова нельзя считать досконально изученным, при этом проблематика поиска ответа на вопросы о Родине, Отечестве, патриотизме как возможных основ справедливого мироустройства получила минимальное отражение в исследовательской литературе. Однако даже беглый взгляд на произведения философа позволяет отметить, что им были сформулированы тезисы по данным вопросам, сохраняющие свою актуальность до настоящего времени.

Для анализа были выбраны работы мыслителя, посвященные проблемам истории, литературы, русского языка; их изучение позволяет выделить следующие идеи и выводы К.С. Аксакова.

Философ обращает внимание на то, что в русской культуре присутствует самобытное осмысление того, что иностранцами называется “patria”, это находит отражение в словосочетаниях «Русская земля», «земля своя», «Святая Русь» (Аксаков, 1861d: 625). Русская земля, Святая Русь рассматриваются философом как понятия духовные, а не политические или географические. Их нельзя отождествлять с государством или какой-то иной формальной организационно-управляющей структурой. Государство и Земля – две ценности, которые могут быть связаны между собой, но без смешения и без того, чтобы перенимать характеристики друг друга. К.С. Аксаков пишет, что с IX века стало существовать «два дела: дело Земское и дело Государево... и эти два начала –Земля и Государство – при системе взаимного невмешательства, или лучше непосягательства, жили дружно...» (Аксаков, 1861a: 301).

Государство, согласно взглядам мыслителя, заботится о внешнем благополучии, об организации жизни по четко определенным, действующим всегда и для всех правилам. Для обеспечения безопасности населения, противостояния внешним врагам и неприятелям, делает вывод мыслитель, это важно и, безусловно, положительно. Но, стремясь к внешнему благу, как указывает Константин Сергеевич, «государство стремится к внешней правде, … оно стремится сделать ненужной правду внутреннюю» (Аксаков, 1861a: 299), то есть совесть. Духовное начало, нравственный выбор связаны не с государством, а с Русской землей, Святой Русью.

Содержание Русской земли составляют, по мнению мыслителя, вера, язык, жизнь и быт русских людей, объединенных в общины. Духовное единство сохраняется даже в период феодальной раздробленности, что позволяет философу делать вывод об объективности и первичности Святой Руси, ее духовном содержании. Родная земля, Святая Русь, понимаются мыслителем как ключевая сакральная ценность, святыня, с которой связана жизнь человека. Обращаясь к детям, он говорит о великом значении родной земли для человека, о том, что она соединяет силы духа и природы, позволяя людям становиться единым народом (Аксаков, 1861e: 585). Этот тезис приближает нас к выводу, сделанному на основе современных научно-философских исследований о том, что Родина – духовная субстанция, субъект, источник бытия, обеспечивающая существование особенного в социокультурной сфере. Мы можем предположить, что, придя к данному выводу, мыслитель увидел целесообразность отождествления понятий «Родная земля», «Святая Русь» и «Родина». Вероятно, что слова «Родная земля» и «Святая Русь» в большей степени подчеркивают образность, эстетику, отсутствие утилитаризма, указывают на необходимость интеллектуальной и

эмоциональной оценки Родины и своего взаимодействия с ней. Он пишет о том, что каждый русский человек с младенческого возраста принадлежит родной земле и сроднился с ней, и продолжает: «Родина уже пропела свои первые колыбельные песни» (Аксаков, 1861e: 585).

К.С. Аксаков пишет о Родине как о субъекте, живом существе, разрыв с которым делает человека несчастным (Аксаков, 1861e: 586). Русская земля, Родина для философа не может быть сведена к отвлеченным философским рассуждениям о духе. Она находит целостное отражение в своих образах, в проявлениях народной жизни, связь народа и Родины нельзя подвергать сомнению, если нет желания исказить смысл этих понятий. Философ указывает на то, что «в Русской земле (народе) единство во всех его проявлениях; всюду проводится тоже начало и тот же образ: язык, одежда, общественное <...> все проникнуто тем же духом. Все разговоры, все действия, все проникнуто значением высоким, внутренним смыслом жизни» (Аксаков, 1861d: 631).

Представляется важным обратить внимание на отождествление Родины и народа, на то, что этот тезис перекликается с известным выражением отечественной мысли, согласно которому, чтобы понять сущность Родины, надо понять людей, проникнуться их мыслями, действиями, мечтами и ценностями. Также из рассуждений мыслителя, из широты охватываемых ими вопросов можно сделать вывод, что ему близка идея о множественности образов Родины, их связи с конкретной исторической эпохой, а следовательно, и о том, что эти образы можно направленно формировать и актуализировать. Продолжением данного вывода является находящий подтверждение в суждениях философа тезис о том, что у каждого народа, каждой социальной группы Родина познается через свои образы, а значит, полнота ее понимания требует обращения к особенностям национального менталитета и анализу культурно-исторической ситуации.

Понятие «Отечество» встречается у К.С. Аксакова в большинстве случаев как указание на принадлежность к русской культуре, русскому народу, а иногда как синоним понятий «Родная земля», «Родина». Тогда он находит в Отечестве воплощение природной истины, которая помогает мыслящему человеку понять цель и смысл его жизни (Аксаков, 2010b: 119). Разделяя государство и родную землю, мыслитель предостерегает и от отождествления Отечества и государя, недопустимости сакрализации царя, требований от человека быть ему слепо преданным, так как это уничтожает свободу и, как следствие, искреннюю любовь к Родине (Аксаков, 2010a: 247). Особо следует оговорить, что понимание сущности Родины как того, что тождественно государству, чьим гражданином человек является, философом опровергается прежде всего потому, что это чуждо русской культуре, было внесено извне и не обладает качествами святыни.

Мыслитель подчеркивает, что родную землю, Родину нельзя сводить к совокупности внешних, материальных критериев. Любовь к Родине, патриотизм нельзя объяснить какими-либо преимуществами или удобствами, которые человек получает. Он критически оценивает социально-экономическую ситуацию в стране, находит недостатки в российском общественном устройстве, образовании, иных сферах общественной жизни, но это не является препятствием для отношения к Святой Руси как к высшей ценности. Сегодня это суждение имеет особую актуальность, так как учит искренней любви, заключающейся в пожелании объекту любви вечного существования и совершенствования, подчиняет этой задаче все действия субъекта.

Родная земля, Родина является источником национальной культуры, особенного в социокультурном и духовном

развитии. Согласно рассуждению К.С. Аксакова, «нравственный подвиг жизни принадлежит не только каждому человеку, но и народам, <...> каждый народ решает его по-своему, выбирая для совершения его тот или другой путь» (Аксаков, 1861e: 631). Из этого следует положительная оценка философом любви к Родине как положительного нравственного чувства. При этом он остерегает от того, чтобы рассматривать свою национальность как нечто исключительное, занимающее более высокое место перед другими народами. Этот тезис перекликается с рассуждениями о том, человек сможет проявить свой творческий потенциал в рамках своей культуры, на родной земле, а знакомство с жизнью других народов имеет значение, но второстепенное, дополнительное, то есть познанию особенностей бытия других народов должно предшествовать досконального изучение родной культуры и менталитета.

Иногда К.С. Аксакова, как и других представителей славянофильства, пытаются упрекнуть в приверженности идее национального превосходства, но эти обвинения могут иметь только формальное обоснование, вырванное из контекста. Мыслитель протестует против безразличного отношения к исследованию русской культуры, которое не должно происходить без сопоставления полученных результатов с ключевыми ценностями русской культуры и достижениями русского народа. Любовь к своему не является для философа препятствием к осуществлению общечеловеческого идеала, напротив, наличие собственного мнения, собственного самобытного слова в общечеловеческой культуре способствует его достижению. Он приветствует наличие особенного и взаимодействие народов друг с другом, следовательно, любовь к Родине, патриотизм совместим с уважительными связями между народами. Мыслитель присоединяет свой голос к тем, кто утверждает, что истинная ценность Отечества, его достижений познается только в сравнении, в противном случае познание его будет односторонним. На наш взгляд, эта идея чрезвычайно актуальна сейчас, поскольку способствует адекватной оценке собственных решений и достижений, а также подсказывает пути нахождения точек взаимодействия между странами и народами.

К.С. Аксаков обращает внимание на одну важнейшую характеристику патриотизма, заключающуюся в следующем. Будучи универсальным нравственным принципом, патриотизм по-разному проявляется у разных народов, так как каждому народу есть чем гордиться, что среди своих достижений предъявить миру как образец. Он с усмешкой пишет о российских патриотах на западный лад. Они, формально заявляя о ценности родной земли, на деле мечтали только о том, чтобы «увидеть в Русской истории всех Западных героев, все Западные славные дела». Так, согласно выводу философа, появились в Русской Земле «невиданные дотоле патриоты – иностранные и по имени и по духу». С удовлетворением мыслитель отмечает, что времена, когда отдельные деятели пытались внушить, что «русская история непременно нуждалась в повторении великих дел народов чуждых, как будто бы она не могла явить своих подвигов, и своих мужей, которые ни у кого не заимствованы» (Аксаков, 1861b: 17), прошли. Мыслитель приводит достаточно примеров, которые сейчас хорошо известны и к которым современный исследователь может добавить множество новых, доказывающих противоречие данного вывода истине.

Утверждая самобытность русской культуры и русской жизни, К.С. Аксаков подчеркивает ее чуждость изоляционизму и идее национальной исключительности. Он приводит доказательства тому, что в русской патриотической мысли нет места национализму, шовинизму или самоизоляции. Основная идея мыслителя, характеризующая оптимальное отношение

человека к своему и другому, звучит как «любовь и разумное убеждение к Отечеству» (Аксаков, 2010b: 118). Это «разумное убеждение к Отечеству» выражается в том, чтобы исключить как преклонение перед чужой культурой и принятие за истину того мнения о России, которое транслируют «из-за моря очужеземившиеся русские», так и согласие с правотой квасных патриотов, поскольку в их грубом отображении отсутствуют черты действительной России (Виноградов, 2019: 209).

Вместе с тем в национальной культуре могут найти воплощение явления общечеловеческой значимости. Так, например, общительность, переимчивость являются ключевыми идеями как славянства, имеющего общину в качестве основного своего начала, так и христианства, воспринятого русскими людьми, согласно утверждениям мыслителя, в качестве веры (Аксаков, 1861c: 265). Данное рассуждение К.С. Аксакова указывает нам на необходимость обращения к истокам отечественной культуры, к изучению древнейшего пласта жизни наших предков, серьезному научному анализу их жизнеустройства и ценностной системы.

Основываясь на своих доводах, мыслитель подчеркивает важность равного и свободного общения между народами; заимствования возможны, но они должны носить творческий характер, усвоение достижений других народов должно проходить свободно, самостоятельно, через осуществление собственной духовной работы, сознательно, разумно и критически. Он отмечает, и мы можем с этим согласиться, что так было в древний период российской истории вплоть до Петра I, когда место данного пути занял путь безусловного подражания. Через полтора века после преобразований царя-реформатора российское общество отошло от такого перенимания чужого, что рассматривается философом в качестве положительного результата (Аксаков, 1861c: 266).

Суждения мыслителя подтверждают тезис о нравственности патриотизма, наличия в нем характеристик, позволяющих ему стать основой, базисом справедливого общества. На утверждение К.С. Аксаковым связи народного и общечеловеческого, отрицание их взаимного исключения обращают внимание наши современники. Так, В.Н. Греков отмечает, что философ успешно противостоит обвинениям славянофилов в том, что они ведут Россию к изоляции, возражая оппонентам следующим тезисом: если отнять у русского народа право являть миру свои воззрения, свою модель общественного развития, то русский народ будет лишен возможности участвовать в общечеловеческом деле (Греков, 2017: 20). Действительно, если любой народ будет выступать в общемировой культуре только в качестве статиста или объекта реализации моделей, разработанных другими социальными группами, ценность данного народа будет стремиться к минимуму.

Патриотизм исключает эгоистическое начало личности, любование собственными достижениями. Сравнивая Ляпунова с Пожарским, К.С. Аксаков объясняет успех князя Дмитрия Михайловича тем, что он «о себе не думал, себя не выставлял», а вместе с Кузьмой Миничем Мининым стал против всех врагов, сколько их было, лишь за правое, за святое дело Земли Русской (Аксаков, 1861c: 279). Подвиг во имя Родины, Родной земли, по мнению философа, нельзя сопровождать самовосхвалением, самый значимый подвиг – это нравственная победа над собой, своими эгоцентрическими убеждениями, умение подняться выше субъективных интересов (Юнусов, 2005: 142). Окончание Смутного времени было для К.С. Аксакова именно такой победой. Согласно его оценке, русские, победив интервентов и их приспешников, занялись строительством общего нового будущего без компромиссов, но с учетом

сложившейся обстановки и текущих задач. Нам представляется необходимым сегодня вспомнить об этой идее философа и подумать над актуальностью ее современной реализации.

Патриотическое воспитание должно быть разумным, охватывать все общественные слои и, конечно же, избегать формализма или попыток отождествления своего исключительно с культурой лубка, будто бы предпочтение достижений отечественных деятелей, признанных в мировом масштабе, означает отказ от любви к Родине. К.С. Аксаков вспоминает забавный случай, когда некий немец настоятельно просил его прочитать русские стихи, где «есть любушка и матютька», а за выбор А.С. Пушкина обвинил мыслителя в недостатке патриотизма (Аксаков, 1861d: 628-629). Описанный случай указывает на то, как важно обеспечить знания в области отечественной истории, литературы, изобразительного искусства, науки, предотвратить или устранить искажение образа России, когда она предстает в качестве примитивной лубочной картинки, создать условия для понимания глубины отечественной культуры, ключевых характеристик национального менталитета и их проявления в практической деятельности.

Однако главное, что нужно знать о воспитании тех, кто будет искренне любить Родину, родную землю, это то, что, по мнению философа, оно должно осуществляться в России, русскими учителями, на русском языке. Языку, литературе отводится существенное место в концепции мыслителя. Тех же, кто обучается иностранными учителями и говорит только на иностранных языках, он называет русскими попугайчиками и обезьянками (Аксаков, 1861e: 586). Этот тезис указывает на целесообразность повышения внимания к русскому языку, тщательного исследования его истории, объективных и субъективных преобразований, проведения комплексных исследований, раскрывающих его образность, особенности передачи информации, идей и установок, формирующих мировоззрение человека и создающих условия для того, чтобы он самостоятельно мыслил и давал оценки любому объекту, без слепой веры кому-то.

Мы можем сделать вывод о логичности и системности концепции патриотизма у мыслителя, рассмотрении его в качестве предпосылки развития как своего народа, так и всего человечества, инструмента сохранения ценностей и достижений предшествующих поколений, культурного многообразия в мире. Патриотизм также является идеологией нравственного совершенствования и творчества. Особо хотелось бы отметить, что, по свидетельству хорошо его знавших, сам философ обладал благородством и высокими нравственными качествами, которые признавали даже вечные соперники славянофилов – западники (Гаврилов, 2013: 238).

Таким образом, мы можем отметить, что идеи, высказанные К.С. Аскаковым относительно содержания категорий «Родина», «Отечество» и их образного отражения, взгляды на сущность патриотизма, взаимодействия между народами и странами могут стать источником философского обоснования модели нового справедливого мира, сохраняющего множество в единстве. Родная земля в размышлениях мыслителя является концептом категории «Родина», понимаемой как духовная субстанция, исток бытия особенного. Особенное всегда тесно связано со всеобщим и единичным и обуславливает их существование, следовательно, признание философом святости Родины, а также Отечества, обоснование необходимости связи с ними через любовь, то есть патриотизм, указывает на возможность формирования и реализации на практике модели мироустройства, принципиально отличного как от мультикультурализма и космополитизма, так и от модели постоянной конкуренции и всеобщего

противостояния с использованием разных инструментов, вплоть до военно-силовых.

Особое внимание необходимо уделить рекомендациям мыслителя в части воспитания подрастающего поколения и разъяснения сущности категорий, входящих в систему ценностей русской и мировой культуры. Следует также отметить соответствие идей мыслителя ноосферному проекту, объективно формирующему предпосылки к признанию приоритетности духовных ценностей перед материальными, внимание к культуре своего народа и воспитанию новых поколений в соответствии с патриотической идеей. К.С. Аксаков обоснованно разделяет вопросы культуры и политики и, характеризуя патриота, дает нам подсказку о том, какие качества должны быть сформированы у современной личности, чтобы она могла стать субъектом созидательных действий и взаимоуважительных отношений с представителями других народов.

Источники

Аксаков, К. С. (2010a), «Записка К.С. Аксакова “О внутреннем состоянии России”, представленная государю императору Александру II в 1855 г.», *Аксаков, К. С. и Аксаков, И. С. Избранные труды*, РОССПЭН, Москва, 227-251.

Аксаков, К. С. (1861a), «Краткий исторический очерк Земских Соборов», *Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Сочинения исторические*, тип. П. Бахметева, Москва, 291-306.

Аксаков, К. С. (2010b), «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка (фрагменты)», *Аксаков, К. С. и Аксаков, И. С. Избранные труды*, РОССПЭН, Москва, 117-132.

Аксаков, К. С. (1861b), «О русской истории», *Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Сочинения исторические*, тип. П. Бахметева, Москва, 17-26.

Аксаков, К. С. (1861c), «По поводу VIII тома Истории России г. Соловьева», *Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Сочинения исторические*, тип. П. Бахметева, Москва, 255-290.

Аксаков, К. С. (1861d), «Разные отдельные заметки», *Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Сочинения исторические*, тип. П. Бахметева, Москва, 625-632.

Аксаков, К. С. (1861e), «Русская история для детей», *Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Сочинения исторические*, тип. П. Бахметева, Москва, 558-597.

Литература

Виноградов, И. А. (2019), «Ю.Ф. Самарин как неизвестный адресат “Выбранных мест из переписки с друзьями” Н.В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила», *Вестник славянских культур*, 54, 197-212. EDN: NWSCFE

Гаврилов, И. Б. (2017), «Константин Аксаков о “русском воззрении” (1830–1840-е гг.)», *Христианское чтение*, 1, 238-262. EDN: YGDLOV

Греков, В. Н. (2017), «Между “народом” и “историей”: проблема народности в публицистике славянофилов», *Русская литература и журналистика в движении времени*, 2, 20-46. EDN: ZEHCPB

Ожерельев, К. А. (2013), «Художественное своеобразие натурфилософских элегий К.С. Аксакова», *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 1, 244-251. EDN: QZKQIT

Чикаева, Т. А. (2023), «Родина как гарантия ноосферного проекта», *Ноосферные исследования*, 2, 60-72. DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.60-72

Юнусов, И. Ш. (2005), «О проблеме национального характера в пьесе К.С. Аксакова “Освобождение Москвы в 1612 году”», *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 5 (11), 141-153. EDN: KVRQMX

Sources

Aksakov, K. S. (2010a), “A note by K. S. Aksakov ‘On the internal state of Russia’, presented to Emperor Alexander II in 1855”, *Aksakov, K. S. and Aksakov, I. S. Izbrannye trudy* [Selected works], ROSSPEN, Moscow, Russia, 227-251 (in Russ.).

Aksakov, K. S. (1861a), "A brief historical sketch of the Zemsky Sobors", *Polnoe sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete works: In 3 vol. Vol. 1. Historical works], Printing house of P. Bakhmetev, Moscow, Russia, 291-306 (in Russ.).

Aksakov, K. S. (2010b), "Lomonosov in the History of Russian Literature and the Russian Language (fragments)", *Aksakov, K. S. and Aksakov, I. S. Izbrannye trudy* [Selected works], ROSSPEN, Moscow, Russia, 117-132 (in Russ.).

Aksakov, K. S. (1861b), "About Russian history", *Polnoe sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete works: In 3 vol. Vol. 1. Historical works], Printing house of P. Bakhmetev, Moscow, Russia, 17-26 (in Russ.).

Aksakov, K. S. (1861c), "On the VIII volume of the History of Russia by Mr. Solovyov", *Polnoe sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete works: In 3 vol. Vol. 1. Historical works], Printing house of P. Bakhmetev, Moscow, Russia, 255-290 (in Russ.).

Aksakov, K. S. (1861d), "Various separate notes", *Polnoe sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete works: In 3 vol. Vol. 1. Historical works], Printing house of P. Bakhmetev, Moscow, Russia, 625-632 (in Russ.).

Aksakov, K. S. (1861e), "Russian history for children", *Polnoe sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete works: In 3 vol. Vol. 1. Historical works], Printing house of P. Bakhmetev, Moscow, Russia, 625-632 (in Russ.).

References

Chikaeva, T. A. (2023), "Motherland as a guarantee for the implementation of the noospheric project", *Noospheric Studies,* 2, 60-72 (in Russ.). DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.60-72

Gavrilov, I. B. (2017), "Konstantin Aksakov on the 'Russian view' (1830s–1840s), *Christian Reading*, 1, 238-262 (in Russ.).

Grekov, V. N. (2017), "Between 'the people' and 'history': the problem of nationality in the journalism of the Slavophiles", *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni* [Russian literature and journalism in the movement of time], 2, 20-46 (in Russ.).

Ozherelyev, K. A. (2013), "The artistic originality of K.S. Aksakov's natural philosophical elegies", *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 1, 244-251 (in Russ.).

Vinogradov, I. A. (2019), "Yu.F. Samarin as an unknown addressee of 'Selected passages from correspondence with friends' by N.V. Gogol. On the 200th anniversary of the Slavophile thinker", *Bulletin of Slavic Cultures*, 54, 197-212 (in Russ.).

Yunusov, I. S. (2005), "On the problem of national character in K.S. Aksakov's play 'The Liberation of Moscow in 1612'", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences,* 5(11), 141-153 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чикаева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, ул. Давыдковская, д. 6, стр. 1, Москва, 121352, Россия; *umoi@rambler.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana A. Chikaeva, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Moscow Art and Industrial Institute, bld. 1, 6 Davydkovskaya St., Moscow, 121352, Russian Federation; *umoi@rambler.ru*

УДК 371.48 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-6**

Штец А. А.

Отечественные концепции развивающего обучения первоначальному письму в первой половине XX в.[1]

Институт развития образования,
ул. Советская, д. 54, г. Севастополь, 299011, Россия; *ashtec@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты исторического анализа реализации идей отечественной методики развивающего обучения первоначальному письму в первой половине XX века. В это время началась активная разработка научных основ развивающей педагогики. В отечественной букваристике первой половины XX века продолжались начатые в предыдущем столетии разработки концепций развивающего обучения, которые особенно ярко были представлены в обучении первоначальному письму по трем основным направлениям: свободному, рациональному и естественному развитию ребенка. В статье показаны методические принципы и подходы, сохраняющие свою актуальность для современного обучения грамоте в начальной школе.

Ключевые слова: отечественная букваристика; развивающее обучение; методика обучения первоначальному письму; рациональный, наглядный и средовой подходы к обучению; принципы и методы обучения первоначальному письму

Для цитирования: Штец, А. А. (2025), «Отечественные концепции развивающего обучения первоначальному письму в первой половине XX в.», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 58-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-6

A. A. Shtets

Russian concepts of developmental learning of initial writing in the first half of the twentieth century

Institute of Educational Development,
54 Sovetskaya St., Sevastopol, 299011, Russia; *ashtec@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a historical analysis of the implementation of the ideas of the Russian methodology of developmental teaching of initial writing in the first half of the twentieth century. At that time, the active development of the scientific foundations of developmental pedagogy began. In the Russian letteristics of the first half of the twentieth century, the development of concepts of developmental learning, which began in the previous century, continued, which were especially vividly represented in teaching primary writing in three main areas: free, rational and natural development of the child. The article shows methodological principles and approaches that remain relevant for modern literacy education in primary schools.

[1] Статья является продолжением опубликованных в журнале результатов исторического анализа идей развивающего обучения в отечественной букваристике XIX века (Штец, 2024).

Keywords: Russian alphabetics; developmental learning; methods of teaching initial writing; rational, visual and environmental approaches to learning; principles and methods of teaching initial writing

For citation: Shtets, A. A. (2025), "Russian concepts of developmental learning of initial writing in the first half of the twentieth century", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 58-74, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-6

Первая половина XX века оказалась периодом интенсивного становления научных основ отечественной методики обучения первоначальному письму. В отличие от методики обучения первоначальному чтению, где этот процесс начался во второй половине XIX века, научные основы обучения первоначальному письму как самостоятельный раздел методики обучения грамоте стали разрабатываться сразу же в нескольких направлениях. Все они разворачивались в рамках развивающего обучения в соответствии с теми направлениями, которые сложились в методике обучения грамоте: рационального, свободного и естественного развития ребенка (Штец, 2024). Вместе с тем концепции обучения первоначальному письму отражали специфику учебного курса чистописания, в составе которой и разрабатывались. По этой причине, очевидно, они не попадали в поле зрения современных исследователей, поскольку сейчас нет курса чистописания.

Методика рационального подхода к обучению письму Н.Е. Евсеева

На рубеже веков известный преподаватель Московского учительского института Н.Е. Евсеев подготовил к публикации практическое руководство для учителей, учительских институтов и семинарий «Методика обучения чистописанию». В нем подводился своеобразный итог становления научных основ отечественной методики обучения письму и определялись ее основные параметры в направлении рационального развития навыков учащихся.

На рациональном способе обучения письму в своей методике настаивает сам методист: «*Совсем другое представляет собою рациональный метод обучения письму, все более и более начинающий иметь применение в настоящее время. При этом способе, помимо ясной наглядности и сознательной воли учащегося, старание учителя направляется и на все другие части школьной дидактики и гигиены*» (Евсеев, 1913: 8). В основу рационального метода должны входить, по мнению Н.Е. Евсеева, генетический, стигмографический (копировальный), линейный, тактический методы и способ англичанина Карстера. Как видим, в данном случае речь идет не об отдельном методе, а о подходе, включающем целую систему методов и способов обучения письму. Это подход рационального развития ученика в условиях обучения письму, в котором ведущая роль отведена, по выражению методиста, «сознательной воле учащегося» и «основательному знанию элементов» букв.

«Основательное знание элементов» букв должно оформляться в системе, состоящей из семи основных элементов (штрихов): «*прямой черты, черты с закруглением внизу, черты с закруглением вверху, черты с закруглением вверху и внизу, полуовала с нажимом на левой стороне, полуовала с нажимом на правой стороне, овала*».

Кроме основных элементов в составе прописных букв выделялись и дополнительные элементы: «*точки, петли, узлы, волнистые и пламевидные линии*» (см. рис. 1).

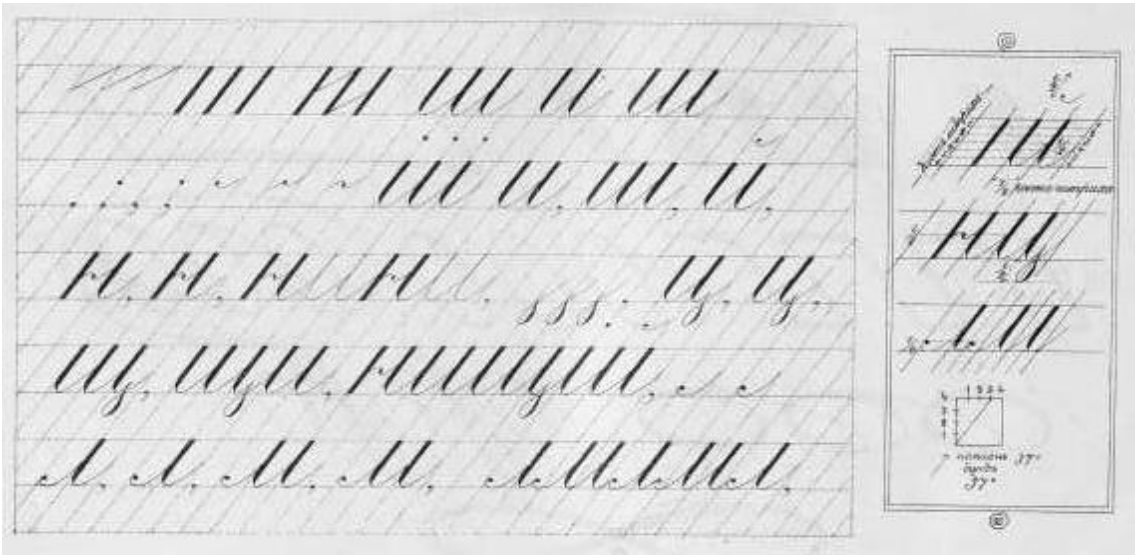


Рис. 1. Таблица № 1 из «Методики обучения чистописанию» Н.Е. Евсеева
Fig. 1. Table No. 1 from “Methods of teaching penmanship” by N. E. Evseev

По отношению к заглавным буквам методист посчитал возможным не выделять отдельные элементы, обосновывая свое решение тем, что «*в составе заглавных (прописных) букв встречаются те же элементы, что в строчных. Преобладание составляют лишь овальные элементы, поэтому в заглавном алфавите гораздо чаще встречаются пламевидные и волнистые черты*» (Евсеев, 1913: 88). Конечно, в составе заглавных букв встречаются несколько иные элементы, нежели в строчных буквах, так как первые отличаются своими большими размерами и поэтому могут рассматриваться в качестве вариантов вышеперечисленных элементов строчных букв. В соответствии с выделенными элементами строчных букв Н.Е. Евсеев для применения генетического метода обосновывает группировку букв в нескольких учебных темах следующим образом: «*Так как более легкими буквами для письма считаются те, которые состоят из основной прямой черты с закруглениями, более же трудными являются состоящие из полуовалов и овалов, то сообразно этому, весь строчный алфавит можно разделить на два отдела*» (Евсеев, 1913: 67).

К первому отделу методист отнес буквы, которые имеют прямые линии с закруглениями. Они в свою очередь были разделены на две группы. Первая группа состояла из букв, имевших прямую линию с закруглениями и «точки, петли и узлы» – это *и, ш, і, й, н, ц, щ, л, м, ь, ы*. Вторая группа – из букв, имевших линию с закруглениями вверху и внизу: *г, п, т, у, р*.

Второй отдел строчных букв делился уже на три группы.

К первой группе принадлежали буквы, состоящие из левых полуовалов: *е, с, в, ч, ъ, ѣ*.

Ко второй группе – буквы, состоящие из правых и левых полуовалов: *э, з, х, ж, к*.

К третьей группе – буквы, образованные из овалов: *о, ѳ, а, ю, д, я, б, ф*.

Таким образом, всего выделялось пять тематических групп строчных букв.

По мнению методиста, заглавные буквы также должны изучаться в генетическом порядке, по группам, потому что *«вследствие своих размеров и несколько более сложной конструкции, буквы эти, особенно в первое время, даются учащимся с некоторым усилием»* (Евсеев, 1913: 94).

Первую группу составляют буквы, преобладающим основным элементом которых служит черта с закруглениями в верхней и нижней части:

И, Ш, Ц, Щ, Ч, Л, А, Ѣ.

Буквы второй группы имеют в своем основании полуовалы и овалы:

С, О, Ѳ, Е, Э, З, Х, Ж.

В третьей группе основным элементом служит пламевидная линия:

І, У, Н, К, Ю, Р, В.

Основной чертой букв четвертой группы служит пламевидная линия в соединении с волнистой:

Г, П, Т, Б, М, Ф, Д.

Конечно, мы можем не согласиться с методистом по поводу его выбора оснований объединения букв или распределения букв по тематическим группам, но необходимо признать, что предложенный вариант тематических групп действительно позволял формировать у детей динамические образы прописных букв универсального типа. Осваивая написание каждой буквы в таком обобщении, ребенок получал возможность постоянно переносить освоенные ранее действия (движения руки) на письмо новых букв, добавляя к ним отдельные дополнительные элементы (линии). Таким образом происходило быстрое становление двигательного навыка универсального типа, способного устойчиво функционировать в меняющихся условиях. Вместо множества двигательных навыков дети осваивали в письме строчных букв пять двигательных навыков, а заглавных – всего четыре. С этой точки зрения, концепция Н.Е. Евсеева вполне может относиться к системе развивающего обучения.

Развивающей направленностью может характеризоваться и примененный методистом линейный метод обучения письму. Помимо обычной демонстрации элементов букв и самих букв на фоне принятой тогда частой наклонной сетки, методистом дается специальное окно, на котором с помощью дополнительных линий раскрываются все пропорции в написании букв (см. рис. 1). Комментарий написания, например, строчной буквы *ц* предлагается следующий:

«*Буква **ц** состоит из двух основных штрихов с закруглениями внизу и петли, по размеру равной половине роста буквы (табл. 2-я, стр. 3-я).*

Исполнение петли происходит таким образом: после сделанного закругления второго основного штриха тонкий отчерк следует вести вверх лишь на 6-ю часть роста буквы, затем производится сама петля» (Евсеев, 1913: 75).

При всем несовершенстве предложенного объяснения написания буквы – в комментарии отсутствует указание на начало и направление в написании буквы – необходимо признать, что методист стремился в максимально полном объеме сформировать ориентировочную основу двигательного навыка, обеспечивая, таким образом, необходимое осознание учеником последовательности и характера выполняемых действий. Нужно отметить, что, несмотря на выбранное методистом округленное письмо с каллиграфическими элементами, написание которых выходило за рамки частой наклонной сетки, ему удалось показать в ориентировочных окнах и их пропорции (см. рис. 2).

Рис. 2. Таблица № 10 из «Методики обучения чистописанию» Н.Е. Евсеева
Fig. 2. Table No. 10 from “Methods of teaching penmanship” by N. E. Evseev

В этой связи следует добавить и то, что подобные ориентировочные окна стали активно использоваться в прописях различных систем развивающего обучения конца XX века. К сожалению, формат прописи-альбома не позволял Н.Е. Евсееву формировать у детей ориентировочные основы прописных букв на деятельностной основе. Кроме того, не удалось избежать методисту и обучения по образцам как элементу «притупляющему и вредящему естественному развитию способностей учащихся». Не решали проблемы подачи знаний в готовом виде ни ориентировочные окна в прописях, ни живое слово учителя.

Тем не менее, разработанная Н.Е. Евсеевым методика рационального способа обучения письму носила ярко выраженную развивающую направленность, которая сохраняла свою актуальность практически весь XX век. Не случайно целый ряд советских методистов: В.А. Саглин, М.А. Мельников, Н.Н. Боголюбов, Л.А. Мухлынина и другие опирались на методику Н.Е. Евсеева при разработке своих курсов обучения чистописанию (Саглин, 1948; Мельников, 1950; Боголюбов, 1955; Мухлынина, 1964).

Концепция наглядного подхода к обучению письму В.А. Флерова

В дореволюционной России XX века издавалось большое количество различных учебных пособий, предназначенных для обучения письму. Но в этом разнообразии выделяется одна разработка, сохраняющая свою актуальность с точки зрения свободного развития ребенка в условиях обучения письму. В 1910 году В.А. Флеров издает «Наглядные уроки письма. Прописи. Картинки. Задачи. Правила. Пособие для учащихся, составленное согласно данным современной психологии. Книжка 1-я. Первые шаги» в составе учебно-методического комплекса (УМК) обучения русскому языку, который также включал: «Наглядные уроки письма. Книжка 2-я. Правописание. Для 1 и 2 года обучения» и «Наглядные уроки письма. Книжка 3-я. Начальная грамматика. Для 3-го года обучения». К УМК прилагались авторские методические книги «Наглядность письма в освещении современной психологии» и «Как не надо учить читать и писать».

Уже состав УМК наглядного обучения письму В.А. Флерова показывает, что прописи выступают частью курса начального обучения русскому языку

наряду с правописанием (Книжка 2-я) и начальной грамматикой (Книжка 3-я). Оригинальность такого подхода объясняется тем, что методист предложил рассматривать графическое письмо не с позиций традиционного чистописания, ориентированного на графическую и каллиграфическую деятельность, а сразу с орфографической и речевой деятельностей как ведущих в содержании обучения. «Первые шаги» по своей форме представляли собой традиционные для XX века прописи-альбомы, демонстрировавшие образцы букв и прочее для списывания.

Открывают первую книжку «Наглядных уроков письма» В.А. Флерова три основных правила, которые выступают как методические принципы, определяющие всё своеобразие наглядного обучения письму:

1. Пусть дети ни одного слова не пишут, не представляя того, о чем пишут.

2. Письмо надо ставить так, чтобы дети вовсе не ошибались.

3. На наглядных уроках письма учитель должен меньше учить, а ученик больше учиться.

Необходимость применения в обучении письму данных правил обосновывается главной задачей, которая вытекает из психологического процесса, проходящего в обучении письму. Эта задача, по мнению В.А. Флерова, «*сводится к тому, чтобы снабдить детскую психику правильными образами письменных слов (орфограммами), тесно слив их с предметным мышлением, и дать навык пользования ими при выражении своих мыслей, чувств и т. д. на письме*» (Флеров, 1916: 60). Безусловно, сводить обучение письму к образам-орфограммам в словах полезно: это делал в своей «Азбуке» и Л.Н. Толстой (Толстой, 1872), но для букварного периода не менее важны и правильные образы звуков, букв и слогов. К сожалению, о них речь не идет в концепции наглядного обучения письму В.А. Флерова, да и само явление «орфограмма» трактуется методистом искаженно, поскольку не каждая буква, пропущенная в слове, является таковой.

Нужно признать, что заявленные правила обучения письму достаточно подробно комментируются в учебном пособии. Так, первое правило должно пониматься, по мнению В.А. Флерова, «*в смысле объединения предметных и письменно-словесных образов в один сложный образ <…> путем подбора материала, близкого детям, отвечающего их интересам, привлекающего их внимание, главным же образом посредством картинок, иллюстрирующих на первых порах сплошь все слова, а потом фразы, мелкие рассказы, статьи, стихотворения и т. д., а также и помощью разного рода задач, заставляющих пишущего думать, представлять, сознавать содержание*» (Флеров, 1916: 60). С таким комментарием первого правила позиция В.А. Флерова явно соотносится с концепцией наглядной азбуки Ф.Ф. Павленкова (Павленков, 1873).

Второе правило призвано, по утверждению методиста, нейтрализовать «*другой недостаток современной постановки письма – детям доставляется широкий простор для ошибок. Допуская ошибки, мы снабжаем детскую память неправильными письменными (зрительно-двигательными) образами слов, которые затем приходится искоренять, заменять другими*» (Флеров, 1916: 60). По мнению В.А. Флерова, не допустить ошибок при письме может списывание, повторение и ассимилирование слов «с другими образами, путем систематизации орфографического материала». К сожалению, как показала вся многолетняя практика обучения младших школьников правописанию, применение перечисленных приемов оказывалось недостаточным. Тем не менее, постановка проблемы пропедевтики правописания уже в букварный период обучения письму, да еще на основе «систематизации орфографического материала», безусловно, является правильной. Кроме того,

употребление термина «зрительно-двигательные» образы слов говорит о достаточно глубоком понимании методистом психологических процессов в обучении письму.

Третье правило использовано для повышения активного участия детей в обучении письму. Для этого В.А. Флеров помещает в «Первые шаги» *«такие статьи, которые по своему сюжету могут захватывать внимание детей и вызывать с их стороны активную работу. Для проявления творчества, насколько таковое возможно на первой ступени, "Наглядные уроки" предоставляют достаточно материала в виде целого ряда задач, требующих от детей не только переживания записываемых мыслей, но и непосредственной активности…»* (Флеров, 1916: 62). С этой точки зрения, методическая система В.А. Флерова действительно относится к области развивающего обучения, которая разрабатывалась еще Фогелем-Бёмом.

Развивающий характер наглядного обучения письму проявляется уже с первых страниц учебного пособия методиста. Начинают «Первые шаги» подготовительные упражнения в виде простейших рисунков, напоминающих элементы букв, и собственно восемь зрительно-двигательных элементов: прямые линии, линии с закруглением внизу, линии с закруглением вверху, линии с закруглением вверху и внизу, левые и правые полуовалы, овалы и линии с петлей внизу. *«Таким образом,* – по мнению методиста, – *"Первые шаги" представляют собой как бы естественный переход от картинного письма, так свойственного детству, к буквенному, заставляя детей с первого слова писать сознательно и с интересом»* (Флеров, 1916: 62). Подобное начало обучения письму, построенное на основе его выведения из деятельности рисования, явно перекликается с методикой «нормальных слов» И. Паульсона (Паульсон, 1868).

Характеризуя далее особенности учебного пособия, В.А. Флеров отмечает, что *«прописи исполнены наклонным шрифтом; наклонное письмо более обеспечивает правильную посадку и легче научает пользоваться пером свободно, связно и скоро. По той же причине прописи даны без графической сетки, препятствующей быстрому и прочному усвоению навыка письма. Элементы и буквы написаны в двух горизонтальных линиях, ведущих строку, затем идут прописи без всяких линеек: последние сами собой обнаруживаются правильностью строки; между тем начертание слов без линеек нагляднее и потому резче запечатлевается в памяти»* (Флеров, 1916: 64). Безусловно, слова, представленные «рукописным шрифтом» и без графической сетки в прописях, легче запоминаются. Но обеспечивает ли такое представление прописных букв осознание учащимися пропорций букв, степени их наклона и другие пространственно-ориентировочные умения? Ответ на этот вопрос очевиден. Бросается в глаза еще одна нестыковка в комментариях методиста: как видно на странице 5, элемент линии с петлей внизу предлагается писать не в двух линиях, а в трех, что требует соответствующей разлиновки тетради, в которой будут писаться буквы с этим элементом, как, впрочем, и все заглавные буквы (см. рис. 3). С этой точки зрения, в методической системе наглядного обучения письму В.А. Флерова линейный метод используется лишь частично.

Рис. 3. Страницы 6, 8, 21 из «Наглядных уроков письма» В.А. Флерова 1910 г.
Fig. 3. Pages 6, 8, 21 from “Object Lessons in Writing” by V. A. Flerov (1910)

Следует отметить и то, что обоснование методистом выбора наклонного письма как способа, который «легче научает пользоваться пером», не согласуется с использованием в прописях округленного шрифта с каллиграфическими элементами в виде «красивых завитушек». Написание подобных каллиграфических элементов, как известно, не только сковывает пишущего, но и тормозит скорость письма. На этом фоне уже совершенно странным выглядит следующее утверждение В.А. Флерова: *«Вообще, совершенство техники письма – не в красивых завитушках, а в простоте начертаний и четкости, в правильности и связности; скоропись вырабатывается сама собой вследствие практики»* (Флеров, 1916: 64).

Безусловным достоинством прописей «Первых шагов» является применение в обучении графическому письму не только зрительно-двигательных, но и слухо-артикуляционных элементов прописных букв. Как видно на 6 и 8 страницах, перед новыми прописными буквами, правда, не всегда последовательно даются их зрительно-двигательные элементы. Ниже даются слова с пропущенными буквами, написание которых предполагает восприятие букв как слухо-артикуляционных элементов слов. Тем не менее, при такой подаче структуры прописных букв за пределами осознания учащимися остаются рукодвигательные элементы, что, в свою очередь, «препятствует быстрому и прочному усвоению навыка письма».

Ориентация методической системы В.А. Флерова на психологический процесс, происходящий в обучении письму, обнаруживается и в делении *«усвоения навыков»* на две ступени: *«1) восприятие движения и 2) усвоение его, т. е. превращение его в автоматическое движение, в навык»* (Флеров, 1916: 64). Такое деление совпадает с концепцией поэтапного формирования умственных действий советского психолога П.Я. Гальперина, предлагавшего выделять ориентировочную основу умственных действий и их исполнительную часть (Гальперин, 2005). Совпадает с концепцией П.Я. Гальперина и стремление В.А. Флерова построить обучение письму на основе образного восприятия прописных букв и их зрительно-двигательных элементов, но воплотить эти образы в

содержательные обобщения, т. е. третий тип ориентировочной основы графической деятельности, ему все же не удалось. Во-первых, последовательность и группировка прописных букв опиралась не на генетический принцип письма, а на логику развертывания деятельности чтения. Во-вторых, методист ограничился лишь организационными компонентами обучения.

Для формирования ориентировочной основы («восприятия движений») графического письма В.А. Флеров применил забытый в то время многими методистами метод скорописного письма, который веками применялся в мирской методике обучения грамоте:

«Воспринимается движение главным образом ***путем перенимания****. Меньше слов и объяснений! Проще и явственнее – образец! Главный прием – исполнение движения на виду у детей. Хотите научить рисовать фигуру, писать элемент, букву, слово, – покажите на примере, – дать так, чтобы дети видели все ваши движения: откуда вы начинаете, куда ведете, как ведете и т. д. Хотите запечатлеть в памяти детей написание слова – пишите его так, чтобы дети могли следить глазами за вашим мелом или пером. Потом можно заставить детей повторить эти движения рукой в воздухе, а затем пером или карандашом на бумаге»* (Флеров, 1916: 64).

Следует заметить, что способ «письма по воздуху» до сих пор используется учителями в массовой практике обучения грамоте. К сожалению, В.А. Флеров не представил в «Первых шагах» ни начала, ни направления, которые необходимы для написания прописных букв.

Для реализации исполнительной части («усвоения движения») графического письма методист предлагает использовать наряду с традиционными упражнениями с «однообразным повторением» движения и прием опоры на слоговой принцип письма:

«На первых порах ревниво следите за тем, чтобы дети не списывали слова буква за буквой, а сначала прочитывали их, лучше вслух, вглядывались и потом писали. Полезно заставлять детей мысленно (закрывши глаза) представлять слово перед написанием его, а при написании произносить те слоги (выделено нами. – *А. Ш.*)*, которые записываются»* (Флеров, 1916: 64).

Большое значение в обучении письму В.А. Флеров придавал принципу безотрывного («связного») письма. *«Одно из условий успешности письма*, – подчеркивал методист, – *связность и скоропись. Сами пишите все слово по возможности одним приемом, не отрывая мела от доски, карандаша или пера от бумаги. И пусть дети привыкают писать каждое слово одним приемом пера. Важно это не столько для выработки скорописи, сколько главным образом для развития* (выделено нами. – *А. Ш.*) *и укрепления двигательных образов слов, играющих главную роль в усвоении письма»* (Флеров, 1916: 64). В данном отрывке обращает на себя внимание одно крайне важное обстоятельство: В.А. Флеров напрямую соотносит процесс развития на основе безотрывного («связного») письма с предметной по своему содержанию графической деятельностью. Иначе говоря, развивающий характер обучения у В.А. Флерова обусловливается развитием двигательных навыков.

Необходимо признать, что развивающий характер обучения письму у В.А. Флерова обеспечивается и системой речевых задач, которые в изобилии предлагаются учащимся во второй половине «Первых шагов». Эта система включает:

1) конструирование и запись двухсловных предложений с опорой на картинку и рубрику слов (стр. 36);

2) конструирование и запись трехсловных предложений с опорой на картинку и поставленный вопрос (стр. 43);

3) списывание предложений с подбором нужных слов вместо картинок (упражнение № 81 на стр. 51);

4) конструирование и запись трехсловных предложений с опорой на слова и поставленный вопрос (упражнение № 82 на стр. 51) и т. п. (см. рис. 4).

Рис. 4. Страницы 36, 43, 51 из «Наглядных уроков письма» В.А. Флерова 1910 г.
Fig. 4. Pages 36, 43, 51 from “Object Lessons in Writing” by V. A. Flerov (1910).

Концепция наглядного обучения письму В.А. Флерова получила свое дальнейшее развитие в работах советского методиста Е.В. Гурьянова (Гурьянов, 1940). Работая над решением проблем эффективного обучения детей графическому письму, он фактически развил идею В.А. Флерова о необходимости развития навыка письма у школьников уже в букварный период. Безусловно, как и В.А. Флеров, так и Е.В. Гурьянов не смогли ответить на все вопросы организации и содержания обучения письму в рамках личностно развивающего образования. Тем не менее, учет их методических взглядов позволяет выходить на решение целого ряда проблем безопасного развития детей в обучении грамоте.

Методика средового подхода к обучению письму Д.А. Писаревского

В советское время продолжалась традиция обучения письму в составе учебного курса чистописания. Обучение графическому письму в букварный период, как правило, осуществлялось на основе прописей, которые оформлялись на страницах самих букварей. А вот обучение письму по этим прописям осуществлялось на основе типовых методик, которые разрабатывались в отдельных методических системах чистописания.

Наряду с направлениями рационального и свободного развития детей в обучении письму в первой половине XX века методистами разрабатывалось и направление естественного развития. В 1924 голу Д.А. Писаревским издается книга для учителей каллиграфии «Методика обучения письму в начальных классах», а вслед за ней серия наводных тетрадей «Почерк» и «Каллиграфия». После уточнения и дополнения методика Д.А. Писаревского вышла в свет как методическое пособие для учителей начальных школ (Писаревский, 1936).

Главное отличие методики Д.А. Писаревского заключалось в том, что

основное внимание в ней сосредотачивалось на организации средового подхода, опиравшегося на принцип адаптивного обучения письму. Суть данного принципа выражалась в том, что методика должна была приспосабливать не ребенка к обучению, а наоборот: все содержание и организацию обучения письму – к потребностям и возможностям ребенка-первоклассника.

Для достижения поставленной цели методист определяет, в первую очередь, параметры, которым должны соответствовать условия при обучении письму:

I. Материалы для письма (ручка, перо, тетрадь).

II. Посадка при письме (корпус, голова, руки, ноги).

III. Как держать перо (пальцы, кисть).

IV. Движение пера.

V. Какие правила соблюдать при письме (тетрадь, нажим, расстояние между элементами, высота букв, наклон, соединительная линия, прямая линия, овал, полуовал).

Кроме того, в методике меняется пространство письма – разлиновка тетради для написания букв. Методист уходит от применения статичного линейного метода, предусматривающего только один тип разлиновки, и переходит к линейному методу адаптивного типа. В соответствии с адаптивно-линейным методом графическую сетку в тетрадях рекомендуется изменять следующим образом: *«Если мы в I классе пользовались тетрадями, на которые нанесена частая графическая сетка с расстоянием между наклонами в 5 мм при вышине строки в 10 мм, то на втором году, при вышине букв в 5 мм, наклонная должна была быть расположена на расстоянии 2½-3 мм, чтобы соблюсти при письме правильную пропорцию между высотой и шириной букв. Предпочтительнее, однако, пользоваться во II классе бумагой с редко расположенной наклонной сеткой, с расстоянием между наклонными 20-30 мм. Такая разлиновка приучит детей к самостоятельному соблюдению наклона при письме букв и самостоятельному соблюдению правильного интервала между элементами, между буквами, между словами.*

Навык к соблюдению наклона облегчит в дальнейшем (в III классе) переход к письму на бумаге в одну линейку, на которой наклонная отсутствует» (Писаревский, 1936: 38). Не сложно заметить, что при таком изменении разлиновки листа бумаги реализуется постепенное повышение степени самостоятельности учащихся в овладении графическим письмом.

Принцип адаптивного обучения письму распространялся и на шрифт прописных букв. Касаясь изменений размера букв, методист отдельно подчеркивает: *«Начиная обучение в I классе с крупного шрифта (10 мм), мы создаем возможность более четко вычерчивать элементы и буквы, более аккуратно выполнять условия соединения элементов в букву и букв в слово. На всем протяжении первого года обучения учитель наблюдает за соблюдением детьми этих основных условий письма, и если в этом отношении достигнуты удовлетворительные результаты, то переход на среднее письмо (второй год обучения) никаких затруднений не вызовет»* (Писаревский, 1936: 38). Собственно говоря, Д.А. Писаревский применил новый адаптивно-шрифтовой метод обучения письму.

В соответствии с адаптивно-шрифтовым методом в методической системе Д.А. Писаревского подвергались изменению и формы прописных букв. Обучение письму в первом классе осуществлялось на заглавных буквах упрощенных начертаний: *Н, И, Ш, Ц, Щ, Ю, К, Ф*, а также строчной буквы *з*, выполняемой без петлевидной линии (см. рис. 5).

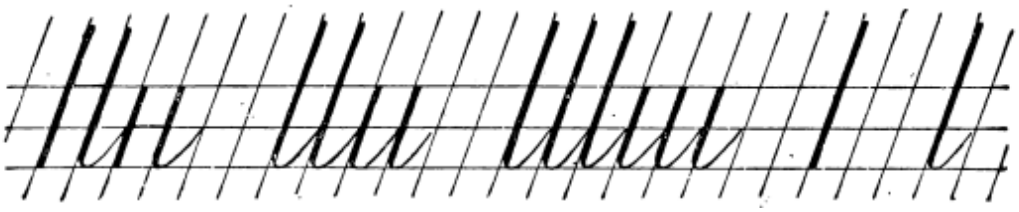


Рис. 5. Формы заглавных и строчных букв *Нн, Ии, Шш* в методической системе обучения письму Д.А. Писаревского
Fig. 5. Forms of capital and lowercase letters *Нн, Ии, Шш* in the methodological system of teaching writing by D.A. Pisarevsky

Как видно, форма заглавных букв отличается от формы строчных букв лишь высотой, что позволяет ученикам опираться на ранее освоенные умения писать строчные буквы. Такой способ упрощения форм заглавных букв существенно повышает степень переноса двигательного навыка с одной буквы на другую, создавая благоприятные предпосылки для овладения во втором классе усложненными формами заглавных букв – буквами с каллиграфическими элементами. Однако такой способ упрощения форм заглавных букв сопровождается и существенным недостатком, который сразу же был предъявлен методисту учителями, – это неизбежное переучивание второклассников в написании заглавных букв: старый навык с трудом подвергался необходимой коррекции. К таким последствиям приводил, очевидно, прием сокращения отдельных элементов заглавных букв, разрушавших их общую форму.

Кроме адаптивно-линейного и адаптивно-шрифтового методов, средовой подход в методической системе Д.А. Писаревского реализовывался в первом классе и поэтапным развитием двигательных навыков письма. Всего в обучении графическому письму выделялось четыре этапа с собственными целевыми установками, которые запускали развитие двигательных навыков по формуле: от простого к сложному и от частного к общему.

Так, первый этап распространялся на «подготовительный буквенный период» (1-я – 3-я недели) со следующими параметрами:

«а) рисование простейших предметов, обводка, заштриховка, раскрашивание фигур цветными карандашами;

б) навык правильной посадки при письме-рисовании и правильного держания карандаша» (Писаревский, 1936: 36).

Заявленными действиями учащиеся овладевали, выполняя 13 упражнений, которые были направлены на выведение действий графического письма из деятельности рисования. Правда, упомянутое «раскрашивание фигур цветными карандашами» методист оставил без комментариев.

Второй этап предусматривал обучение первоклассников в течение 4-й – 8-й недели первой четверти по следующим параметрам графического письма:

«Первоначальные приемы письма рукописным шрифтом по двум линейкам чернилами. Письмо коротких слов с соблюдением последовательности в письме элементов букв от легких к более трудным» (Писаревский, 1936: 37).

В методической системе Д.А. Писаревского выделялось 20 элементов, из них десять основных (№№ 1-10) и десять дополнительных (№№ 11-20). Изучение элементов букв строилось на основе таблицы разложения букв на элементы (см. рис. 6).

Рис. 6. Фрагмент «Таблицы разложения букв на элементы» из методической системы обучения письму Д.А. Писаревского
Fig. 6. Fragment of the “Table of decomposition of letters into elements” from the methodological system of teaching writing by D.A. Pisarevsky

Из представленного фрагмента таблицы видно, что элементы строчных букв даются в сопоставлении с буквами, в которых они употребляются, обеспечивая ученикам, таким образом, восприятие не только форм элементов, но и их функции в буквах. А это означает перевод содержания обучения с формально-логического уровня на деятельностный.

Для детального уяснения учащимися пропорций элементов букв предполагалось использовать их более крупное изображение. Такое изображение элементов букв на фоне более детальной разлиновки предназначено для формирования ориентировочной основы двигательных навыков, позволяющей учащимся осознать прямолинейность основных нажимных линий в буквах. Правда, здесь нужно отметить и то, что заявленная прямолинейность на первых четырех элементах букв не выдерживается на остальных элементах. Это обстоятельство говорит об определенной непоследовательности методической системы Д.А. Писаревского.

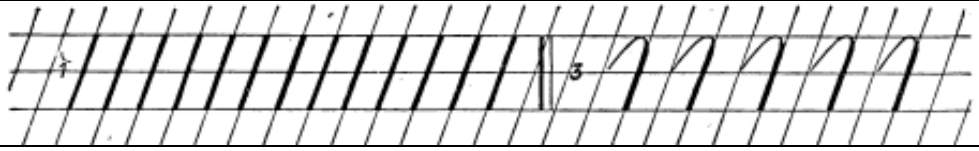
Для овладения учащимися заявленных на втором этапе действий рекомендуются следующая типология упражнений (см. Табл. 1).

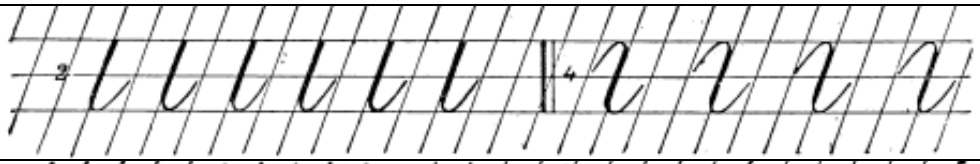
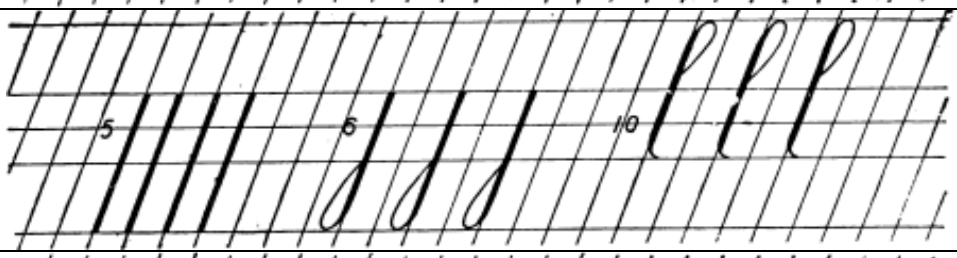
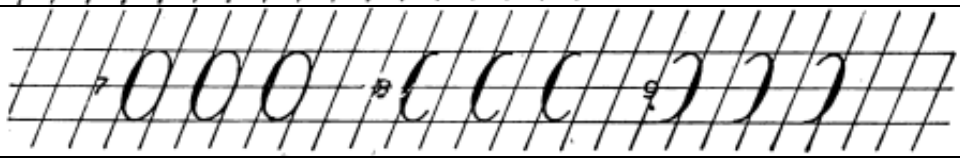
Таблица 1

Обучение письму на втором этапе в методической системе обучения письму Д.А. Писаревского

Table 1

Teaching writing at the second stage in the methodological system of teaching writing by D.A. Pisarevsky

№ упр-й	Упражнения в письме элементов / Exercises to write elements
1-4	

	
5, 6, 10	
7-9	

Как видно, методистом предпринята попытка обобщения основных элементов букв на основе их вариативности. Однако и в данной системе полностью отсутствуют варианты элементов заглавных букв, которые вообще отдельно не комментируются.

Третий этап (1-я и 6-я недели второй четверти) предполагал следующие параметры обучения:

«Письмо слов и коротких фраз, составленных в порядке возрастающей трудности. Соблюдение основных пропорций письма» (Писаревский, 1936: 37).

Развитие двигательных навыков на данном этапе осуществляется на основе двух типологий упражнений: «Соединительные линии» и «Упражнения в письме букв и слов».

Из всего многообразия соединений между зрительно-двигательными элементами и между буквами в методической системе Д.А. Писаревского выделялось три типа соединений: 1) верхние; 2) средние; 3) нижние. Самих терминов методист не употреблял, предпочитая описывать каждое соединение отдельно, что вынуждало учащихся обобщать соединения самостоятельно, и это получалось, конечно, далеко не у всех.

Вторая типология «Упражнения в письме букв и слов» отражала тематическую группировку строчных и заглавных букв в соответствии с требованиями генетического метода обучения письму. По мнению методиста, обучение письму букв нужно «*начинать с более легких элементов и по мере их изучения переходить к письму наименее сложных букв, затем постепенно к более сложным элементам и более трудным по начертанию буквам. Такой способ обучения мы называем* ***генетическим****, и метод этот должен применяться для вторых и для первых грамотных классов*» (Писаревский, 1936: 35).

В методической системе обучения письму Д.А. Писаревского выделялись следующие тематические группы прописных букв:

1 группа – *и, ш; г, п, т; р, у*;
2 группа – *л, м; ц, щ; й, ч*;
3 группа – *о, а, ю; д, б*;
4 группа – с, *е; ь, в, ъ*;
5 группа – *э, х, ж; ф, з, я, к*.

Принципиально важно обратить внимание в данном подходе на то, что тематическая группировка букв распространяется и на строчные, и на заглавные буквы, подчеркивая таким образом универсальность графических действий двигательного навыка. Очевидно, для этого методист и прибегнул к типовой форме в написании строчных и заглавных букв. Кроме того, структура тематических

групп букв была разделена на части правильного и неправильного написания букв, что указывает на стремление методиста уже на ранних этапах обучения письму нейтрализовать возможные ошибки учащихся.

Заглавные буквы первой группы *Н, И, Ш* вводятся после первой группы строчных букв, второй группы *Л, М, Ц, Щ, Ч* – после второй группы строчных букв, третья группа *О, Ю, А* – после третьей группы строчных букв. Четвертая группа *С, Х, Э, Ж* и пятая группа *Ф, З, К, Я* изучаются последовательно после строчных букв, а последней вводится группа заглавных букв, имеющих собственную форму: *У, Р, В, Г, П, Т, Б, Е, Д*.

После написания букв каждой тематической группы проводится упражнение в письме слов, состоящих из изученных букв. Например, для применения букв первой группы учащимся предлагаются следующие слова: *нити, груши, тигр, шут*.

Четвертый этап (3-я – 4-я четверти первого класса) направлялся на формирование следующих умений: *«Уменье чисто, четко, крупным рукописным шрифтом, без пропусков, перестановок и смешения букв писать чернилами по двум линейкам, под контролем учителя, простейшие слова и предложения»* (Писаревский, 1936: 37). Судя по такому целеполаганию этапа, представленная выше система развертывания тематических групп прописных букв распространялась и на него, охватывая, таким образом, все время обучения в первом классе. Здесь необходимо подчеркнуть и то, что примененный таким образом генетический метод обучения письму даже в пределах первого класса становится одним из центральных принципов методической системы Д.А. Писаревского, который, по существу, определял не только логику развертывания учебного материала, но и собственно содержание обучения письму.

Безусловно, разработанная Д.А. Писаревским методическая система не была совершенной, но это была первая система развития двигательного навыка графического письма, сделавшая огромный шаг в решении проблемы естественного развития личности ребенка в условиях обучения письму. Методическая система Д.А. Писаревского была поддержана и развита А.И. Воскресенской, М.Л. Закожурниковой и Н.И. Ткаченко в «Прописях для учащихся 1-го и 2-го класса начальной школы» 1935 года издания (Воскресенская, Закожурникова, Ткаченко, 1935).

***

Как показал исторический анализ, представленные выше концепции развивающего обучения первоначальному письму первой половины XX века имели как определенные недостатки, так и безусловные достоинства. Их разработка несла в себе огромный потенциал, который был способен существенно повысить эффективность обучения первоначальному письму в начальной школе. Однако после отказа в 1936 году от использования в общеобразовательной школе комплексных программ ГУСов (Государственных ученых советов) все исследования в области развивающего обучения фактически были свернуты. Для современного обучения грамоте инновационный опыт отечественных методистов первой половины XX века сохраняет свою актуальность и должен, по крайней мере, учитываться при совершенствовании методики развивающего обучения первоначальному письму.

Литература

Боголюбов, Н. Н. (1955), *Методика чистописания: учебное пособие для педагогических училищ.* Изд. 2-е, испр. и доп., Учпедгиз, Ленинград.

Воскресенская, А. И., Закожурникова, М. Л. и Ткаченко, Н. И. (1935), *Указания для учителя о применении прописей*

при обучении письму в начальной школе, Гос. учеб.-пед. изд-во, Москва.

Гальперин, П. Я. (2005), *Введение в психологию: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям.* 5-е изд. Университет: Моск. психол.-соц. ин-т; Дом печати – Вятка, Москва; Киров.

Гурьянов, Е. В. (1940), *Развитие навыка письма у школьников*, Учпедгиз, Москва.

Евсеев, И. Е. (1913), *Методика обучения чистописанию: Практ. руководство для учителей, учит. ин-тов и семинарий.* 7-е изд., Т-во В.В. Думнов – насл. бр. Салаевых, Москва; Санкт-Петербург.

Мухлынина, Л. А. (1964), *Обучение письму в 1 классе Примерная разработка уроков*. 2-е изд., доп., Просвещение, Москва.

Начальная школа: Настольная книга учителя (1950), под ред. проф. Мельникова, М. А., Учпедгиз, Москва.

Павленков, Ф. Ф. (1873), *Наглядная азбука для обучения и самообучения грамоте: с 600 рисунками в тексте*, издание В.Д. Черкасова, Санкт-Петербург.

Паульсон, И. И. (1868), *Способ обучения грамоте по Первой учебной книжке: (Объяснение для преподавателя)*, Тип. В. Безобразова и К°, Санкт-Петербург.

Писаревский, Д. А. (1936), *Обучение письму: Методическое пособие для учителей начальных школ*, Учпедгиз, Москва.

Саглин, В. А. (1948), *Обучение письму в начальной школе: Пособие для учителей нач. школы*, Учпедгиз, Ленинград.

Толстой, Л. Н. (1872), «Для учителя. К первой части», *Азбука графа Л.Н. Толстого. Книга I*, Тип. Замысловского, Санкт-Петербург.

Флеров, В. А. (1916), *Наглядные уроки письма. Прописи, картинки, задачи, правила. Пособие для учащихся, составленное согласно данным современной психологии. Книжка 1-я. Первые шаги.* 10-е изд., изд. автора, Москва.

Штец, А. А. (2024), «Развивающее обучение в отечественной букваристике XIX века», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 10 (1), 29-39.

References

Bogolyubov, N. N. (1955), *Metodika chistopisaniya: uchebnoye posobiye dlya pedagogicheskikh uchilishch. Izdaniye 2-ye, ispravlennoye i dopolnennoye* [Methods of penmanship, a textbook for pedagogical schools. 2nd ed., corrected and expanded], Uchpedgiz, Leningrad, USSR (in Russ.).

Evseev, I. E. (1913), *Metodika obucheniya chistopisaniyu: Prakticheskoye rukovodstvo dlya uchiteley, uchiteley institutov i seminariy. 7-ye izd.* [Methods of teaching penmanship: A practical guide for teachers, teachers of institutes and seminaries. 7th ed.], Partnership V.V. Dumnov – heirs of the Salaev brothers, Moscow, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Flerov, V. A. (1916), *Naglyadnyye uroki pis'ma. Propisi, kartinki, zadachi, pravila. Posobiye dlya uchashchikhsya, sostavlennoye soglasno dannym sovremennoy psikhologii. Knizhka 1-ya. Pervyye shagi.* 10-ye izd. [Visual lessons in writing. Copybooks, pictures, tasks, rules. A manual for students, compiled according to the data of modern psychology. Book 1. First steps. 10th ed.], Author's publication, Moscow, Russia (in Russ.).

Galperin, P. Ya. (2005), *Vvedeniye v psikhologiyu: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po gumanitarnym spetsialnostyam.* 5-ye izd. [Introduction to psychology: a textbook for university students studying in the humanities. 5th ed.], Universitet: Moscow Psychological and Social University; Vyatka: House of Printing, Moscow, Kirov, Russia (in Russ.).

Guryanov, E. V. (1940), *Razvitiye navyka pisma u shkolnikov* [Development of writing skills in schoolchildren], Uchpedgiz, Moscow, USSR (in Russ.).

Melnikov, M. A. (ed.) (1950), *Nachalnaya shkola: Nastolnaya kniga uchitelya* [Primary school: Teacher's handbook], Uchpedgiz, Moscow, USSR (in Russ.).

Mukhlynina, L. A. (1964), *Obucheniye pismu v 1 klasse Primernaya razrabotka urokov. Izdaniye 2-ye, dopolnennoye* [Teaching writing in 1st grade Sample lesson development. 2nd edition, expanded], Prosveshcheniye, Moscow, USSR (in Russ.).

Paulson, I. I. (1868), *Sposob obucheniya gramote po Pervoy uchebnoy knizhke: (Obyasneniye dlya prepodavatelya)* [Method of teaching literacy using the First textbook: (Explanation for the teacher)], Printing house of V. Bezobrazov and Co., Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Pavlenkov, F. F. (1873), *Naglyadnaya azbuka dlya obucheniya i samoobucheniya*

gramote: s 600 risunkami v tekste [A visual alphabet for teaching and self-teaching literacy: with 600 pictures in the text], edition by V. D. Cherkasov, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Pisarevsky, D. A. (1936), *Obucheniye pismu: Metodicheskoye posobiye dlya uchiteley nachalnykh shkol* [Teaching writing: A manual for primary school teachers], Uchpedgiz, Moscow, USSR (in Russ.).

Saglin, V. A. (1948), *Obucheniye pismu v nachalnoy shkole: Posobiye dlya uchiteley nachalnoy shkoly* [Teaching writing in primary school: A manual for primary school teachers], Uchpedgiz, Leningrad, USSR (in Russ.).

Shtets, A. A. (2024), "Developmental education in Russian alphabet literature of the 19th century", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 29-39 (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1872), "For the teacher. To the first part", *ABC of Count L.N. Tolstoy. Book I*, Zamyslovsky Printing House, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Voskresenskaya, A. I., Zakozhurnikova, M. L. and Tkachenko, N. I. (1935), *Ukazaniya dlya uchitelya o primenenii propisey pri obuchenii pismu v nachalnoy shkole* [Instructions for teachers on the use of copybooks when teaching writing in elementary school], State educational and pedagogical publishing house, Moscow, USSR (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Штец Александр Александрович, доктор педагогических наук, профессор, кафедра развития личности ребенка, Институт развития образования, ул. Советская, д. 54, г. Севастополь, 299011, Россия; *ashtec@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander A. Shtets, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Child Personality Development, Institute of Educational Development, 54 Sovetskaya St., Sevastopol, 299011, Russia; *ashtec@mail.ru*

УДК: 78.071.2 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-7**

Агафонов И. С.[1], Нагибина Н. П.[2]

Егор Резников: материалы к биографии и творчеству

[1] Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*
[2] Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *nadya12354@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены первые промежуточные результаты исследований биографии, научной деятельности и творческого багажа русско-французского музыковеда, профессора Егора Даниловича Резникова, внесшего значительный вклад в изучение и популяризацию древнего церковного пения. Значимость исследования состоит в том, что широко известные на Западе результаты научной деятельности Е.Д. Резникова в области развития церковного искусства в российской научной литературе пока не актуализированы. Авторы статьи предпринимают попытку привлечь внимание к фигуре заслуженного ученого, музыканта и преподавателя, потомка российских эмигрантов, осветить некоторые из этапов его жизни и исследовательской деятельности в области древнего христианского пения.

Ключевые слова: церковное пение; история церковного пения; григорианский хорал; Егор Данилович Резников; духовная музыка; хоровая церковная музыка; древнее певческое искусство; Университет Западного Парижа

Для цитирования: Агафонов, И. С. и Нагибина, Н. П. (2025), «Егор Резников: материалы к биографии и творчеству», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 75-85. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-7

I. S. Agafonov[1], N. P. Nagibina[2]

Iegor Reznikoff: materials for biography and creative work

[1] Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*
[2] Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *nadya12354@yandex.ru*

Abstract. The article presents the first intermediate results of the research into the biography, scientific activity and creative heritage of the Russian-French musicologist, Professor Iegor Danilovich Reznikoff, who made a significant contribution to the study and popularization of ancient church singing. The relevance of the research topic is that the widely known in the West results of Iegor Reznikoff's scientific activity in the field of development of church art in Russian scientific literature have not yet been updated. The authors of the article attempt to draw attention to the figure of the honored scientist, musician and teacher, a descendant of Russian emigrants, to

highlight some of the stages of his life and research activities in the field of ancient Christian singing.

Keywords: church singing; history of church singing; Gregorian chant; Iegor Danilovich Reznikoff; sacred music; choral church music; ancient singing art; University of Western Paris

For citation: Agafonov, I. S. and Nagibina, N. P. (2025), "Iegor Reznikoff: materials for biography and creative work", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 75-85, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-7

Егор Данилович Резников – французский математик, философ и музыковед, почетный профессор Университета Западного Парижа. Французский музыковед Егор Резников – из тех фигур в истории отечественной и зарубежной музыки, чья биография, научные труды и вклад в изучение истории и теории древнего церковного певческого искусства пока недостаточно известны. Работы, посвященные исследованию истории и теории древнего церковного певческого искусства, его преемственности византийской и восточной культуре, музыкальных традиций древних христианских общин, проливают свет на многие аспекты этой уникальной области музыкального искусства, однако остаются малоизвестными широкому кругу российских исследователей и любителей музыки.

Сложность изучения наследия Резникова заключается в нескольких факторах: во-первых, его труды были изданы только на французском языке, а многие остаются неопубликованными или изданы ограниченным тиражом, что затрудняет доступ к ним. Во-вторых, сам контекст исследований Резникова тесно связан с междисциплинарностью, объединяя музыковедение, философию, богословие и историографию, что делает его наследие особенно интересным, но одновременно усложняет его осмысление. Тем не менее, обращение к трудам Резникова открывает перед нами возможность глубже понять процессы формирования и развития древнецерковной музыки, ее влияние на музыкальную культуру последующих эпох и значимость для современной науки.

Деятельность Е.Д. Резникова в отечественных искусствоведческих изданиях практически не представлена. Авторский историко-документальный фильм «Голоса Олерона» (2022) С. Решетникова, преподавателя Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, рассказывает о жизни ученого, однако в видеоматериале не ставилась цель осветить научную деятельность музыковеда, вклад Резникова в развитие музыкальной науки.

Новизна данного исследования заключается в том, что биография и творческое и научное наследие Е.Д. Резникова в контексте музыковедения ранее не изучалась. Авторы ставят своей целью рассмотреть основные этапы жизни и творчества Егора Даниловича Резникова, проанализировать ключевые моменты его научного вклада в исследование древней церковной музыки.

Материалом исследования выступают документы, материалы, аудио- и видеоматериалы, посвященные жизни и научной деятельности профессора Е.Д. Резникова, размещенные в электронной библиотеке «Галлика» Национальной библиотеки Франции.

Рис. 1. Е.Д. Резников на съемках авторского документального кино «Голоса Олерона» (2022 г.)
Fig. 1. I.D. Reznikoff on the set of the author's documentary «Voices of Oleron» (2022)

Е.Д. Резников родился 13 мая 1938 года в Париже, в семье русской интеллигенции. Его бабушка по материнской линии Ольга Елисеевна Колбасина родилась в семье Елисея Колбасина, русско-украинского дворянина, писателя и друга Ивана Тургенева. Она вышла замуж за Митрофана Федорова, живописца, ученика Ильи Репина. От их брака родились две дочери: Наталья – мама Егора Резникова, и ее сестра-близнец Ольга.

Рис. 2. Фото членов семьи Андреевых-Сосинских (из личного архива Е.Д. Резникова)
Fig. 2. Photo of members of the Andreev-Sosinskiy family (from the personal archive of I.D. Reznikoff)

Во втором браке Ольга Елисеевна Фёдорова вышла замуж за видного политика начала XX века В.М. Чернова. В январе 1918 года эсер Чернов был избран председателем Всероссийского Учредительного собрания. Однако Собрание было распущено В.И. Лениным, который планировал арестовать и расстрелять Чернова. В.М. Чернов, вовремя предупрежденный Л.Д. Троцким, скрылся в Европе, а впоследствии перебрался в Соединенные Штаты. В отместку В.И. Ленин поместил в тюрьму Ольгу Елисеевну и трех ее дочерей – Наталью, Ольгу и Ариадну (общая дочь с В.М. Черновым). Благодаря вмешательству Е.П. Пешковой, жены М. Горького, в 1921 году сначала девочки, а затем и Ольга Елисеевна были освобождены и по просьбе М. Горького В.И. Ленин разрешил им покинуть Россию (Назаров и Харламенко).

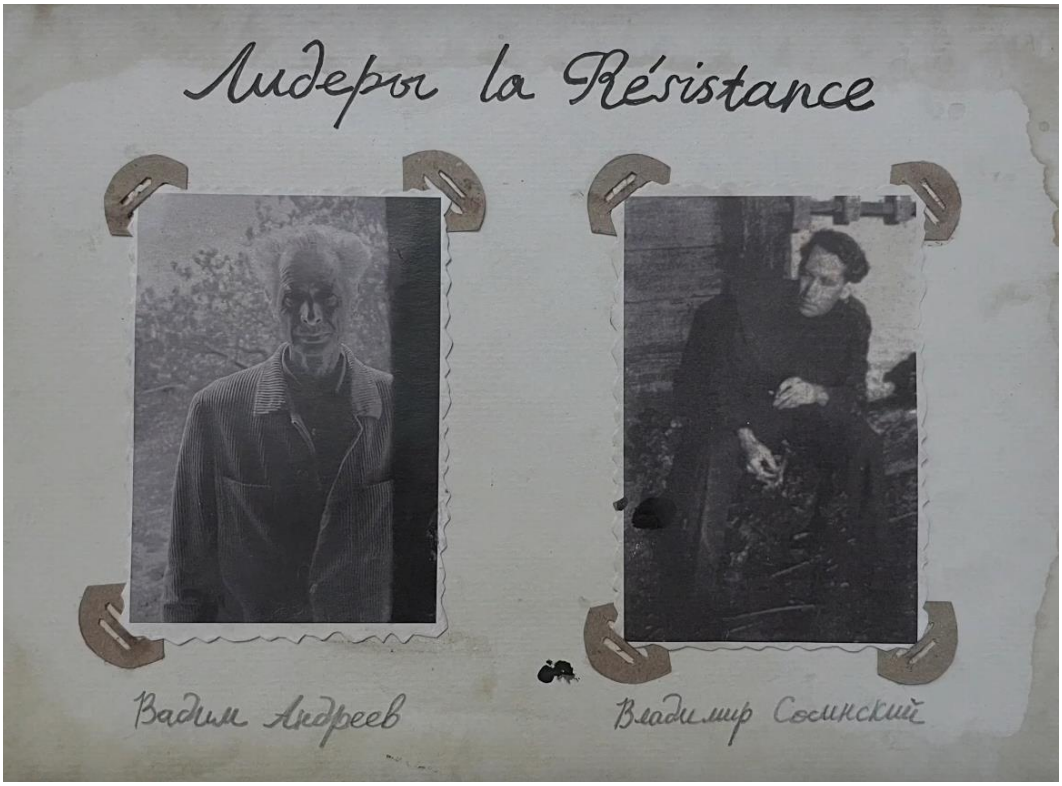


Рис. 3. Фото В.Л. Андреева и В.Б. Сосинского на о. Олерон
(из личного архива Е.Д. Резникова)
Fig. 3. Photo of V.L. Andreev and V.B. Sosinskii on Oléron Island
(from the personal archive of I.D. Reznikoff)

Под влиянием брачного союза с В.М. Черновым у Ольги Елисеевны сохранились сильные социалистические и демократические взгляды, которых семья в разных формах всегда придерживалась. В Париже Ольга Елисеевна с дочерьми участвовала в культурной жизни русских эмигрантов. Семья состояла в близкой дружбе с Мариной Цветаевой, известной Ольге Елисеевне еще в России. В разные годы семья Резниковых была близка с писателем и каллиграфом Алексеем Ремизовым, вокруг которого собирались многие русские и французские писатели и интеллектуалы того времени, такие как Лев Шестов, Иван Бунин, Борис Зайцев, востоковед Василий Никитин, братья Лифарь, Петр Сувчинский, специалист по русской литературе Пьер Паскаль, позднее – Арман Робин, Артуро Гатти, Анри Мишо, Марсель Арлан и др.

Три дочери Ольги Елисеевны познакомились со своими будущими мужьями в доме Алексея Ремизова. Наталья вышла замуж за эмигрировавшего из революционной России журналиста, поэта и типографа Даниила Георгиевича Резникова (1904-1970), от которого родились Андре (1930) и Егор (1938). Сестра-близнец Ольга вышла замуж за поэта Вадима Андреева, а Ариадна – за Владимира Сосинского. С сентября 1939 до 1945 года семья Резниковых находила убежище на французском острове Олероне (Назаров и Харламенко).

Рис. 4,5. Фото местных жителей о. Олерон (1950-е гг.) (из личного архива Е.Д. Резникова)
Fig. 4,5. Photo of local residents of Oleron Island. Oleron (1950s)
(from the personal archive of I.D. Reznikoff)

В дополнение к русской культуре своей семьи, Егор Резников получил французское образование. Ходил в детский сад в коммуне Сен-Дени-д'Олерон, обучался в начальной школе в Ньоре и Кашане, окончил Эльзасскую среднюю

школу в Лаканалеи и среднюю школу Бюффона в Париже. Высшее образование получил на факультете естественных наук Парижского университета. Прослушав в 1956–1957 годах курс лекций французского математика Жака Диксмье, Егор Резников начал заниматься углубленным изучением математики. В 1966 году под руководством профессора Георга Крайзеля он защитил докторскую диссертацию (Сараева, 2016: 84).

Параллельно со средним он получил музыкальное образование по классу фортепиано и композиции. Обучался в группе у голландского композитора Беп Гойер, а затем у Иветт Гримо, ученицы Оливье Мессиана и одноклассницы Пьера Булеза, которая познакомила молодого Егора с тонким слушанием нетемперированных интервалов. Под влиянием прослушанных лекций Клода Ходосса в лицее Бюффона, а затем и лекций Жана Валя в Сорбонне, он подготовил (хотя и не защитил) докторскую диссертацию по философии о русском философе-экзистенциалисте Льве Исааковиче Шестове (Ефимова., 2004: 199).

С 1961 по 1971 гг. Е. Резников преподавал математику в университетах Парижа, Орлеана и Реймса. В 1971 году по приглашению выдающегося польско-американского математика Альфреда Тарского начал преподавать в Калифорнийском университете в Беркли. За многолетнюю научно-исследовательскую работу в области математической логики он был назначен заведующим кафедрой логики факультета философии в Университете Западного Парижа (Пекелис, 2013: 102).

Особое место в исследовательской деятельности Егора Даниловича занимает изучение древнейших христианских песнопений. Объединяя свои практики и научные изыскания в области старинного пения, звукотерапии и этномузыкологии, ученый создал понятие «звуковая антропология» (Гордеева, 2016: 94).

С 1970-х годов, столкнувшись с изучением эволюции католической литургии, Резников начал исследовать основы сакрального искусства, в частности, искусство древних литургий (восточнохристианской, буддийской, индуистской и др.). В своих научных трудах он отмечает, что религиозное искусство (живопись, музыка, архитектура и т. д.) имеет предлог, религиозный мотив, но его средства те же, что и у соответствующего светского искусства, в то время как сакральное искусство в буквальном смысле функционально, его функция состоит в том, чтобы помогать в молитве и открывать доступ к глубинным уровням сознания (Болгов, 2015: 18).

Средства сакрального искусства, по мнению Е. Резникова, также специфичны. В этом контексте он проводит глубокий и сравнительный анализ традиций церквей Запада и Востока. Древний текст, в котором рассматривается вопрос о возможном отношении к «невидимому» миру, очевидно, греческий, это платоновский «Тимей» – текст, по которому Резников читал курс на философском факультете Университета Западного Парижа с 1975 по 2008 годы.

В 1972 году Е. Резников начал работу по исследованию древних христианских песнопений. С 1974 года, под влиянием Иветт Гримо, он подошел к их изучению в соответствии с правильной интонацией древней (нетемперированной) ладальности и гаммы. С этой целью он изучал традиции церковного пения, сначала византийских и восточных церквей, а затем творчество представителей других духовных традиций, таких как Нагесвара Рао Мокапати, Дариуш Талаи, Kudsi Ergüner, организовывая с ними частные концерты духовной музыки (Пайсон, 2013: 220).

В ходе своих музыковедческих исследований Е. Резников выстроил плодотворное сотрудничество с французскими монастырями и аббатствами Сен-Пьер-де-Солем, Мон-Сен-Мишель, Тороне. Посещение служб в церквях и часовнях этих аббатств побудило Резникова к изучению церковного пения

дороманского и романского периода. Результатами исследовательской работы музыковеда стали выпущенные на пластинках и дисках альбомы с записями древних церковных песнопений X–XII веков:

1. Le Chant de Fontenay. Liturgie Fondamentale Et Grand Chant De Soliste Grégorien (1989).

2. Le Chant Du Thoronet - Splendeur Du Grégorien Pour Soliste Dans la Plus Belle Résonance Romane (1989).

3. Le Chant De Vezelay - Le Vase De Parfum (1992).

4. Le Chant De Vezelay - Marie-Madeleine Au Tombeau (1993).

5. Le Chant Du Mont Saint-Michel (2001).

6. Early Christian Chants = Varhaiskristillisiä Lauluja (2011) (Галлика: эл. библ.).

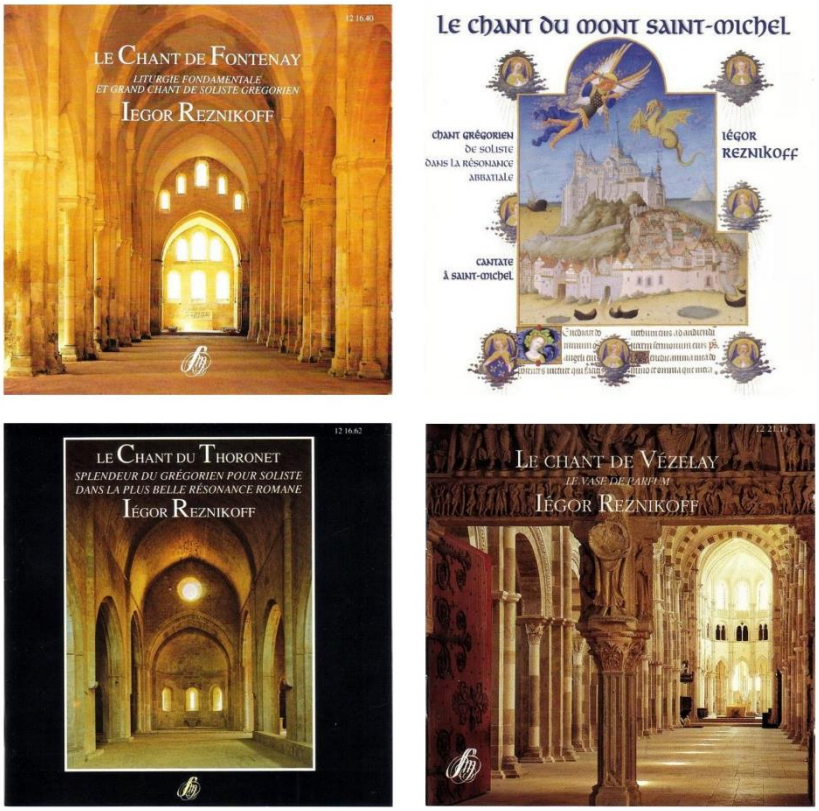


Рис. 6. Фото обложек альбомов Е.Д. Резникова
Fig. 6. Photo of I.D. Reznikoff's album covers

Под влиянием Мишеля Гюго Е.Д. Резников занялся вопросами происхождения и истории григорианского хорала. В 1977 году на семинаре французского теолога-кальвиниста Пьера Рише по поздней античности на историческом факультете Университета Западного Парижа он представил неопровержимые доказательства (Письмо V Папы Римского и Каролингские писания) того, что, хотя Григорий Великий сыграл важную роль в Сакраментарии, носящем его имя, это не имело ничего общего с песнопением, которое ученые конца XIX века называли «григорианским». По мнению Резникова, эта песня по музыкальному и мелодическому стилю происходит не из Римской Церкви, даже если она связана с ней, а по существу из традиции галлов-христиан, традиции, которая все еще была

традицией Каролингов. Работая над литургическими песнопениями в цистерцианском монастыре Рошфор в Бельгии, в «Сообществе Ковчега» Ланца-дель-Васто, он изучал древние литургические тексты на латыни и французском языке (Гордеева, 2016: 96).

Рис. 7. Фото Е.Д. Резникова во время службы в церкви Святого Георгия (о. Олерон) со съемок авторского документального кино «Голоса Олерона» (2022 г.)
Fig. 7. Photo of I.D. Reznikoff during the service in St George's Church (Oléron Island) from the filming of the author's documentary 'Voices of Oléron' (2022)

Специалист по античному искусству и музыке Е.Д. Резников дал свои первые концерты в области древнехристианского пения в 1975 году. В 2012-2013 гг. в Московской консерватории состоялись его мастер-классы, часть бесед и выступлений была записана и размещена с разрешения мастера в открытых источниках Интернет[1]. Его принципиально новая интерпретация, теоретические и исторические музыковедческие исследования оказали большое влияние на современное понимание и толкование древних церковных песнопений. Научный подход музыковеда Резникова основан прежде всего на воспроизведении древних рукописей и невменных нотаций, античных гамм в естественном резонансе архитектуры старых церквей, романском и готическом звучании (Reznikoff, Dauvois, 1988: 244). Органическая междисциплинарность, глубокое проникновение в сущность и смыслы сакрального звучания, богословие музыки и звуковая антропология Е.Д. Резникова открывают самые заманчивые

[1] Егор Резников: беседы, выступления, диски // Библиотека и фонотека Воздушного Замка [Электронный ресурс] URL: https://lib.rmvoz.ru/fonoteka/Reznikov

исследовательские и художественно-эстетические перспективы для талантливых музыковедов и исполнителей, а всем любителям и носителям русской культуры открывает еще одно имя беззаветного служителя истине, красоте и Богу.

Литература

Болгов, Н. Н. (2015), «Поздняя античность: новые методологические подходы к переходной исторической эпохе», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 1 (4), 17-19. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-17-19; EDN: VPUXJL

Галлика: Электронная библиотека [Электронный ресурс], URL: http://www.who.int/whr/2007/whr07_ru.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

Гордеева, Т. Ю. (2016), «Певческая культура григорианского хорала и проблем “Невыразимого”», *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства*, 2, 92-97. EDN: WIQQBV

Ефимова, Н. И. (2004), *Раннехристианское пение в Западной Европе VIII–X столетий: к проблеме эволюции модальной системы Средневековья*, Изд-во Моск. ун-та, Москва. ISBN: 5-211-06022-9; EDN: QXOSRV

Назаров, М. и Харламенко, Д. *Забытый подвиг советских военнопленных* [Электронный ресурс], URL: https://vk.com/@-215303636-zabytyi-podvig-sovetskih-voennoplennyh-i-russkih-emigrantov (дата обращения: 15.03.2025).

Пайсон, Н. К. (2013), «Конструктивные единицы в григорианском хорале (онтологический аспект)», *Мир науки, культуры, образования (МНКО)*, 1(38), 219-221. EDN: PXVBGD

Пекелис, Е. М. (2013), *К истории европейской музыкальной интонационности. Ч. 2. Грегорианский хорал*, Музыка, Москва.

Сараева, Л. П. (2016), «Феномен музыкального фольклора (философко-культурологические аспекты)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 2 (1), 83-86. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-83-86; EDN: VVHDIJ

Федотова, В. и Разломова, Ю. (2003), «О методах анализа средневекового хорала», *Sator tenet opera rotas : Юрий Николаевич Холопов и его науч. шк. : (К 70-летию со дня рождения): Сб. ст.*, ред.-сост. Ценова, В. С., Моск. гос. консерватория, Москва, 38-47.

Reznikoff I. & Dauvois M. (1988), «La dimension sonore des grottes ornées», *Bulletin de la Société préhistorique française*, 85 (8), 238-246.

References

Bolgov, N. N. (2015), “Late Antiquity: New Methodological Approaches to a Transitional Historical Era”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 1 (4), 17-19 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-17-19; EDN: VPUXJL

Gallika: Elektronnaya biblioteka [Gallica: Electronic library] [Online], available at: http://www.who.int/whr/2007/whr07_ru.pdf (Accessed 15 March 2025).

Gordeeva, T. Yu. (2016), “The Singing Culture of Gregorian Chant and the Problems of the ‘Ineffable’”, *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 2, 92-97 (in Russ.). EDN: WIQQBV

Efimova, N. I. (2004), *Rannekhristianskoye peniye v Zapadnoy Evrope VIII–X stoletiy: k probleme evolyutsii modalnoy sistemy Srednevekovya* [Early Christian singing in Western Europe in the 8th-10th centuries: towards the problem of the evolution of the modal system of the Middle Ages], Moscow University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.). ISBN: 5-211-06022-9; EDN: QXOSRV

Nazarov, M. and Kharlamenko, D. *Zabytyy podvig sovetskikh voyennoplennykh* [The forgotten feat of Soviet prisoners of war] [Online], available at: https://vk.com/@-215303636-zabytyi-podvig-sovetskih-voennoplennyh-i-russkih-emigrantov (Accessed 15 March 2025) (in Russ.).

Payson, N. K. (2013), “Constructive units in Gregorian chant (ontological aspect)”, *The world of science, culture and* education, 1(38), 219-221 (in Russ.). EDN: PXVBGD

Pekelis, E. M. (2013), *K istorii yevropeyskoy muzykalnoy intonatsionnosti. CH. 2. Gregorianskiy khoral* [On the history of European musical intonation. Part 2. Gregorian chant], Musyka, Moscow, Russia (in Russ.).

Reznikoff, I. and Dauvois, M. (1988), “The sound dimension of decorated caves”, *Bulletin de la Société préhistorique française* [Bulletin of the French Society for Prehistoric Research], 85 (8), 238-246 (in French).

Saraeva, L. P. (2016), “The phenomenon of musical folklore (philosophical and cultural

aspects)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2 (1), 83-86 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-83-86; EDN: VVHDIJ

Fedotova, V. and Razlomova, Yu. (2003), "On the methods of analysis of medieval chorale", *Sator tenet opera rotas: Yuriy Nikolayevich Kholopov i yego nauch. shk.: (K 70-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Sator tenet opera rotas: Yuri Nikolaevich Kholopov and his scientific school: (On the 70th anniversary of his birth): Collection of articles], in Tsenova, V. S. (ed.-comp.), Publishing House of Moscow State Conservatory, Moscow, 38-47 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Агафонов Илья Сергеевич, студент 1 курса магистратуры, кафедра библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*

Нагибина Надежда Павловна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *nadya12354@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Ilya S. Agafonov, 1st Year Master's Degree Student, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*

Nadezhda P. Nagibina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *nadya12354@yandex.ru*

УДК: 070 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-8**

Карпенко И. И.

Открытая журналистика: аудитория как субъект современной медиакоммуникации

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Российская Федерация; *KarpenkoIrina@bsuedu.ru*

Аннотация. Открытая журналистика − это разновидность журналистики, подразумевающей активную роль аудитории в создании и курировании новостей на интернет-платформах с открытым исходным кодом. Эта деятельность ориентирована на взаимодействие традиционных медиаорганизаций и независимых СМИ с социально активными гражданами и предполагает, что общественность может не только получать новости, но и участвовать в их производстве. В статье автор на базе теории демократического участия выделяет причины повышения интереса аудитории к открытой журналистике, рассматривает примеры реализации идей открытой журналистики в разных ракурсах: анонимные разоблачительные практики на ресурсе WikiLeaks, медиадеятельность «народных» авторов на ресурсе с открытым кодом Wikinews и открытая журналистика в партнерстве с профессиональной на ресурсе OhmyNews. Анализируются риски и перспективы развития относительно новой практики в контексте эволюции медиасистемы и ее теоретического осмысления.

Ключевые слова: открытая журналистика; аудитория как субъект; гражданская журналистика; медиа

Для цитирования: Карпенко, И. И. (2025), «Открытая журналистика: аудитория как субъект современной медиакоммуникации», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 86-93. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-8

I. I. Karpenko

Open journalism: audience as a subject of current media communication

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *KarpenkoIrina@bsuedu.ru*

Abstract. Open journalism is a type of journalism that involves an active role of the audience in creating and curating news on open-source Internet platforms. This activity is focused on the interaction of traditional media organizations and independent media with socially active citizens and assumes that the public can not only receive news, but also participate in its production. In the article, the author, based on the theory of democratic participation, highlights the reasons for the audience's increasing interest in open journalism, considers examples of the implementation of open journalism ideas from different angles: anonymous exposé practices on the WikiLeaks resource, media activities of "people's" authors on the open-source Wikinews resource, and open

journalism in partnership with professional journalism on the OhmyNews resource. The risks and prospects for the development of a relatively new practice are analyzed in the context of the evolution of the media system and its theoretical understanding.

Keywords: open journalism; audience as subject; citizen journalism; media

For citation: Karpenko, I. I. (2025), "Open journalism: audience as a subject of current media communication", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 86-93, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-8

Введение

По мере того как информация становится все более ценной, значимость журналистики как института, обеспечивающего доступ к информации и формирующего общественное мнение, также увеличивается. Это требует переосмысления традиционных представлений о ролях журналиста и читателя в создании информационного продукта. Современная медиасистема в этой ситуации вынуждена развиваться с учетом мнения своей аудитории, функционируя в границах концепции теории демократического участия как одной из актуальных теорий прессы (Siebert, Peterson, Schramm, 1956) и «служить участию и интерактивности» (МакКуэйл, 2013: 74).

Теория демократического участия предполагает активное вовлечение аудитории в процесс создания и распространения новостей. Это означает, что читатели и зрители не только потребляют информацию, но и участвуют в ее создании, обсуждении и интерпретации. Такой подход позволяет создать более разнообразный и многогранный информационный продукт, отражающий интересы и потребности различных групп общества, и не предполагает подчинение «централизованному политическому или бюрократическому влиянию» (Демина, 2011: 218).

В рамках теории демократического участия сегодня активно развивается *открытая журналистика* – разновидность журналистики, подразумевающей активную роль аудитории в создании и курировании новостей на интернет-платформах с открытым исходным кодом.

Появлению и развитию открытой журналистики поспособствовал целый ряд факторов:

– во-первых, *усиление гражданской активности*, которое обусловлено ростом гражданского самосознания и стремлением участвовать в решении социальных проблем;

– во-вторых, *развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)*, которое привело к появлению новых видов и разновидностей журналистики, а также форм участия аудитории в массмедийной коммуникации. Как отмечает Д.В. Платонова, ведя речь о разнообразии форм участия аудитории в производстве контента, «авторское участие – это наиболее массовый уровень взаимодействия аудитории и СМИ, требующий от потребителя специальных усилий и некоторой гражданской активности» (Платонова, 2011: 134-135);

– в-третьих, *изменение роли средств массовой информации* в современном обществе, выражающееся в утрате ими в условиях развития ИКТ монополии на получение и распространение информации;

– в-четвертых, *потребность аудитории в получении объективной и достоверной информации*, что стало актуальным в эпоху «постправды» (Якимов, 2020), когда фейковые дискурсивные практики становятся частью глобального медиаполя;

– в-пятых, *стремление аудитории к сопричастности дискурсу традиционных СМИ*. Медиапотребители все больше

осознают свою роль в формировании общественного мнения и желают участвовать в принятии социально значимых решений посредством выстраивания гражданского дискурса, параллельного общепринятому медийному.

Результатом распространения открытой журналистики становится смена социальных статусов профессиональных журналистов и аудитории. Основывавшаяся на принципе односторонней коммуникации традиционная журналистика предполагала роль журналиста как главного источника информации, а задача медиа состояла в том, чтобы «управлять сознанием и поведением людей» (Пустовалов и Березина, 2013: 40). Аудитория в этом контексте воспринималась как пассивный потребитель.

Сегодня, в условиях распространения практики открытой журналистики, роль аудитории видится «в непосредственном контроле над содержанием, участии в формировании медиаконтента через постановку проблем для освещения и обсуждения и даже авторстве» (Карпенко, 2009: 62).

А.П. Короченский определяет такую модель взаимоотношения аудитории и медиа как автономную креативную коммуникативную субъектность, которая проявляется в ситуациях, когда «народные авторы» «самостоятельно создают и автономно распространяют в массовых масштабах созданные ими медиатексты» (Короченский, 2015: 186). О важности такого журналистского сотворчества пишет и В.В. Тулупов: «Читатель (или аудитория) – это не просто “почитывающие люди”, а взаимодействующие с журналистикой и журналистами. Сотворчество журналистики и аудитории – важнейший фактор эффективности будущего издания» (Тулупов, 2005).

К сожалению, на сегодняшний день развитию концепции открытой журналистики в отечественном научном дискурсе не уделено должное внимание. Я.Н. Засурский впервые обратил внимание на открытую журналистику в 2013 г., в колонке редактора «Вестника Московского университета», сделав акцент на том, что контент открытой журналистики − это медиапродукты, которые «создаются за пределами привычных и традиционных практик <…>, содержание может быть произведено непрофессионалами, но без требований вознаграждения. Факторы мотивации включают связь со специалистами, обретение престижа, желание самовыразиться» (Засурский, 2013: 4). В основу публикации Я.Н. Засурского легли исследования западных коллег, посвященные развитию концепций открытой журналистики[1].

Современная практика открытой журналистики

Открытая журналистика обозначает новый подход к журналистике, который делает акцент на прозрачности и сотрудничестве. По своей сути открытая журналистика − это отход от традиционной модели производства новостей, в которой журналисты выступали в роли «привратников» информации. Напротив, открытая журналистика стремится разрушить эти барьеры и дать возможность людям стать активными участниками новостной экосистемы. Открытая журналистика также ценит участие общественности и признает, что граждане обладают ценными знаниями и опытом, которые могут обогатить новостную повестку дня СМИ. Приглашая общественность вносить свой вклад, комментировать и участвовать в подготовке новостей, современные медиа могут использовать огромное количество

[1] “Open Journalism” (2013), *IRIS plus*, 2, 39; *Freedom of Expression Online*, 2013.

точек зрения и мнений, которые в противном случае остались бы неуслышанными.

Кроме того, открытая журналистика использует технологии как инструмент обеспечения прозрачности, сотрудничества и участия. Благодаря цифровым инструментам и платформам отдельным журналистам и новостным организациям стало как никогда легко взаимодействовать со своей аудиторией в режиме реального времени. Например, социальные сети стали мощным инструментом для распространения новостей, сбора отзывов и стимулирования дискуссий.

Одной из важных вех в развитии открытой журналистики стало «появление сайта WikiLeaks. Все началось в 2006 г., когда несколько журналистов, математиков и технологов (в основном политические активисты) решили создать свободную организацию под названием WikiLeaks» (Бронников, 2012: 69). Эта онлайн-платформа позволила разоблачителям и анонимным авторам публиковать социально значимые документы, раскрывая правительственные секреты и корпоративные правонарушения. WikiLeaks высветила важные вопросы, связанные со свободой прессы, прозрачностью и ролью журналистики в демократическом обществе.

Проект WikiLeaks – медиаорганизация, которая «специализируется на анализе и публикации больших наборов данных, цензурированных или иным образом ограниченных официальных материалов, касающихся войны, шпионажа и коррупции. На данный момент опубликовано более 10 миллионов документов и связанных с ними анализов»[2]. В декабре 2010 года, после обнародования тысяч секретных документов Госдепартамента, ЦРУ, Пентагона и других американских ведомств, работу сайта пытались приостановить через блокировку DNS-серверов, но он продолжил свою работу вплоть до тюремного заключения его автора и владельца Джулиана Ассанжа, в котором он находился с апреля 2019 по июнь 2024 года.

Этот проект задумывался как некоммерческий и финансировался за счет симпатизирующих медиа читателей и организаций, а также за счет продажи контента для других медиа. Сегодня сайт выступает «больше интернет-энциклопедией по утекшей информации и сайтом для слива секретных документов. Тем не менее после громких разоблачений многие окрестили проект будущим журналистики, назвав его первым в мире СМИ без оценок»[3]. В разное время на страницы сайта попадали документы, связанные с Афганской и Иракской войнами, личные электронные переписки политических лидеров Сирии, Соединенных Штатов Америки, Франции и др., конфиденциальные отчеты ООН, документы, раскрывающие правила содержания заключенных в тюрьмах США и многие другие.

Открытая журналистика оказала глубокое влияние на традиционную индустрию новостей. Она бросила вызов монополии на распространение информации, на которую когда-то имели право только авторитетные медиаорганизации. С распространением гражданских авторов и ростом доступности пользовательского контента изменилась роль профессиональных журналистов. Теперь им приходится адаптироваться к меняющемуся ландшафту, принимая принципы открытости, сотрудничества и вовлечения аудитории.

Одним из самых известных в мире выступлений медиапрактиков, декларирующих принципы открытой

[2] “What is WikiLeaks”, *WikiLeaks* [Электронный ресурс], URL: https://wikileaks.org/What-is-WikiLeaks.html (дата обращения: 07.02.2025).

[3] “Анатомия WikiLeaks”, *Life*, [Электронный ресурс], URL: https://life.ru/p/916393 (дата обращения: 07.02.2025).

журналистики, являются тезисы главного редактора британской газеты The Guardian Алана Расбриджера. В историю журналистики они вошли как «10 принципов открытой журналистики от *The Guardian*». Расбриджер сделал акцент на ориентированности открытой журналистики

на обсуждение и отсутствие в ней инертности и коммуникационной вертикали;

на поощрение диалога между журналистами и гражданским обществом;

на формировании сообщества людей с общими интересами вокруг разнообразия тем, проблем или персон;

на интегрированность открытой журналистики посредством кроссмедийных интернет-практик в глобальный медиадискурс;

на принятие аудитории в качестве равноправного коммуникатора;

на понимание несовершенств открытой журналистики и готовность традиционных медиа работать с гражданским контентом для его исправления, пояснения или дополнения.

Само издание *The Guardian* культивирует практику открытой журналистики на своем сайте с 2012 г.: в рубрике *Open Journalism* «на портале максимизированы возможности участия в создании контента как для приглашенных авторов (комментаторов, экспертов, избранных читателей), так и для блоггеров редакции, а также возможности читательского комментирования. Объемы комментариев, собираемых ведущими публикациями, исчисляются в среднем сотнями, иногда − тысячами» (Бодрунова, 2013: 138).

К проектам, развивающимся в контексте парадигмы открытой журналистики, сегодня можно отнести также «Викиновости». Wikinews представляет собой информационный ресурс, являющийся одним из проектов фонда Wikimedia, известного благодаря своей флагманской платформе Wikipedia. Основной принцип работы Wikinews заключается в том, что любой пользователь может создавать и редактировать новостные статьи «таким же образом, как это принято на различных информационных вики-ресурсах («Википедия», «Викиликс», «Луркоморье» и пр.)» (Пустовалов и Березина, 2013: 48). Это позволяет ресурсу быстро адаптироваться к изменениям в информационной среде и предоставлять актуальные новости широкой аудитории.

Ресурс позиционирует себя так: «Все, что вы здесь читаете, написано добровольцами, такими же, как и вы сами. <…> Любой может внести свой вклад, и статьи пишутся совместно большой аудиторией. Мы прилагаем все усилия, чтобы соблюсти нейтральную точку зрения, обеспечиваем репортажи, как это возможно»[4].

В адрес Wikinews высказывается достаточно много критики и из-за неконкурентоспособности проекта на фоне крупных новостных медиа и агрегаторов, и из-за недостаточной оперативности в части верификации информации, так как коллектив редакции включает в себя несколько сотрудников, а также из-за определенного уклона в сенсационность и драматизацию большой части материалов[5]. Вместе с тем, статистика посещаемости ресурса растет год от года: 01.05.2023 – 12 906 267 хостов в месяц[6], 01.01.2024 – 15 202 153 хоста, 01.12.2024 – 20 415 259 хостов. Статистика по динамике размещения новостей тоже демонстрирует

[4] *Викиновости: Введение* [Электронный ресурс], URL: https://clck.ru/3GGL8A (дата обращения: 21.01.2025).

[5] См., к примеру: *Мед и деготь* [Электронный ресурс], URL: https://clck.ru/3GGL64 (дата обращения: 07.02.2025), или *Расширение ВП:НЕНОВОСТИ* [Электронный ресурс], URL: https://clck.ru/3GGL7M (дата обращения: 07.02.2025).

[6] Уникальные пользователи, определяются по IP-адресу.

рост внимания к проекту: 2005 – 96, 2006 – 463, 2007 – 204, 2008 – 264, 2009 – 264, 2010 – 554, 2011 – 1031, 2012 – 1229, 2013 – 1854, 2014 – 1873, 2015 – 976, 2016 – 1985, 2017 – 2216, 2018 – 2531, 2019 – 2388, 2020 – 13 362 новости[7]. На сегодняшний день в викиновостях 1 496 547 новостей.

В отличие от WikiLeaks у Wikinews в мире есть аналоги. Одним из них является открывшийся в 2000 г. южнокорейский сайт OhmyNews, в деятельности которого принимают участие порядка 500 тыс. независимых гражданских журналистов и блогеров со всего мира. Однако, в отличие от Wikinews, гражданские авторы получают за это вознаграждение. В штате редакции интернет-издания работают также и штатные корреспонденты, однако общее соотношение материалов профессиональных журналистов и текстов гражданских авторов составляет 20 % к 80 %. К.А. Карякина так характеризует потенциал этого ресурса: «Из “лекторов”, сообщающих имеющуюся у них информацию, журналисты превратились в “соавторов”, вступивших в активное взаимодействие со своими читателями. Блоггеры же в свою очередь явились одновременно потребителями информации и медиафанатами, с одной стороны, и компетентными создателями контента и гражданскими журналистами − с другой» (Карякина, 2010: 135).

Ресурс провозглашает собственные этические принципы, в числе которых: «Гражданин-репортер не распространяет ложных сведений. Он/она не пишет статей, основанных на беспочвенных предположениях или предсказаниях; не использует бранных, вульгарных или иных оскорбительных выражений, представляющих собой личные выпады; не наносит ущерба репутации других людей путем написания статей, посягающих на неприкосновенность частной жизни; использует законные методы сбора информации и четко извещает свои источники о намерении написать статью; не использует свое положение для нелегальной наживы и не стремится к иной личной выгоде; не преувеличивает и не искажает факты от своего имени или от имени организации, к которой он принадлежит»[8]. Важным является тот факт, что OhmyNews допускает опасность попадания на сайт фейковых или недостоверных материалов и, понимая ответственность, оговаривает эту проблему в этических принципах: «Гражданин-репортер в полном объеме и своевременно приносит извинения за неправильное или в иных отношениях неуместное освещение событий»[9]. А с целью сведения к минимуму количества недостоверных фактов на странице ресурса и южнокорейском сегменте интернета в целом, редакция ведет рубрику «Проверка фактов», где разоблачает новостные фейки.

Несмотря на многочисленные преимущества, открытая журналистика не лишена проблем. Рост дезинформации и фальшивых новостей стали насущной проблемой в цифровую эпоху. Низкий уровень или полное игнорирование редакционного контроля и проверки пользовательского контента представляет собой значительный риск для доверия к открытой журналистике. Поэтому обеспечение высочайших стандартов точности и подотчетности остается крайне важным вопросом.

Заключение

У открытой журналистики есть свои критики и свои проблемы. Скептики утверждают, что она может привести к дезинформации, поскольку любой может публиковать и распространять новости без надлежащей проверки (Кузнецова, 2024).

[7] *Викиновости: Статистика* [Электронный ресурс], URL: https://clck.ru/3GGLBq (дата обращения: 07.02.2025).

[8] “Каждый гражданин – репортер”, *International Information Programs* [Электронный ресурс], URL: https://web.archive.org/web/20081113004539/http://usinfo.state.gov/journals/itgic/1207/ijgr/reporter.htm (дата обращения: 07.02.2025).

[9] Там же.

Есть опасения, что это приведет к подрыву профессиональных журналистских стандартов и появлению необъективных материалов. Однако сторонники концепции утверждают, что открытая журналистика, если ее использовать ответственно и этично, может стать мощной силой позитивных перемен.

Намечая дальнейшие перспективы открытой журналистики, отметим, что эта разновидность медиапрактики подразумевает большую открытость социальных и политических институтов современного общества. Без расширения возможностей участия гражданского общества в части свободы СМИ дальнейшее развитие концепции открытой журналистики, к сожалению, не представится возможным.

Литература

Бодрунова, С. С. (2013), «Медиарынок Великобритании и газетный кризис: стратегии выживания газет в период дигитализации медиапроизводства», *Экономическое возрождение России*, 4(38), 129-142. EDN: RUBEAR

Демина, И. Н. (2011), «Теории печати и экономическая массовая коммуникация», *Известия Иркутской государственной экономической академии*, 4, 216-220. EDN: NXMVWD

Засурский, Я. Н. (2013), «Колонка редактора: Открытая журналистика», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6, 3-5. EDN: RUSACH

Карпенко, И. И. (2009), «Радиовещание в Интернете: теория, типология, специфика журналистской деятельности»: Дисс. … канд. филол. наук, Белгород. EDN: QEMHYL

Карякина, К. А. (2010), «Актуальные формы и типологические модели новых медиа», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 3, 128-137. EDN: MVPLUZ

Короченский, А. П. (2015), *Мировая журналистика: история, теория, практика: Сб. науч. и публицистич. работ*, ред.-сост. Торчинский, С. Г., ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород.

Кузнецова, Е. И. (2024), «Цифровизация мира: к проблеме новой субъектности медиапространства», *Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Москва, 05–06 февраля 2024 года*, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 17-19. EDN: HKLCDP

МакКуэйл, Д. (2013), *Журналистика и общество: Уч. пос. для студентов высших учебных заведений*, пер. с англ. Полевой, М. Ю., МедиаМир, Москва.

Платонова, Д. В. (2011), «Информационное участие и формы его реализации в СМИ», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 1, 131-141. EDN: NSZWXX

Пустовалов, А. В. и Березина, И. А. (2013), «Новые формы журналистики во взаимодействии с гражданским обществом», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 1, 40-51. EDN: PWIRRF

Пустовалов, А. В. и Березина, И. А. (2015), *От управления к соучастию: новые течения современной журналистики* [Электронный ресурс], URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/pustovalov/journalism_new_modes_2012-03-11.pdf (дата обращения 21.01.2025).

Тулупов, В. В. (2005), «Российская журналистика на фоне последствий системного кризиса», *Relga*, 1(103) [Электронный ресурс], URL: https://relga.ru/articles/313/?ysclid=m8mrdvjp4z725519626. EDN: WGUUTR

Якимов, А. Е. (2020), «Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия “постправда”», *Философия и культура*, 9, 1-8. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801; EDN: LCIEJB

Siebert, F., Peterson, T. and Schramm, W. (1956), *Four Theories of the Press: The Authoritarian, Libertarian, Social Responsibility, and Soviet Communist Concepts of What the Press Should Be and Do*, University of Illinois Press, Urbana and Chicago.

References

Bodrunova, S. S. (2013), “The UK Media Market and the Newspaper Crisis: Newspaper Survival Strategies in the Period of Digitalization of Media Production”, *The Economic Revival of Russia*, 4 (38), 129-142 (in Russ.). EDN: RUBEAR

Demina, I. N. (2011), "Theories of Printing and Economic Mass Communication", *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 4, 216-220 (in Russ.). EDN: NXMVWD

Karpenko, I. I. (2009), "Internet Broadcasting: Theory, Typology, and Specifics of Journalistic Activity", Ph.D. Thesis, Belgorod (in Russ.). EDN: QEMHYL

Karyakina, K. A. (2010), "Current forms and typological models of new media", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 3, 128-137 (in Russ.). EDN: MVPLUZ

Korochensky, A. P. (2015), *Mirovaya zhurnalistika: istoriya, teoriya, praktika: Sbornik nauch. i publitsistich. rabot* [World journalism: history, theory, practice: collection of scientific and journalistic works], in Torchinsky, S. G. (ed.-comp.), Publishing House "Belgorod" of National Research University "BelSU", Belgorod (in Russ.).

Kuznetsova, E. I. (2024), "Digitalization of the world: on the problem of new subjectivity of the media space", *Zhurnalistika v 2023 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Moskva, 05-06 fevralya 2024 goda* [Journalism in 2023: creativity, profession, industry: Proceedings of the international scientific and practical conference Moscow, February 5-6, 2024], Lomonosov Moscow State University, Moscow, 17-19 (in Russ.). EDN: HKLCDP

McQuail, D. (2013), *Zhurnalistika i obshchestvo: Uchebnoe posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Journalism and Society: A Textbook for Students of Higher Education Institutions], Transl. by Polevaya, M. Yu, MediaMir, Moscow (in Russ.).

Platonova, D. V. (2011), "Information participation and forms of its implementation in the media", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 1, 131-141 (in Russ.). EDN: NSZWXX

Pustovalov, A. V. and Berezina, I. A. (2013), "New forms of journalism in interaction with civil society", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 1, 40-51 (in Russ.). EDN: PWIRRF

Pustovalov, A. V. and Berezina, I. V. (2015), *Ot upravleniya k souchastiyu: novyye tendentsii sovremennoy zhurnalistiki* [From management to participation: new trends in modern journalism] [Online], available at: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/pustovalov/journalism_new_modes_2012-03-11.pdf (Accessed 21 January 2025) (in Russ.).

Siebert, F., Peterson, T. and Schramm, W. (1956), *Four Theories of the Press: The Authoritarian, Libertarian, Social Responsibility, and Soviet Communist Concepts of What the Press Should Be and Do*, University of Illinois Press, Urbana and Chicago.

Tulupov, V. V. (2005), "Russian journalism against the backdrop of the consequences of the systemic crisis", *Relga*, 1(103) [Online], available at: https://relga.ru/articles/313/?ysclid=m8mrdvjp4z725519626. EDN: WGUUTR

Yakimov, A. E. (2020), "Post-truth and everyday life. On the problem of defining the concept of 'post-truth'", *Philosophy and Culture*, 9, 1-8 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801; EDN: LCIEJB

Zasursky, Ya. N. (2013), "Editor's Column: Open Journalism", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 6, 3-5 (in Russ.). EDN: RUSACH

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Карпенко Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *KarpenkoIrina@bsu.edu.ru*

ORCID ID: 0000-0003-0964-6679.

ABOUT THE AUTHOR:

Irina I. Karpenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *KarpenkoIrina@bsu.edu.ru*

ORCID ID: 0000-0003-0964-6679.

УДК 32.019.52 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-9**

Казаков А. А.

Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния[1]

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Российская Федерация; *aldr.kazakov@gmail.com*

Аннотация. Несмотря на устойчивый интерес отечественных ученых к различным аспектам молодежного медиапотребления, в этой сфере до сих пор существуют вопросы, не получившие должного научного осмысления. Одним из таковых являются особенности развития молодежного медиапотребления. В статье представлены результаты исследования специфики и трансформации свойственных молодежи практик взаимодействия с медиасредой и анализ политических факторов, оказывающих влияние на данную сферу. В качестве эмпирической основы исследования взяты результаты четырех этапов онлайн-анкетирования молодых людей в возрасте 14-35 лет (в общей сложности выборка составила 4327 человек) и двенадцати фокус-групповых интервью (144 респондента). Анкетирование осуществлялось с 2021 по 2024 гг. Выявлены особенности медиапотребления молодежи, степень ее заинтересованности политикой и специфика самооценки уровня медийной грамотности. Зафиксирована тенденция к росту доверия представителей молодого поколения лояльным действующей российской власти медийным источникам информации о происходящем в стране и мире. Выделены факторы, влияющие на медиапрактики молодежи. Обозначены перспективы дальнейшего исследования данной проблематики.

Ключевые слова: медиапотребление; молодежь; медиапрактики; политика; массмедиа; медийная грамотность; доверие к медиа

Для цитирования: Казаков, А. А. (2025), «Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 94-108. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-9

[1] Статья подготовлена в рамках госзадания № 124011800068-5 по теме «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции».
The article was prepared within the framework of state assignment No. 124011800068-5 “The influence of media practices on the political consciousness of Russian youth: features, trends, possibilities for correction”.

A. A. Kazakov

Media consumption among young people: political context, trends and influencing factors*

Chernyshevsky Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation; *aldr.kazakov@gmail.com*

Abstract. Despite the sustained interest of Russian scholars in various aspects of youth media consumption, there are still issues in this that have not been properly researched. One of these is peculiarities of the development of youth media consumption. In this regard, the aim of the study, the results of which are presented in this article, was to analyze features and dynamics of the development of youth practices of interaction with the media environment, as well as to identify political factors influencing this. The empirical basis of the analysis is the results of four stages of online surveys of young people aged 14-35 (the sample included 4,327 people in total) and twelve focus group interviews (144 respondents) conducted from 2021 to 2024. Features of young people's media consumption, degree of their interest in politics and specifics of self-assessment of their own level of media literacy are revealed. A trend has been recorded towards increasing trust among representatives of the younger generation in media sources of information about what is happening in the country and abroad that are loyal to the current Russian government. Factors affecting youth media practices are identified. Prospects for further research into this issue are outlined.

Keywords: media consumption; youth; media practices; politics; mass media; media literacy; trust in media

For citation: Kazakov, A. A. (2025), "Media consumption among young people: political context, trends and influencing factors", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 94-108, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-9

Введение

На сегодняшний день медиа являются для человека главным источником информации о том, что происходит за пределами его личного восприятия. Именно из них мы узнаем о большей части того, что не можем наблюдать сами. При этом одной из сфер, где зависимость людей от институтов и механизмов массовой коммуникации особенно высока, считается политика: у рядовых граждан, как правило, нет возможности быть непосредственными свидетелями политических событий и процессов, самостоятельно разбираться в их сути и значении, поэтому им приходится полагаться на мнения, оценки и интерпретации тех, кто имеет в этом определенную компетентность. Однако очевидно, что далеко не всегда позиции трактующих политические вопросы медийных личностей и структур беспристрастны, а их суждения полностью соответствуют действительности. Иногда приходится сталкиваться со случаями непреднамеренного или целенаправленного искажения реальности. Но, если люди старшего и среднего возраста, как правило, обладают определенным жизненным опытом, который дает им возможность более уверенно ориентироваться в потоках окружающей их информации, у молодежи в силу объективных причин такого опыта чаще всего недостаточно, а значит, риски стать жертвой медийных манипуляций серьезно возрастают.

В этом плане анализ специфики молодежного медиапотребления

приобретает особую практическую значимость. Выявление его особенностей и факторов, влияющих на формирование привычных для данной социальной группы медиапрактик, способно помочь сформулировать конкретные рекомендации по повышению уровня медийной грамотности, гражданской и политической культуры молодых людей. Плюс ко всему, от того, чем интересуется, к чему привыкла и какие практики использует в своей повседневной жизни молодежь, во многом зависят основные характеристики и особенности будущего (Кульчицкая, Филаткина, 2021: 2). Именно поэтому интересующая нас проблематика обладает весьма весомым прогностическим потенциалом. Считаем важным уточнить, что в данном случае мы будем использовать трактовку медиапотребления, предложенную В.П. Коломийцем, определяющим его в качестве «социальной практики использования коммуникационных средств (медиа) для получения и освоения символического содержания и осуществления социальных связей и взаимодействий» (Коломиец, 2010: 61). В данном исследовании, однако, анализируются только так или иначе касающиеся социально-политической сферы области потребления информации.

Отметим также, что анализом политического контекста медиапотребления молодежи мы занимаемся на протяжении нескольких лет. В частности, онлайн-анкетирования молодых людей проводятся нами начиная с 2021 г. Анализ результатов проведенных ранее замеров содержится в ряде других публикаций (Казаков, Вилков, Шестов, 2022; Казаков, 2022). В данной же статье предпринимается попытка обобщения эмпирических данных, собранных за последние четыре года.

Анализ литературы

Российские ученые в целом весьма активно изучают различные грани молодежного медиапотребления. Если говорить о субъектной составляющей данного феномена, то здесь особенно часто в центре их внимания оказываются школьники (Аникина, 2017; Давлетшина, 2021; Образцова, 2014; Фролова, Образцова, 2017) и студенты (Вьюгина, 2018; Москаленко, 2024). Пользовательские предпочтения и медиаактивность представителей более старших возрастных когорт анализируются реже (Сумская, 2022; Щепилова, 2014).

Значительная доля работ посвящена анализу факторов, мотивирующих молодежь использовать различные форматы медиапотребления (Полуэхтова, 2018; Черевко, Дунас, Толоконникова, 2018). Среди прочего сравниваются разнообразные причины, побуждающие молодых людей прибегать к определенным медийным ресурсам (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017; Courdry, Hepp, 2016; Vartanova, 2019). В этом плане весьма интересна точка зрения, согласно которой в основе обращения молодых людей к медиа в первую очередь лежат потребности в самоактуализации и социализации (а, скажем, не в получении информации или развлечении, как считалось ранее) (Дунас, 2021).

Периодически анализируются сугубо теоретические аспекты используемых представителями молодого поколения медиапрактик (Комарова, 2018; Теоретические аспекты изучения…, 2019). Однако, в целом, теоретико-методологическое осмысление молодежного медиапотребления, равно как и вопросы обусловленности взаимодействия аудитории со СМИ политическими, экономическими, социально-культурными и технологическими изменениями, сложно назвать приоритетным направлением российских медиаисследований.

Несколько странно, что, несмотря на повышенную злободневность данной проблематики, до сих пор не так много попыток сформулировать эффективные способы противостояния молодежи фейковой информации (Казаков, 2018;

Fedorov, Levitskaya, 2021) и обосновать роль медиаграмотности в повышении качества политической коммуникации в нашей стране (Bykov, Medvedeva, 2022). Тем более что средний уровень медиакомпетентности молодых людей на практике оказывается довольно низким (Djumanova, 2022), и, плюс ко всему, они нередко склонны переоценивать свои навыки в этой сфере (Frolova, Rogach, Tyurikov, 2022).

Весьма важным нам представляется стремление отечественных ученых исследовать форматы участия молодых россиян в политических событиях и процессах, особенно с учетом тех возможностей, которые появляются в результате беспрецедентного проникновения интернета в их жизнь. Предпринимаются попытки артикулировать типовые характеристики вовлечения молодежи в политику в онлайн-формате (Негров, 2021; Ананченко, Никулин, Хардикова, 2022; Пырма, 2019; Дринова, Морозов, Панкратов, 2021; Титов, 2020; Шентякова, Гришин, 2021), выявить потенциал социальных медиа как ресурса онлайн-коммуникаций (Игнатовский, 2021), а также обнаружить специфичные черты представителей «цифрового поколения» (Бродовская, Хуанг, 2019).

Резюмируя, можно сказать, что проблематика молодежного медиапотребления по-прежнему требует к себе повышенного внимания. Российские ученые разрабатывают самые различные связанные с этим сюжеты, однако, несмотря на это, еще остаются лакуны, в первую очередь связанные с анализом политического измерения используемых молодыми людьми медиапрактик. В этой связи *целью* проведенного нами исследования был анализ особенностей и динамики развития присущих молодежи практик взаимодействия с медиасредой, а также выявление влияющих на это политических факторов.

Эмпирическая база

Для достижения поставленной цели ежегодно в ноябре, начиная с 2021 г., нами проводились онлайн-опросы молодежи в возрасте 14-35 лет. Выборочные совокупности составляли 530 (в 2021 г.), 2021 (в 2022 г.), 852 (в 2023 г.) и 924 (в 2024 г.) респондента. При формировании выборок использовались квоты по полу, возрасту и месту проживания (сельская местность, районный центр или столица субъекта Федерации) респондентов. В среднем по всем проведенным с 2021 г. опросам статистическая погрешность при наших выборках (с доверительным интервалом 0,95) не превышала 2,4 %.

В онлайн-опросе приняли участие представители 65 субъектов Российской Федерации. В анкетах содержалось 27–35 вопросов, при этом два из них предлагали оценить по шестибалльной шкале: во-первых, уровень доверия различным каналам информации, а во-вторых, правильность вектора развития некоторых направлений государственной и общественной жизни России в настоящее время.

Итоги опроса были обработаны с помощью программы SPSS, далее в декабре осуществлялись серии из трех фокус-групповых интервью (два – в очном формате, один – в онлайн-режиме); ежегодно было интервьюировано по 36 респондентов. Вопросы касались в том числе мотивов и причин использования тех или иных информационных каналов. При формировании состава участников таких интервью учитывались особенности половозрастной структуры российской молодежи.

Проведенные подобным образом замеры позволили уточнить результаты федеральных опросов, время от времени проводимых по данной тематике ВЦИОМ и фондом «Общественное мнение» (с течением времени формулировки задаваемых в них вопросов могут меняться, что затрудняет возможность сопоставления данных за несколько лет; к тому же, не всегда есть возможность получить доступ к результатам ответов именно респондентов 14–35 лет).

Результаты

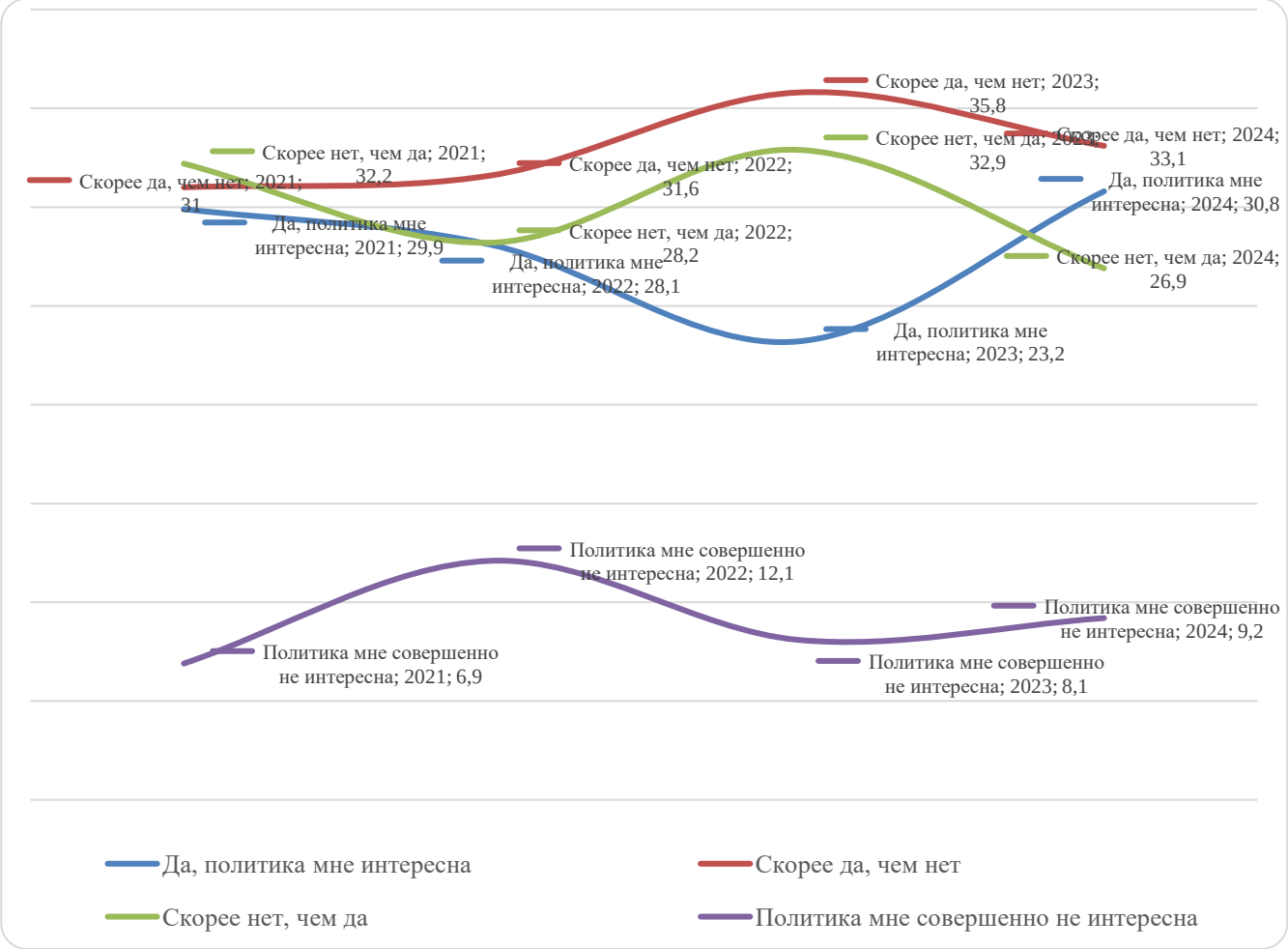
Первый вопрос всех четырех этапов онлайн-анкетирования был нацелен на выявление уровня интереса молодых людей к политике (график 1).

График 1

Уровень интереса молодежи к политике
(%, ответы на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?»)

Graph 1

Level of youth interest in politics
(%, answers to the question “Are you interested in politics?”)



Вопреки расхожему мнению об аполитичности большей части молодежи, результаты наших замеров свидетельствуют, скорее, об обратном: доля респондентов, в той или иной степени интересующихся политикой, на самом деле совсем немного не дотягивает до двух третей. В целом же, если оценивать динамику этого показателя за последние четыре года, то изменения здесь минимальны. По большому счету, за рамки статистической погрешности существенно выходят лишь пятипроцентный рост числа совершенно не интересующихся политикой в 2022-м году и примерно такое же снижение количества интересующихся ею в 2023-м.

Рискнем предположить, что эти изменения стали результатом влияния на молодежь специальной военной операции России на Украине (далее – СВО). По крайней мере, когда мы обсуждали эти моменты в ходе фокус-групповых интервью, сразу несколько их участников

подтвердили нашу гипотезу. В декабре 2022 г. молодые люди, скептически воспринявшие СВО, сказали о том, что после ее начала настолько разочаровались в происходящем, что предпочли «уйти в себя» и вообще не обращать внимания на события в стране и мире. Соответственно, в конце 2023 г. уже те, кто прежде были сторонниками действий российской власти в этом вопросе, постепенно начали разочаровываться темпами достижения заявленных целей, что также повлияло и на степень их интереса к политике в целом.

Динамика интереса молодых людей к политике косвенно связана с тем, откуда они предпочитают получать информацию о происходящем.

Таблица 1

Источники информации о происходящих в стране событиях

(%, ответы на вопрос «Откуда Вы чаще всего узнаете о происходящих в стране событиях?»; можно было отметить не более трех вариантов ответа)

Table 1

Sources of information about events happening in the country

(%, answers to the question “Where do you most often learn about events happening in the country?”; no more than three answer options could be selected)

Источники информации / Sources of information	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Интернет (сайты, блоги, соцсети, мессенджеры) / Internet	93,1	93	90,7	93,3
Телевизионные передачи (новости, ток-шоу, аналитические передачи) / TV	35,1	31,9	38,3	35
Печатная пресса / Printing press	5,2	4,8	2,7	4
Радио / Radio	6,9	4,6	3,4	4
Ближайшее окружение (родные, друзья, знакомые) / Close circle (family, friends)	50,1	52,8	49,5	54,1
Учителя, преподаватели, начальство / Teachers, professors, authorities /	19,7	12,2	22,1	24,1
Другое / Other	0,1	0,1	0,1	0,2

Представленные в таблице (табл. 1) данные в целом четко коррелируют с результатами общефедеральных замеров, осуществляемых ведущими социологическими структурами страны[1]. Более показательными для нас в данном случае являются отдельные флуктуации применительно к конкретным источникам. Так, например, обращает на себя внимание относительно резкий рост числа телезрителей в 2023-м году (на 6,2% по сравнению с 2022-м) и весьма заметное увеличение доли тех, кто узнает о происходящем от учителей, преподавателей и начальства (+ 4,4 % и + 11,9 % в 2024-м по сравнению с 2021-м и 2022-м годами соответственно).

Проведение после массовых опросов фокус-групповых интервью снова позволило подтвердить наши предположения о возможных причинах таких изменений. В случае с ростом

[1] См., напр.: *Телевидение в цифровую эпоху* [Электронный ресурс], URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-v-cifrovuju-ehpokhu (дата обращения: 28.01.2025); *Новостная информация и телевидение* [Электронный ресурс], URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/15104 (дата обращения: 11.03.2025).

телеаудитории это опять было связано с СВО: на сей раз молодые люди стали чуть чаще смотреть новости по телевизору в связи с тем, что на фронте тогда происходило отражение контрнаступления ВСУ – требовался дополнительный (для молодежи телевидение воспринимается именно так) источник информации о текущей ситуации. Что же касается увеличения востребованности мнения старших, то оно было вызвано введением в вузах в качестве общеобязательного курса «Основ российской государственности»: как говорили нам участники фокус-групп, преподаватели данной дисциплины регулярно рассказывали студентам о том, что происходит в стране и в мире в настоящий момент.

Очень показательными мы считаем также ответы респондентов на вопрос о доверии конкретным видам источников информации. Формулировки этого вопроса и вариантов ответа на него (как, впрочем, и всех других, рассматриваемых в настоящей статье) были одинаковыми на протяжении четырех лет, когда мы проводили исследование. Для удобства восприятия в *Таблице 2* приведены результаты, полученные в 2021-м (первая строка) и 2024-м (вторая строка) годах.

Таблица 2

Уровень доверия к источникам информации

(%, ответы на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к следующим источникам информации?», где 0 – не использую этот источник, 1 – абсолютно не доверяю, а 5 – полностью доверяю)

Table 2

Level of trust in information sources

(%, answers to the question “What is your level of trust in the following information sources?”, where 0 means I don’t use this source, 1 means I don’t trust it at all, and 5 means I trust it completely)

Источник информации / Source of information	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**
Федеральные телеканалы (Первый, Россия, Россия 24, НТВ и др.) / Federal TV channels	32 21,2	20,6 14,1	12,7 10,9	14,5 18,6	12,1 15,1	8,1 20,1
Оппозиционные телеканалы («Дождь» и др., в т. ч. зарубежные) / Opposition TV channels	38,7 43,7	14,4 17,8	14,2 14,3	16,7 14,8	10,9 6,3	5,1 3,1
Блоги, аккаунты в социальных сетях, телеграм-, ютуб-, рутуб-каналы, подкасты лояльно настроенных к власти авторов / Blogs, accounts on social networks, channels, podcasts of authors loyal to the authorities	35,8 15,5	20 15,9	15 15,9	18,9 25,3	6,4 18	3,9 9,4
Блоги, аккаунты в социальных сетях, телеграм-, ютуб-, рутуб-каналы, подкасты оппозиционеров / Blogs, social media accounts, channels, podcasts of oppositionists	34,9 28,2	17 17,2	16,4 17,1	17,4 20,3	10 10,6	4,3 6,6
Провластные сайты / Pro-regime websites	45,2 30,9	19,7 19,4	14 14,1	12,9 18,2	5,3 10,1	2,9 7,3
Оппозиционные сайты / Opposition sites	40 43,6	19 18,9	14,6 15,5	15,1 14	8,4 5,8	2,9 2,2
Лояльная власти пресса / The press loyal to the authorities	41,7 29,9	23,7 18,2	14,6 18,3	12,4 17,6	4,9 10,1	2,7 5,9
Оппозиционно настроенная пресса (в т. ч. зарубежная) / Opposition-minded press (including foreign)	41,9 45	17,7 20,8	16,8 14,1	14,6 12,8	8,5 4,7	4,3 2,6
Прогосударственные радиостанции / Pro-government radio stations	55 37,9	16,9 17,1	11,8 15,2	10,5 15,3	3,1 8,7	2,7 5,8

Оппозиционные радиостанции (в т. ч. зарубежные) / Opposition radio stations (including foreign ones)	49,6 51,1	16,4 18,8	12,9 13,2	13,2 10,9	5 3,9	2,9 2,1
Мнение окружающих меня людей / Opinion of people from personal circle	22,1 19,4	24 18,5	16,9 20,2	21 23,1	11,2 13,1	4,8 5,7

Явно прослеживается тенденция увеличения доверия молодежи к лояльным власти источникам информации и снижения – к оппозиционным. Причем проявляется она применительно ко всем видам медиа – телевидению, интернету, радио и печатной прессе.

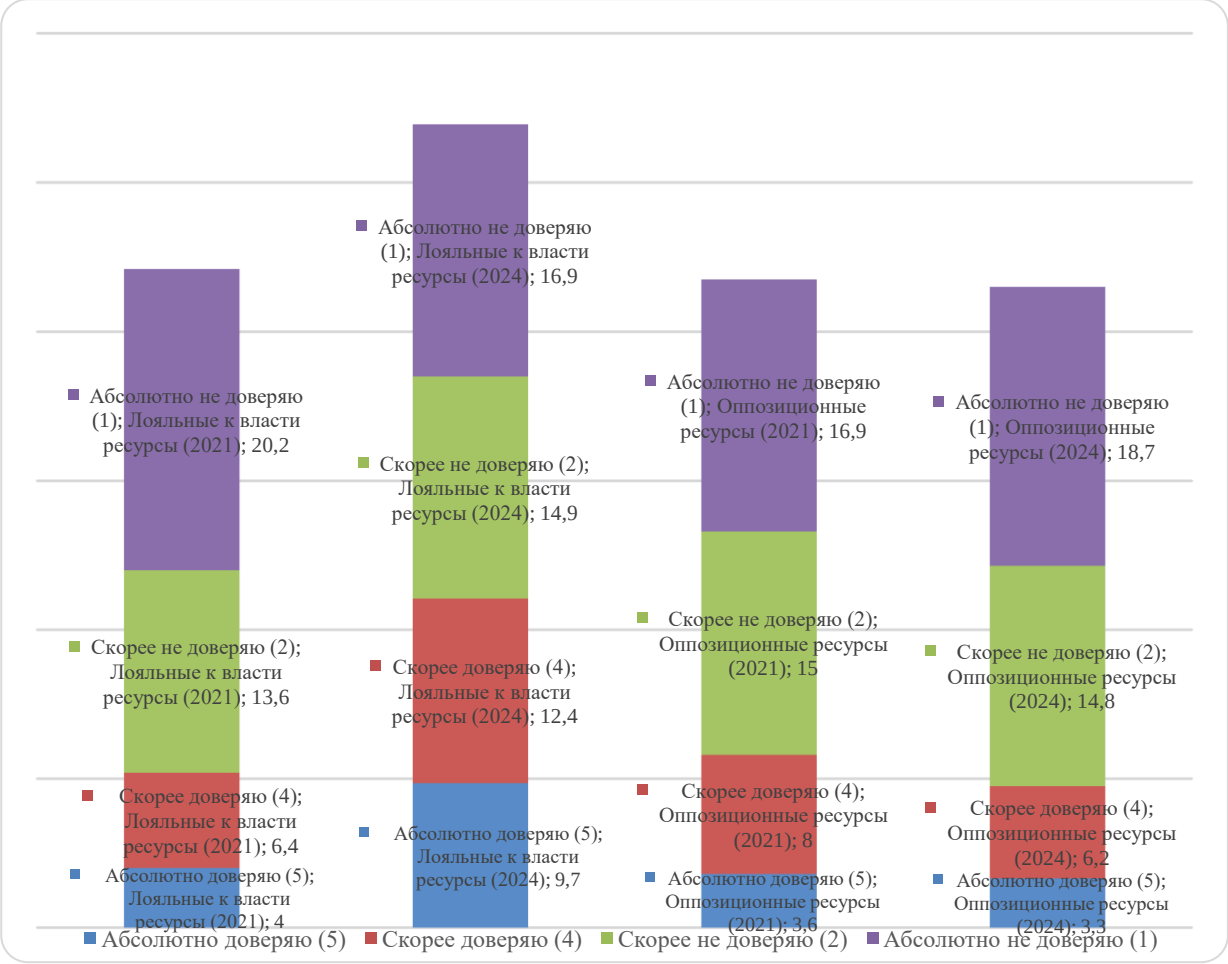
На *Гистограмме 1* эти данные приведены в обобщенном виде, при этом во внимание приняты доли лишь тех, кто, во-первых, использует указанные источники и, во-вторых, имеет более или менее определенное к ним отношение.

Гистограмма 1

Совокупные уровни доверия оппозиционным и лояльным к власти источникам информации (%)

Histogram 1

Aggregate levels of trust in opposition and pro-government sources of information (%)



Как видим, число доверяющих лояльным власти медийным ресурсам за три года выросло практически вдвое. При этом отношение к оппозиционным медиа серьезных изменений в целом не претерпело. Изначально мы предположили,

что подобная положительная динамика отношения молодежи к лояльным СМИ была вызвана ростом консолидации общества на фоне проведения СВО и осуществления санкционного давления на Россию. Проведенные в декабре 2023 и 2024 гг. фокус-групповые интервью, с одной стороны, подтвердили это предположение (сразу несколько их участников заявили о том, что в сложные для страны времена стали больше доверять провластным медиа), а с другой, обратили наше внимание на еще одну причину – ограничение возможностей доступа к оппозиционным ресурсам (для нас оказалось во многом неожиданным, что для части молодых людей это стало фактором переориентации на альтернативные запрещенным – лояльные власти источники).

В этой связи осенью 2024 г. (когда тенденция роста доверия к провластным СМИ стала очевидной) мы посчитали целесообразным включить в анкету вопрос о том, как респонденты сами оценивают свою медиаграмотность. Для уверенности в том, что все понимают ее примерно одинаково, в скобках было приведено наиболее общее определение данной категории.

Гистограмма 2

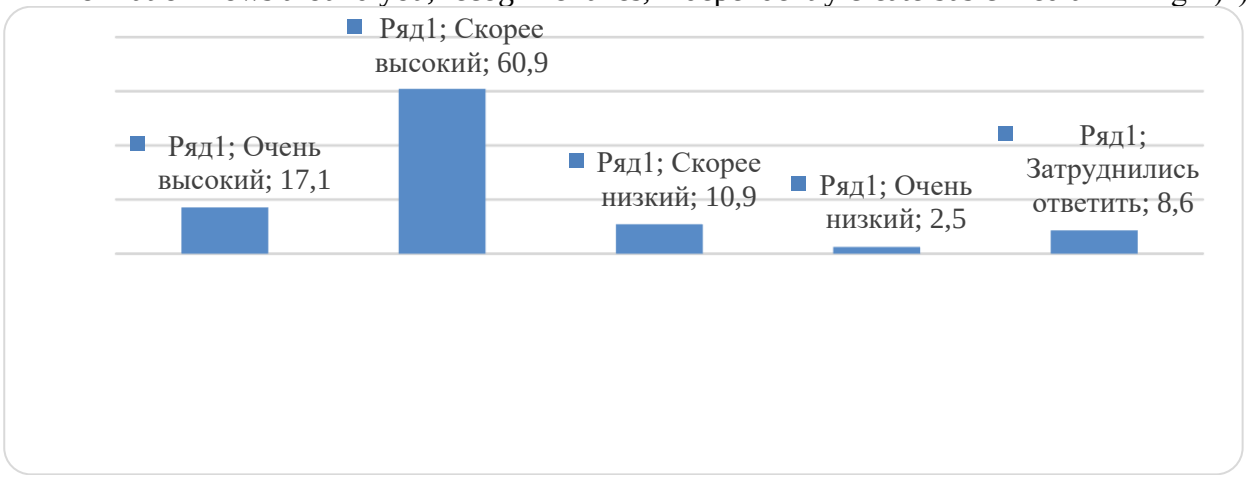
Самооценка уровня медийной грамотности

(%, ответы на вопрос «Оцените уровень собственной медийной грамотности (умение ориентироваться в окружающих Вас потоках информации, распознавать фейки, самостоятельно создавать элементарные медийные сообщения)»)

Histogram 2

Self-assessment of the level of media literacy

(%, answers to the question “Assess the level of your own media literacy (ability to navigate the information flows around you, recognize fakes, independently create basic media messages)”)



Выяснилось, что абсолютное большинство – 78 % опрошенных – считают себя достаточно или очень медийно грамотными людьми… На наш взгляд, можно выделить две основные причины такой довольно смелой самооценки. Первая – это проявление выявленного В. Дэвисоном еще в начале 1980-х гг. «эффекта третьего лица», при котором индивид считает, что массмедиа (в т. ч. реклама и другие методы убеждения) может влиять на большинство, но при этом сам он в меньшей степени подвержен такому влиянию (Davison, 1983). Вторая причина связана с возрастными особенностями респондентов – присущими многим молодым людям уверенностью в себе (иногда граничащей с самоуверенностью) и собственных возможностях, максимализмом и амбициозностью.

Весьма интересные результаты были получены после сопряжения двух показателей – интереса к политике и самооценки уровня медийной грамотности.

Таблица 3

Самооценка медийной грамотности в контексте уровня интереса респондентов к политике (%)

Table 3

Self-assessment of media literacy in the context of respondents' level of interest in politics (%)

Уровень медиа-грамотности / Grade Интерес к политике / Interest in politics	Очень высокий / Very tall	Скорее высокий / Rather tall	Скорее низкий / Rather low	Очень низкий / Very low	Затруднились ответить / Found it difficult to answer
Да, политика мне интересна / Yes, I am interested in politics.	28,4	62,1	4,2	1,1	4,2
Скорее да, чем нет / Rather yes than no	14	70,3	6,9	1	7,8
Скорее нет, чем да / Rather no than yes	8,9	55,6	21	3,2	11,3
Политика мне совершенно не интересна / Politics doesn't interest me at all	14,1	38,8	18,8	10,6	17,7

Очевидно, что интересующиеся политикой представители молодого поколения оценивают уровень собственной медиаграмотности ощутимо выше, чем те, кого она особенно не привлекает. О чем это может говорить? Во-первых, о том, что в представлениях молодых людей медийная грамотность зачастую ассоциируется с политической сферой: чем больше они политикой интересуются и лучше в ней разбираются, тем более медийно грамотными могут себя считать. Во-вторых, не исключаем и то, что увлеченные политикой граждане считают связанные с медийной грамотностью навыки и умения более важными для себя: они, как правило, лучше осведомлены об опасности медийных манипуляций и потому понимают важность культивирования в себе контрманипулятивных способностей.

Заключение

Таковы основные результаты проводившихся нами на протяжении четырех лет замеров. Точнее, той их части, которая непосредственно касалась молодежного медиапотребления. Полагаем, что политический контекст в данном случае очень существенный и связь с политикой носит здесь двусторонний характер. С одной стороны, особенности медиапотребления в молодежной среде в определенном смысле являются производными от того, что происходит в стране и мире. С другой стороны, иногда сами распространенные в обществе медиапрактики могут оказывать влияние на ход политических событий и процессов (нашей страны это касается в меньшей степени, однако опыт других государств – в том числе на постсоветском пространстве – дает тому массу примеров).

Одной из основных выявленных тенденций можно считать рост доверия молодых людей к лояльным власти источникам информации. Проведенное исследование дает нам основание утверждать, что вероятной причиной этого стала консолидация российского общества в целом и молодежного его сегмента в частности на фоне СВО.

Среди прочих факторов, оказывающих влияние на характер

молодежного медиапотребления, можно отметить ограничение доступа жителей страны к зарубежным и оппозиционным информационным ресурсам и специфику самовосприятия молодых людей (в том числе то, каким образом они сами оценивают уровень собственной медийной грамотности).

Перспективы дальнейшего анализа данной проблематики видятся нам в расширении территориальной выборки респондентов (интересно было бы сравнить медиапрактики молодежи, проживающей в столичных городах и в провинции) и спектра используемых научных методов (в этом плане весьма эффективным могло бы быть проведение экспертных интервью), а также в более глубоком исследовании набирающего все большую популярность телеграм-сегмента новостного потребления современной молодежи.

Литература

Ананченко, А. Б., Никулин, Е. Р. и Хардикова, А. С. (2022), «Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8 (1), 55-70. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5

Аникина, М. Е. (2017), «Медиапотребление российских школьников: центр и регионы», *Медиа@льманах*, 4, 50-62.

Бродовская, Е. В. и Хуанг, Т. (2019), «Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи», *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 3-18.

Вьюгина, Д. М. (2018), «Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России», *Медиаскоп*, 3 [Электронный ресурс], URL: http://www.mediascope.ru/2475 (дата обращения: 17.01.2025). DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.11

Давлетшина, М. И. (2021), «Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 5, 3-26. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.326

Дринова, Е. М., Морозов, С. И. и Панкратов, С. А. (2021), «Постинформационная эпоха: молодежные протесты в контексте глобальной цифровой культуры», *Общество: политика, экономика, право*, 9, 13-17. DOI: 10.24158/pep.2021.9.1

Дунас, Д. В., Вартанов, С. А., Кульчицкая, Д. Ю., Салихова, Е. А. и Толоконникова, А. В. (2019), «Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 2, 3-28. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2019.328

Игнатовский, Я. Р. (2021), «Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста», *Власть*, 29 (1), 84-89. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7917

Казаков, А. А. (2018), «Манипулятивный потенциал поляризованного политического медиатекста: вариант измерения», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6, 75-93.

Казаков, А. А., Вилков, А. А. и Шестов, Н. И. (2022), «Потребление социально-политической информации молодежью Саратовской области как фактор формирования политических установок и предпочтений», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 3, 3-34. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2022.334

Казаков, А. А. (2022), «Ценность справедливости в представлениях современной молодежи», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 22 (1), 114-120. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120

Коломиец, В. П. (2010), «Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе», *Социологические исследования*, 1, 58-65.

Комарова, А. А. (2018), «Основные тенденции медиапотребления в России в условиях динамически меняющиеся реальности», *Вестник университета*, 5, 162-166. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-5-162-166

Кульчицкая, Д. Ю. и Филаткина, Г. С. (2021), «Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской “цифровой

молодежи”», *Медиаскоп*, 1 [Электронный ресурс], URL: http://www.mediascope.ru/2680 (дата обращения: 17.01.2025). DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.2

Медиапотребление «цифровой молодежи» в России (2021), под ред. Дунаса, Д. В., Фак-т журн. МГУ, Москва.

Москаленко, Н. М. (2024), «Медиапотребление студентов Донбасса: ресурсы, форматы, оценки», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 49 (5), 79-99. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.7999

Негров, Е. О. (2021), «Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23 (1), 18-30. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Образцова, А. Ю. (2014), «Особенности медиапотребления детей школьного возраста (на примере г. Углич)», *Медиаскоп*, 4 [Электронный ресурс], URL: http://www.mediascope.ru/1648 (дата обращения: 17.01.2025).

Полуэхтова, И. А. (2018), «Динамика мотивационной структуры телепотребления россиян», *Медиаскоп*, 4 [Электронный ресурс], URL: http://www.mediascope.ru/2508 (дата обращения: 17.01.2025). DOI: 10.30547/mediascope.4.2018.8

Пырма, Р. В. (2019), «Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети», *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 9 (6), 100-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110

Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. и Нестик, Т. А. (2017), *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*, Смысл, Москва.

Сумская, А. С. (2022), «Пользовательская активность российского медиапоколения “цифрового пограничья”», *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 28 (3), 35-44. DOI: 10.15826/izv1.2022.28.3.043

Титов, В. В. (2020), «Стратегии социального протеста молодежи в рунете: сравнительный анализ поколений y и z», *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 139-158. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674

Фролова, Т. И. и Образцова, А. Ю. (2017), «Медиаграмотность школьников в оценке учителей и родителей: результаты исследования», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 4, 58-77.

Черевко, Т. С., Дунас, Д. В. и Толоконникова, А. В. (2018), «Новости в условиях интернетизации: анализ новостного потребления студентов», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 1, 3-25. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2018.325

Шентякова, А. В. и Гришин, Н. В. (2021), «Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования», *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3 (2), 88-109. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.155

Щепилова, Г. Г. (2014), «Потребность аудитории в интернете и традиционных СМИ», *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 5, 46-54.

Bykov, I. and Medvedeva, M. (2022), “Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia: A Case of Student Community”, *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 18(1), 24-35. DOI: 10.13187/me.2022.1.24

Couldry, N. and Hepp, A. (2016), *The Mediated Construction of Reality*, Polity, Cambridge.

Davison, W. (1983), “The third-person effect in communication”, *Public Opinion Quarterly*, 47, 1-15.

Djumanova, S. (2022), “Media Consumption and Media Literacy Level of Uzbek Youth”, *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 18 (2), 157-168. DOI: 10.13187/me.2022.2.157

Fedorov, A. and Levitskaya, A. (2021), “Media Education Model Aimed at Effi cient Development of Audience’s Skills to Reasonably Confront the False (or Partially False) Information, Contained in Anti-Russian Ukrainian Internet Communication Resources”, *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 17 (4), 612-622. DOI: 10.13187/me.2021.4.612

Frolova, E., Rogach, O. and Tyurikov, A. (2022), “Student’s Media Competence: New Opportunities to Counteract Information Manipulations in Network Interactions”, *Media*

Education (Mediaobrazovanie), 18 (3), 380-389. DOI: 10.13187/me.2022.3.380

Vartanova, E. (2019), "Russian media: a call for theorising the economic change", *Russian Journal of Communication*, 11, 22-36. DOI: 10.1080/19409419.2019.1572531

References

Ananchenko, A. B., Nikulin, E. R. and Hardikova, A. S. (2022), "Specifics of digital activity and acceptable scenarios of political behavior of Russian youth: value-ideological orientations and geographical differentiation", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 55-70 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5

Anikina, M. E. (2017), "Media consumption of Russian schoolchildren: center and regions", *Media@lmanah Journal*, 4, 50-62 (in Russ.).

Brodovskaya, E. V. and Huang, T. (2019), "Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 3-18 (in Russ.).

Bykov, I. and Medvedeva, M. (2022), "Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia: A Case of Student Community", *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 18 (1), 24-35. DOI: 10.13187/me.2022.1.24

Cherevko, T. S., Dunas, D. V. and Tolokonnikova, A. V. (2018), "News in the context of internetization: analysis of students' news consumption", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 1, 3-25 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2018.325

Couldry, N. and Hepp, A. (2016), *The Mediated Construction of Reality*, Polity, Cambridge.

Davison, W. (1983), "The third-person effect in communication", *Public Opinion Quarterly*, 47, 1-15.

Davletshina, M. I. (2021), "Media practices of modern children of primary school age", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 5, 3-26 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.326

Dyumanova, S. (2022), "Media Consumption and Media Literacy Level of Uzbek Youth", *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 18 (2), 157-168. DOI: 10.13187/me.2022.2.157

Drinova, E. M., Morozov, S. I. and Pankratov, S. A. (2021), "Post-information era: youth protests in the context of global digital culture", *Society: Politics, Economics, Law*, 9, 13-17 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2021.9.1

Dunas, D. V., Vartanov, S. A., Kulchitskaya, D. Yu., Salikhova, E. A. and Tolokonnikova, A. V. (2019), "Theoretical aspects of studying media consumption of Russian youth: towards a revision of the theory of uses and gratifications", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 2, 3-28 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2019.328

Fedorov, A. and Levitskaya, A. (2021), "Media Education Model Aimed at Efficient Development of Audience's Skills to Reasonably Confront the False (or Partially False) Information, Contained in Anti-Russian Ukrainian Internet Communication Resources", *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 17 (4), 612-622. DOI: 10.13187/me.2021.4.612

Frolova, E., Rogach, O. and Tyurikov, A. (2022), "Student's Media Competence: New Opportunities to Counteract Information Manipulations in Network Interactions", *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 18 (3), 380-389. DOI: 10.13187/me.2022.3.380

Frolova, T. I. and Obraztsova, A. Yu. (2017), "Media Literacy of Schoolchildren as Assessed by Teachers and Parents: Research Results", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 4, 58-77 (in Russ.).

Ignatovskiy, Ya. R. (2021), "The Role of Digitalization in the Transformation of Russian Political Protest", *Vlast'* [Power], 29 (1), 84-89 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7917

Kazakov, A. A. (2018), "The Manipulative Potential of a Polarized Political Media Text: A Measurement Option", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 6, 75-93 (in Russ.).

Kazakov, A. A., Vilkov, A. A., Shestov, N. I. (2022), "Socio-Political Segment of Media Consumption of Modern Youth Living in the Saratov Region as a Factor in The Formation of Political Attitudes and Preferences", *Vestnik*

Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 3, 3-34 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2022.334

Kazakov, A. A. (2022), "Value of Justice in the Perception of Modern Youth", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 1, 114-120 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120

Kolomiets, V. P. (2010), "Media environment and media consumption in modern Russian society", *Sociological Studies*, 1(309), 58-65 (in Russ.).

Komarova, A. A. (2018), "Main trends of media consumption in Russia in the context of dynamically changing reality", *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 5, 162-166 (in Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2018-5-162-166

Kulchitskaya, D. Yu. and Filatkina, G. S. (2021), "Background media consumption as part of media practices of Russian 'digital youth'", *Mediascope*, 1. [Online], available at: http://www.mediascope.ru/2680 (Accessed 11 March 2025) (in Russ.). DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.2

Mediapotreblenie "tsifrovoy molodezhi" v Rossii [Media consumption of "digital youth" in Russia], (2021), in Dunas, D. V. (ed.), Publishing House of Journalism Department of MSU, Moscow, Russia (in Russ.).

Moskalenko, N. M. (2024), "Media consumption of students in Donbass: resources, formats, assessments", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 49 (5), 79-99 (in Russ.). DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.7999

Negrov, E. O. (2021), "The role and features of youth political online activism in modern Russia", *RUDN Journal of Political Science*, 23 (1), 18-30 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Obraztsova, A. Yu. (2014), "Features of media consumption of school-age children (using the city of Uglich as an example)", *Mediascope*, 4. [Online], available at: http://www.mediascope.ru/1648 (Accessed 11 March 2025) (in Russ.).

Poluektova, I. A. (2018), "Dynamics of the motivational structure of Russians' television consumption", *Mediascope*, 4. [Online], available at: http://www.mediascope. ru/2508 (Accessed 11 March 2025) (in Russ.). DOI: 10.30547/mediascope.4.2018.8

Pyrma, R. V. (2019), "Protest sentiments of Russian youth in the digital network", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 9 (6), 100-110 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110

Shentyakova, A. V. and Grishin, N. V. (2021), "Mobilization of political protest of youth and Russian video bloggers: results of cognitive mapping", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3 (2), 88-109 (in Russ.). DOI: 10.46539/gmd.v3i2.155

Shchepilova, G. G. (2014), "Audience demand for the Internet and traditional media", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 5, 46-54 (in Russ.).

Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. and Nestik, T. A. (2017), *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost* [Russia's Digital Generation: Competence and Security], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Sumskaya, A. S. (2022), "User activity of the Russian media generation of the 'digital borderland'", *Izvestia of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, 28 (3), 35-44 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2022.28.3.043

Titov, V. V. (2020), "Strategies of social protest of youth in RuNet: comparative analysis of generations y and z", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 139-158 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674

Vartanova, E. (2019), "Russian media: a call for theorising the economic change", *Russian Journal of Communication*, 11, 22-36. DOI: 10.1080/19409419.2019.1572531

Vyugina, D. M. (2018), "Internet in daily media consumption of the digital generation of Russia", *Mediascope*, 3. [Online], available at: http://www.mediascope.ru/2475 (Accessed 11 March 2025) (in Russ.). DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.11

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Российская Федерация; *aldr.kazakov@gmail.com*

ABOUT THE AUTHOR:

Aleksandr A. Kazakov, Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation; *aldr.kazakov@gmail.com*

УДК 23/28+801.73 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-0**

Чуева Ю. А.

Проблемы репрезентации христианских таинств в современных российских СМИ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Российская Федерация; *yulya.varavina.97@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации вероучительных аспектов православных таинств в светских средствах массовой информации. Автор обращает внимание на сложности интерпретации религиозных понятий и выражений сакрального смысла в доступных широкому читателю нарративах и пояснениях и проводит анализ этой проблемы с герменевтических позиций. Анализ носит междисциплинарный характер на стыке светского религиоведения, теологии и коммуникативистики, что позволяет выявить некоторые феномены, которые ранее могли оставаться незамеченными. В работе исследуются три федеральных средства массовой информации из категории светской прессы, которые в своих ресурсах регулярно освещают жизнь РПЦ («Коммерсант», «РИА Новости» и «ТАСС»). Особое внимание уделяется герменевтическим аспектам описания христианских таинств евхаристии и крещения. Автор приходит к выводу, что репрезентация вероучительных аспектов в СМИ является весьма трудной задачей, требующей от журналистов не только знания религиозных тонкостей, но и умения выражать сакральный смысл доступным языком. В ходе исследования обнаруживается языковая, герменевтическая природа невыразимости смысла христианских таинств евхаристии и крещения, постижение которого возможно только через личное участие в практическом опыте религиозной жизни. Статья поднимает вопрос о необходимости поиска новых подходов к освещению религиозной жизни в средствах массовой информации. Следует максимально тщательно подходить к выбору слов и выражений при описании религиозных явлений, чтобы избежать искажения их смысла.

Ключевые слова: СМИ; евхаристия; крещение; репрезентация; сакральное; профанное

Для цитирования: Чуева, Ю. А. (2025), «Проблемы репрезентации христианских таинств в современных российских СМИ», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 109-117. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-0

J. A. Chueva

Problems of representation of Christian sacraments in modern Russian media

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *yulya.varavina.97@mail.ru*

Abstract. The article examines the problem of representing the doctrinal aspects of Orthodox sacraments in the media. Attention is drawn to the difficulties of interpreting religious concepts and expressions of sacred meaning in narratives and explanations accessible to a wide readership. The article analyzes this problem from a hermeneutic standpoint. The analysis is interdisciplinary in nature at the intersection of religious studies, theology, and communication studies, which allows us to identify some phenomena that could previously remain unnoticed. The work examines three federal media outlets from the secular press category that regularly cover the life of the Russian Orthodox Church in their resources (*Kommersant*, *RIA Novosti*, and *TASS)*. Particular attention is paid to the linguistic and hermeneutic aspects of the description of the Christian sacraments of the Eucharist and baptism. The author comes to the conclusion that the representation of doctrinal aspects in the media is a very difficult task, requiring journalists not only to know religious subtleties, but also to be able to express sacred meaning in accessible language. The study reveals the hermeneutic nature of the inexpressibility of the meaning of the Christian sacraments of the Eucharist and baptism, the comprehension of which is possible only through personal participation in the practical experience of religious life. The article raises the issue of the need to find new approaches to covering aspects of religious life in the media. It is necessary to approach the choice of words and expressions when describing religious phenomena as carefully as possible in order to avoid distorting their meaning.

Keywords: media; eucharist; baptism; representation; sacred; profane

For citation: Chueva, J. A. (2025), “Problems of representation of Christian sacraments in modern Russian media”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 109-117, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-0

В современном социологическом и религиоведческом дискурсе обнаруживается кризис классических моделей секуляризации, что связано с новым входом религии в структуру жизненного мира российского социума. Такая тенденция прослеживается со второй половины XX в. Исследователи отмечают высокую роль Русской православной церкви «в отечественной десекуляризации последних десятилетий» по причине близости «православного вероучения, культовой практики и жизни к народной культуре» (Цыплаков, 2017: 234-244). Это связано с тем, что существенные преобразования в стране и обновленные отношения между государством и церковью дали возможность последней принимать участие в культурной и жизни российского общества. Возвращение религии в публичную среду, по оценке А. Шишкова, является одной из особенностей десекуляризации в постсоветской России (Шишков, 2012: 169-180). С этого времени активизируются научные исследования позиционирования института церкви в средствах массовой информации. В вопросе взаимодействия церкви и общества растет необходимость в средствах коммуникации, которые могут

быть представлены информационными ресурсами, принадлежащими РПЦ, и светскими СМИ, интересующимися жизнью церкви (Ефимова, 2016: 87-92). Исследователи отмечают три категории СМИ, освещающие жизнь РПЦ, учитывая региональный и федеральный уровень: светская пресса, интересующаяся жизнью РПЦ, частные православные издания и собственные информационные ресурсы РПЦ, получившие гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской православной церкви» (Богданович, Дудкина, 2019: 89-99).

Научный интерес к религиозной журналистике сопряжен с изучением освещения церковных аспектов в массмедиа. При этом исследователи отмечают, что эта познавательная область имеет свои особенности. Помимо того, что журналист, пишущий на религиозные темы, должен придерживаться правил этики, ему необходимо быть в курсе религиозных и вероучительных тонкостей. Последствия ошибок, которые может допустить представитель СМИ, пишущий о религии, подчас непредсказуемы и несут конфликтный характер (Большакова, 2011, web).

Сложности интерпретации и взаимодействия понятий из различных смысловых сфер анализируют многие исследования. Сознание любого человека требует постоянного обмена смыслами между разными сферами. Первичный текст нуждается в интерпретации, которая не столько расшифровывает смысл, сколько задает его (Касавин, 2010). С. Зенкин отмечает, что мистика является одним из важнейших видов экзистенциального опыта человека, требующим своего отображения в культуре. В этой связи процесс постижения сакрального достигается через профанацию истин: «чтобы донести сакральное знание до непосвященных», необходимо «снять его сакральную невыразимость» (Зенкин, 1997, web). В статье, посвященной тенденциям развития социологии религии как научной дисциплины, ее авторы обращают внимание на то, что эта познавательная область «не воспроизводит и не высказывает религиозные суждения». Предмет исследований социологии религии – религиозные верования и практики, а результат этих исследований – знания о религии, выражаемые в научных понятиях, суждения и теориях (Гараджа, Трофимов, 2009). В отечественной науке обнаруживается и общая дискуссия о компетенциях, границах и методах наук о религии. О месте религии в современном научном познании и процессах десекуляризации пишут, в частности, А.В. Апполонов, А.М. Гагинский, Д.А. Узланер (Узланер, Апполонов 2018; Гагинский, 2018).

Кратко представленная проблемная область пересечения семантических полей коммуникации между носителями религиозного, светского и общекультурного знания и дискурсов позволяет предположить, что репрезентация в СМИ вероучительных и культовых аспектов популярным и доступным для широкого читателя языком является непростой задачей. Куда сложнее выразить главный сакральный смысл сердцевины христианской жизни – церковных таинств, описанием которых занимается целая богословская наука.

В качестве источников для конкретного анализа нами выбраны три авторитетных федеральных средства массовой информации из категории светской прессы, которые в своих ресурсах так или иначе освещают жизнь РПЦ.

«Коммерсант» – российская ежедневная общественно-политическая газета с усиленным деловым блоком. В ходе анализа информационного ресурса было обнаружено, что публикуемые здесь материалы о жизни РПЦ по большей части носят событийный характер. Отметим первое наблюдение, что для интерпретации крещения в СМИ используется термин

«таинство»[1], а венчание именуется «обрядом»[2].

«РИА Новости» – одно из крупнейших действующих государственных информационных агентств. В сравнении с предыдущим СМИ, здесь уделяется больше внимания просветительским материалам, есть публикации о таинствах елеосвящения, исповеди и крещения. Для разъяснения теологических тонкостей и богословского содержания религиозных явлений часто приглашаются священнослужители и представители церковной среды. В информационном источнике литургию именуют главным богослужением церкви, во время которого священнослужители читают молитвы и совершают центральное таинство – евхаристию или причащение. «Хлеб и вино, которые принимают христиане, символизируют Тело и Кровь Господа, а сам обряд является способом соединения нашей души и тела с Богом. Божественная литургия считается главной, все остальные службы – своего рода подготовка»[3], – пишут в СМИ. По мнению корреспондентов информационного агентства, церковные службы, состоящие из просительных, хвалебных и благодарственных молитв, таинства и особые религиозные ритуалы направлены на достижения связи с Богом и Божественным. Земная жизнь и боговоплощение Спасителя делают человека посредством евхаристии причастным божественной жизни, поскольку он соединяется с Богом, «входя через крещение в Церковь как в Тело Христово»[4]. В «РИА Новости» также дают интерпретацию таинствам исповеди и елеосвящения. Крещение именуют дверью в Царство света. Сила этого таинства заключена в том, «что крещеный получает способность и силу любить Бога и ближних»[5]. «Эта любовь влечет христианина к праведной жизни и помогает преодолевать свои грехи»[6], – пишут в СМИ.

«ТАСС» – российское государственное федеральное информационное агентство. В этом СМИ был опубликован цикл статей, разъясняющих содержание, особенности и историю таинств венчания, елеосвящения и крещения. Крещение здесь поясняют как духовное рождение человека, которое можно проводить только один раз в жизни. Первородный грех представляет собой первую греховную порчу человеческого рода, которая влияет на каждого до момента крещения. Авторы материала отсылают читателя к Книге Бытия, как это делается во всех универсальных энциклопедических изданиях: «Адам и Ева, два первых человека, вкусили запретный плод с древа познания добра и зла и были изгнаны из Эдема»[7], тем самым разорвали «связь с Источником жизни». Первородный грех лишил людей состояния праведности и святости и стал наследственным. Таинство Крещения прощает первородный грех,

[1] Коробов, П. В Москве крестили потомка императорского рода Романовых // Коммерсант. 06.12.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5707258?ysclid=m8sn5lehps127487529

[2] Страстная пятница: значение, правила и богослужение // Коммерсант. 02.05.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6680401?query=венчание%20обряд

[3] Служба в церкви: основные виды, дресс-код и правила поведения // РИА Новости. 05.09.2024. URL: https://ria.ru/20240905/sluzhba-1776069813.html

[4] Священник пояснил, как долго Иисус находился на Земле после Воскресения // РИА Новости. 13.06.2024. URL: https://ria.ru/20240613/svyaschennik-1952260220.html?ysclid=m8sm6lgdyp65197138

[5] Праздник Крещения Господня или Богоявление // РИА Новости. 19.01.2022. URL: https://ria.ru/20220119/prazdnik-1768177063.html?ysclid=m8sm89ghma754152199

[6] Праздник Крещения Господня или Богоявление // РИА Новости. 19.01.2021. URL: https://ria.ru/20210119/bogoyavlenie-1593489769.html?ysclid=m8sm9d9b7r852480203

[7] Курашкина, А. Как подготовиться к крещению ребенка // ТАСС. 09.08.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21552147?ysclid=m8smtol44857599216

«очищает от греховности и дает возможность быть с Богом»[8]. В материале даются комментарии о правилах проведения и традициях таинства, а также символическая интерпретация священнодействий. Так «полное погружение в воду означает погребение для греховной жизни»[9], а момент поднятия из воды – «возрождение и восхождение нового человека»[10]. Авторы статьи отмечают, что «крестился даже Иисус Христос». «Он не был грешен и всегда повиновался заповедям Бога. Но так как Бог велел креститься всем, то и Иисус принял это решение. Событие произошло у реки Иордан и крестил его троюродный брат Иоанн»[11], – так пишут о евангельских событиях в СМИ.

О таинстве евхаристии в «ТАСС» упоминают в контексте Пасхи и событий Страстной недели. «Страстной (Чистый) четверг связан в первую очередь с воспоминаниями о Тайной вечере, во время которой Христос установил главное церковное таинство – Святое причастие. Поэтому в этот день верующие приходят в храм и причащаются», – пишут в СМИ. В «ТАСС» также обратили внимание, что сам момент воскрешения Иисуса Христа «не описан в канонических новозаветных текстах». «Вера в воскрешение Спасителя из мертвых является основной доктриной христианства. Считается, что Христос, умерший на кресте и воскресший спустя три дня, одержал победу над самой смертью»[12], – продолжают корреспонденты.

По результатам проведенного обзора можно отметить, что в СМИ охотнее всего пишут о таинствах крещения и соборования, упоминают о таинстве исповеди, а венчание называют «обрядом»[13] и «церемонией»[14]. Евхаристия упоминается только в контексте событий Страстной недели в сопровождении информации о традициях выпекания куличей и покраски яиц. Проведем анализ употребляемых для описания терминов.

В вопросе объяснения таинства *Евхаристии* авторы информационного материала интерпретируют божественную литургию как главную службу среди числа других в церковной традиции. При этом от внимания читателей уходит тот факт, что литургия является сердцем христианской жизни и всего церковного организма. В ней самой сосредоточена земная жизнь Иисуса Христа, которая через священнодействия отсылает к ключевым вехам евангельской истории. Авторы статьи пишут, что «хлеб и вино, которые принимают христиане, символизируют Тело и Кровь Господа»[15], но это противоречит православному пониманию Евхаристии. В священном акте пресуществления – превращения существа хлеба и вина в Тело и Кровь Господа – нет никакого символизма, а есть реальное присутствие Иисуса Христа и принесение Его в жертву непостижимым действенным образом.

По мнению авторов статьи, практическая составляющая религиозной жизни (церковные службы, таинства и ритуалы) позволяют достигнуть «связи с Богом и Божественным»[16], но что такое «связь» и в чем ее необходимость – так и не поясняют.

[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Православная Пасха: история и традиции // ТАСС. 03.05.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/20653873?ysclid=m8sml8dmjy921598481
[13] Таинство венчания в православной церкви: как правильно подготовиться // РИА Новости. 11.12.2024. URL: https://ria.ru/20241211/venchanie-1751045041.html?ysclid=m8sn051fe7496525349
[14] Нужны ли свидетели и можно ли прийти в шортах: как правильно венчаться // ТАСС. 08.08.2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/15150715?ysclid=m8smz6k6xl531922073
[15] Служба в церкви: основные виды, дресс-код и правила поведения // РИА Новости. 05.09.2024. URL: https://ria.ru/20240905/sluzhba-1776069813.html
[16] Там же.

Под *крещением* в СМИ понимают «духовное рождение человека, которое можно проводить только один раз в жизни»[17]. В такой интерпретации для читателя остается не до конца понятным, что в итоге во время крещения происходит – обряд рождения или таинственное рождение? Возникает вопрос, каким духовным качеством в этом случае обладают некрещенные люди? В христианском представлении крещение – рождение и начало новой жизни во Христе. Принимая крещение, человек становится частью Церкви – Тела Христова, в которой возможно принятие других таинств.

При описании содержания и сущности крещения авторы материла используют специфические околорелигиозные термины «сила таинства», «сила любить Бога и ближних», «любовь влечет христианина»[18]. Для раскрытия сущности первородного греха применен магический термин «порча»[19]. Такая терминология ставит христианское богословие в один ряд с оккультными и магическими практиками, в которых человек представлен ведомым, подвластным и безвольным существом, лишенным самой главной христианской ценности – свободы.

Отсылая к евангельской истории, авторы статьи обращают внимание на то, что «крестился даже Иисус Христос», ведь Он «всегда повиновался заповедям Бога»[20]. В такой интерпретации событий Иисус Христос лишается Его божественной природы – ведь, согласно оросу халкидонского собора, божество и человечество в Нем соединены «неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо»[21]. К тому же, евангелие ничего не говорит нам о том, что «Бог велел креститься всем»[22] – Иисус принял крещение от Иоанна, чтобы «исполнить всякую правду» (Мф. 3:15).

Корреспонденты также отметили, что момент воскрешения Иисуса Христа «не описан в канонических новозаветных текстах»[23], но с этим также приходится не согласиться. Евангелист Матфей сообщает, что по прошествии субботы на рассвете первого дня недели произошло землетрясение, потому что на гроб сошел Ангел. Камень отворил гроб, а стража была повергнута в страх. Ангел сказал жёнам, что Христос воскрес (Мф. 28:1-7).

Авторы материала сообщают, что «Христос одержал победу над смертью»[24], но не сообщают читателям главного – своей смертью Иисус разделил участь со всем человечеством, умалил Себя и искупил людской род из рабства греха.

Проведенный анализ показывает, что репрезентация христианских таинств в СМИ является проблемной областью, которая лишает читателей адекватного восприятия такой важной стороны церковной жизни, как участие в таинствах и, в целом, ведет к искажающему смысл упрощению христианского вероучения. В информационных материалах в фокусе внимания чаще всего остается обрядовая сторона христианской религиозности, а догматические и богословские термины и

[17] Курашкина, А. Как подготовиться к крещению ребенка // ТАСС. 09.08.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21552147?ysclid=m8smtol44857599216

[18] Праздник Крещения Господня или Богоявление // РИА Новости. 19.01.2021. URL: https://ria.ru/20210119/bogoyavlenie-1593489769.html?ysclid=m8sm9d9b7r852480203

[19] Курашкина, А. Как подготовиться к крещению ребенка // ТАСС. 09.08.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21552147?ysclid=m8smtol44857599216

[20] Там же.

[21] Литвинова, Л.В. Боговоплощение // Большая российская энциклопедия 2004-2017. 28.03.2025. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1871778

[22] Курашкина, А. Как подготовиться к крещению ребенка // ТАСС. 09.08.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21552147?ysclid=m8smtol44857599216

[23] Православная Пасха: история и традиции // ТАСС. 03.05.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/20653873?ysclid=m8sml8dmjy921598481

[24] Там же.

явления десакрализируются через околорелигиозные термины. Частое применение символизмов не передает глубины христианских священнодейств, делает их профанными. При этом стоит отметить, что подбор точных слов для описания и толкования смысла таинств является по своей сути трудной задачей. Метод синонимов в этом случае выступает как грубый инструмент, а благозвучие часто приводит к искажению или потере первоначального смысла.

Таким образом, освещение религиозных тем в СМИ сталкивается с противоречием: с одной стороны, светские информационные источники стремятся сделать информацию доступной широкому кругу читателей, что неизбежно ведет к упрощению богословских понятий, а с другой – христианское вероучение, особенно в вопросах таинств, требует точного сакрального языка без профанации и искажения смыслов. Это противоречие создает проблему: материалы религиозного характера, представленные в упрощенном виде, теряют глубину и точность, а попытки светских СМИ объяснить сложные богословские категории без достаточной компетенции приводят к искажению и десакрализации ключевых понятий христианской веры.

Практическим решением проблемы может стать регулярное приглашение представителей церкви, имеющих большой опыт миссионерских бесед, в том числе и с нерелигиозными людьми, для подготовки информационных популярных материалов. Однако необходимо и продолжение развития языка, который тесно связан с проблемой адекватного освещения христианских таинств в современном медиадискурсе. Для точного описания религиозных явлений важно осознавать герменевтическую сложность перевода сакральных смыслов на язык современной культуры. Этот процесс требует не только глубокого понимания богословия, но и внимательного отношения к социально-культурным особенностям аудитории.

Примером такого подхода могут служить усилия, предпринятые для перевода Священного Писания на современный русский язык. В трудах А. Десницкого, посвященных переводу и интерпретации библейских текстов, обращается особое внимание на доступность текста для современного читателя. В предисловиях к переводу библеист акцентирует внимание на важности поиска баланса между верностью источнику и его доступностью для современного читателя. При этом перевод не должен содержать «лишних упрощений, анахронизмов и вульгарности»[25]. Это применимо и к задаче описания христианских таинств: важно избегать как излишней символизации, так и упрощения, которое может нивелировать богословскую глубину.

Сложность языка, применяемого к описанию сакрального, подчеркивает необходимость расширения рамок дискуссии о таинствах. Нужны новые исследования, затрагивающие культурологическую и философскую роль сакрального в современности. Вместе с тем задача не может ограничиваться только техническими решениями. Важно признать, что работа над религиозным языком – это одновременно творческое, богословское и философское усилие, которое требует постоянного обновления и переосмысления. Лишь тогда слова смогут не только передавать, но и вдохновлять на постижение сакрального опыта, который остается в центре христианской жизни.

Литература

Богданович, Г. Ю. и Дудкина, А. В. (2019), «Освещение церковно-религиозной тематики на российском телевидении», *Ученые*

[25] Десницкий, А. Предисловие переводчика // Библейские переводы Андрея Десницкого [Электронный ресурс] URL: https://perevod.desnitsky.net/ (дата обращения: 17.12.2024)

записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки, 5 (3), 89-99.

Большакова, З. Г. (2011), «Взаимодействие Русской православной церкви и СМИ на региональном и федеральном уровне», *Медиаскоп: электронный журнал*, 4, URL: http://mediascope.ru/node/967 (дата обращения: 17.12.2024).

Гагинский, А. М. (2018), «2018. 04. 031. Апполонов, А. В. Наука о религии и ее постмодернистские критики. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – 240 с.» *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал*. 4, 113-116.

Гараджа, В. И., Гараджа, Е. В. и Трофимов, С. В. (2009), «Социология религии: научный и образовательный потенциал», *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология,* 1, 86-100.

Ефимова, Л. В. и Кокотов, С. А. (2016), «Влияние средств массовой информации на институт церкви», *Сервис plus*, 10 (2), 87-92.

Зенкин, С. (1997), «О сакральном – для профанов», *Иностранная литература*, 6 [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/inostran/1997/6/o-sakralnom-dlya-profanov.html?ysclid=m8snjqzly9751710516 (дата обращения: 17.12.2024)

Касавин, И. Т. (2010), «Повседневность: сакральное и профанное», *Мир русского слова,* 2, 6-13.

Узланер, Д. и Апполонов, А. (2018), «Наука о религии и ее постмодернистские критики», *Логос*, 28 (6), 164-207.

Цыплаков, Д. А. (2017) «К вопросу об изучении российской постсекулярности», *Вестник РХГА*, 18 (3), 234-244.

Шишков, А. (2012), «Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России», *Государство, религия, церковь, в России и за рубежом*, 30 (2), 169-180.

References

Bogdanovich, G. Yu., & Dudkina, A. V. (2019), “Coverage of Church and Religious Subjects on Russian Television“, *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 5 (3), 89-99. (in Russ.).

Bolshakova, Z. G. (2011), “Interaction of the Russian Orthodox Church and the media at the regional and federal levels“, *Mediascope,* 4 [Online], available at: http://mediascope.ru/node/967 (Accessed 17 December 2024). (in Russ.).

Efimova, L. V. & Kokotov, S. A. (2016), “Influence of mass media on the institution of the church “, *Service plus,* 10 (2), 87-92. (in Russ.).

Gaginsky, A. M. (2018), “Apollonov, A. V. (2018), The Science of Religion and Its Postmodernist Critics, HSE, Moscow, 240 p.”, *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3, Filosofiya: Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 3, Philosophy: Abstract Journal], 4, 113-116. (in Russ.).

Garadzha, V. I., Garadzha, E. V., & Trofimov, S. V. (2009), “Sociology of religion: scientific and educational potential“, *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 1, 86–100. (in Russ.).

Kasavin, I. T. (2010), “Daily Routine: Sacral and Profane “, *World of the Russian Word*, 2, 6-13. (in Russ.).

Shishkov, A. (2012), “Some aspects of desecularization in post-Soviet Russia“, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide,* 30 (2), 169-180. (in Russ.).

Tsyplakov, D. A. (2017), “On the question of learning Russian postsecularism“, *Review of Russian Christian Academy for the Humanities*, 18 (3), 234-244 (in Russ.).

Uzlaner, D. & Appolonov, A. (2018), “The Science of Religion and Its Postmodernist Critics“, *Logos*, 28 (6), 164-207. (in Russ.).

Zenkin, S. (1997), “About the sacred — for the profane“, *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 6 [Online]. available at: https://magazines.gorky.media/inostran/1997/6/o-sakralnom-dlya-profanov.html?ysclid=m8snjqzly9751710516 (Accessed 17 December 2024) (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чуева Юлия Александровна, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация; *yulya.varavina.97@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Julia A. Chueva, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russian Federation; *yulya.varavina.97@mail.ru*

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 130.2 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-1**

Баранова С. В.

Информационная реальность и сетевой мир: концептуализация границы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *Baranova_SV@bsuedu.ru*

Аннотация. В статье предлагается аналитический обзор основных терминологических структур и описание виртуальных характеристик информационной реальности как некой концептуальной метафоры жизненно-сетевого человека современного общества. Обосновывается, что полемическая незавершенность этой метафоры вполне может быть представлена как некая практика отрицания идеологического мифогенеза – как научно-конкретное преодоление тяги к технологическому мифу о мыслящей машине, породившему идеологию оправдания господства информации. В работе исследуются стереотипные суждения, бытующие в этой сфере, и предлагается систематический очерк их трансформации – осознания их как некоего когнитивно доступного горизонта информационной реальности. Эта реальность, как показывает исследование, принимая различные терминологические («сетевые») облики, оказывается скорее категориальной мерой, граничным условием возможности социальной онтологии, нежели автономной, или объективной, реальностью-в-себе.

Ключевые слова: миф; информация; сеть; интернет; искусственный интеллект; коммуникации; цифровая среда; информационное общество; цифровые технологии; кибернетика

Для цитирования: Баранова, С. В. (2025), «Информационная реальность и сетевой мир: концептуализация границы», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 118-128. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-1

S. V. Baranova

Information Reality and the Network World: Conceptualizing the Boundary

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *Baranova_SV@bsuedu.ru*

Abstract. The article offers an analytical review of the main terminological structures and a consolidated description of the information reality as a certain conceptual metaphor of the life-network-world or of a person in modern society. It is argued that the polemical incompleteness of this metaphor can be presented as an uncertain practice of denying ideological mythogenesis, a scientifically specific overcoming of the desire for the technological myth of the thinking machine, which gave rise to the ideology of justifying the dominance of information. The work examines some transformations of stereotypical judgments in this field and points to their awareness as a certain cognitively accessible horizon of information reality. As the study shows, this reality, which takes different terminological forms ("network"), turns out to be a categorical measure, a boundary condition for the possibility of social ontology, rather than an autonomous or objective reality "in itself".

Keywords: myth; information; network; Internet; artificial intelligence; communications; digital environment; information society; digital technologies; cybernetics

For citation: Baranova, S. V. (2025), "Information Reality and the Network World: Conceptualizing the Boundary", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 118-128, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-1

Познавательный архетип

За всю историю человеческой цивилизации мы как будто впервые находимся в условиях тотального разделения общества на две среды существования – первично реальную, естественную, поскольку она реальна в полноте нашего действительного существования, доступна из непосредственности нашего телесного и духовно-практического бытия, и творчески самобытную, вторично реальную, поскольку она возникает как некое творчески-познавательное усилие и при этом озадачивает нас своей, кажется, автономной мирностью. Эта вторая реальность, «цифровая среда», насколько мы ее понимаем, не существует вне пределов реальности материального мира и в этом смысле она вторична, но никогда еще такая вторичная, абстрактная форма творческого представления мира не имела столь ощутимого влияния на целостное миропонимание. Осознание разделенности мира, в котором мы находимся, – своего рода онтологический вызов, который требует к себе особенного внимания.

Цивилизационно глобальным стал запрос на информацию как некоторую желанную форму присутствия цифровой среды в нашем первично действительном бытии; происходит процесс осознания этой среды как жизненно необходимой, в которую нельзя не вовлечься и не признать ее в ее абсолютной жизненности, ab ovo. Иными словами, информация как средство управления общественным сознанием последовательно приобретала доминирующие качества и стала со временем действительно одним из важнейших признаков современного социума.

Предположим, что сложившаяся терминологическая система в рассматриваемой области содержит ряд родственных определений, с той или иной нюансировкой дающих онтологическое закрепление понятия информационной реальности. «Информационная среда», «информационное поле», «сетевая среда», «цифровая реальность», «виртуальная реальность», «информационное общество»… – здесь мы видим три основных понятия: «информация», «сеть» и «цифра». Это не синонимы, и родство этих терминов заключается в их сущностной близости; они онтологически характеризуют специфические свойства некоей реальности, которая, кажется, обладает способностью к всеобъемлющему, нелинейному, мобильному взаимодействию своих составляющих посредством тех или иных каналов передачи. Здесь термин «информация» является ключевым, но без соответствующих дополнений остается в парадигме тех времен, когда не выходил за пределы одного из признаков мира материального, например, являлся тем, что мы подразумеваем под понятиями «книга», «сообщение», «библиотека» и даже «предание», «учение» и т. д. Между тем, информация в новом понимании – это, в первую очередь, коммуникация.

Сеть – структурный признак, позволяющий охарактеризовать принцип действия каналов коммуникации. Сущность сети заключается в ее способности достигать максимального охвата и не терять гибкость построения. Образ сети, в которую попадают, которой ловят, которая сплетена из подвижной нити, но обладает матричной узловой структурой – метафора, наиболее полно отображающая функцию сети как атрибута современной информационной среды.

Цифра (цифровые технологии) в широком понимании является техническим инструментом передачи информации и формирования сетевых коммуникаций. Цифровой способ передачи данных обеспечил саму возможность глобализации информационного пространства и, до появления каких-либо других технических платформ, остается наиболее эффективным.

Фундаментальным термином в этой проблематике является понятие «информационное общество», и именно с исследования данного феномена постиндустриального мира начался научный поиск, постигающий в том или ином контексте его онтологическую и гносеологическую природу.

Проникая вглубь понятия «информация», мы не можем изолировать его от бэкграунда, который предшествовал его нынешней трактовке, стереотипно связанной с медиа, СМИ, коммуникацией. Сейчас информация – неотъемлемая область жизнедеятельности общества; в определенной степени так было и ранее, и функционально мы относим к этому явлению способность человечества сохранять, аккумулировать, систематизировать и передавать знание. Поэтому в онтологическом смысле «информация», если мы рассматриваем ее как *образ* объекта (Кулешов, 2015) – архетип, связанный с цивилизацией так же, как «познание», «слово», «опыт».

Трансфер в цифровую реальность

В научном дискурсе XX и XXI веков сложилось суждение об информации как способе расширения (Маклюэн) возможностей человека, что сроднило его с другим понятием – машины (Маклюэн, Вейценбаум). Но когда мы пытаемся постичь природу информационного общества, исходя из этих утверждений, есть риск утраты первоосновы смысла, связанного с развитием общества с самых древних времен. По сути, информирование возникло ровно тогда, когда появилась первая необходимость передачи неких значимых сведений от одного актора к другому. Таким образом, информирование происходило через средства коммуникации, соответствующие уровню цивилизации. И если в Древнем мире

сформировался сам инструментарий – изображение/слово/знак, то в дальнейшем базис из этих составляющих просто находил ту самую «машину», которая могла выполнить поставленную задачу расширения – от пергамента через книгопечатный станок к телевидению и интернету. Исследования в области коммуникаций древнего общества, например, античных Афин, показывают нам, что знание, получив такой устойчивый инструмент передачи, как письменность (визуализированная система знаков), в качестве расширения использовала поверхность посуды, каменное надгробие, палетку или пергамент, в итоге донесших до нас античный жизненный опыт. В вербальной форме общество передавало сведения на собраниях, в полисе (агора, театр, святилище, гимнасий) и в мифотворчестве (Куле, 2004). Французская исследовательница К. Куле констатирует преемственность современного информационного общества от древнего прототипа: «По многим показателям полис вправе именоваться “обществом коммуникации”, которое и сегодня может нас многому научить» (Куле, 2004: 109). Искусство как сообщение стало объектом изучения Е.Я. Басина. В его антологии «Искусство и коммуникация» (Басин, 2015) подробно рассмотрены коммуникативные аспекты искусства в истории философско-эстетической мысли. Особенно интересной представляется взаимосвязь таких эстетических категорий, как гармония, пропорция, совершенство, с математическим расчетом. По сути, древние, определив зависимость рационального и умозрительного, первыми «оцифровали» это знание, переложив законы прекрасного на язык математики.

Несмотря на широкую парадигму исследовательских концепций, информация остается одним из самых многосложных понятий, меняющих контекст в зависимости от области применения, а в сопряжении с таким явлением, как информационная реальность, оказывается более всего связанной с мифологизацией эпистемы, возможности которой в массовом сознании далеко не всегда находят рациональное объяснение. Одновременно с этим у нас нет задачи рассматривать отраслевые области применения этих технологий – медицину, все виды промышленности, военный сектор или бизнес – там информация по-прежнему сохраняет свои первозданные функции, подчинена определенному созидательному процессу и несет прикладной характер. Нам важно оценить трансформацию, которую претерпевает информационное общество, живущее в парадигме господства всеобщей осведомленности.

Прослеживается тенденция: чем совершеннее технологии распространения информации, чем техничнее машины-расширения, тем больше возникает мифов, поясняющих тот или иной феномен, подчинивший себе мышление современного человека, главным из которых является срастание двух пространств – реального, материального мира и мира информационных потоков.

Наравне с гуманитариями темой заинтересовались ученые в области точных наук, которые подошли к проблеме машины как участника информационного процесса и попытались осмыслить, насколько технический прогресс способен разрушить его антропоцентризм. Интересен и их подход к анализу природы мифотворчества новой техно-информационной реальности –так, по мнению Дж. Вейценбаума, трансформация смыслов происходит не столько из-за непонимания непросвещенных масс, сколько из-за глубинных заблуждений или ложного целеполагания представителей образованного, искушенного сообщества (Вейценбаум, 1982).

Срастание цифровых технологий с информацией и дали нам в итоге уникальный продукт – информацию не как месседж, а как средство глобального управления. Теперь область исследования смещается в междисциплинарное поле, где

в равной степени есть место наблюдениям философов, социологов, физиков, математиков и кибернетиков, в числе которых звучат и имена отечественных исследователей, таких как советский философ И.Т. Фролов (Фролов, 2017) или математик, специалист в области цифровой социологии И.С. Ашманов (Ашманов, 2019). Постановка проблемы в научно-исследовательском поле в современной трактовке обрела контуры примерно в одно время с возникновением кибернетики (40–60-е годы прошлого столетия) и уже тогда методологически разделилась на ряд направлений – гуманизацию науки, имитацию интеллектуальной деятельности человека, искусственный интеллект (далее – ИИ), биоэтику, перспективы информационной тирании (Визнер, 1976), знание и вычислительные машины. В своих трудах ученые полагаются в основном на анализ эмпирических данных, которыми исследуемая область особенно богата: каждое сообщение, рассматриваемое в контексте ситуации и в зависимости от способов распространения, – уже есть паттерн, позволяющий по частному восстановить общую картину. Предметом исследования становится также продукт машинного исчисления – алгоритм и технический ресурс, обеспечивающие результат как производное всех процессов. Этическая сторона явления изучается преимущественно в рамках дескриптивного и проблемного подходов. Немало трудов посвящено попыткам структурирования этой области знаний; относительная новизна, с которой связаны все машинно-информационные процессы, предполагает необходимость приведения их к общим смысловым знаменателям, присвоения им точных терминов.

Антропологические (само)определения

Как указано ранее, без сетевой парадигмы и цифровых технологий информация не достигла бы глобального господства. Пока те или иные сведения аккумулируются и передаются по принципу заполнения неких понятийных лакун, мера их воздействия локальна и ограничена. Проще говоря, знание распространяется на расстояние, которое может преодолеть его носитель. В качестве примера можно привести гонцов, направленных из некоего центра в разных направлениях с одинаковым донесением. Но поскольку движение информации нелинейно, сетевая структура общества способствовала размыванию границ, перетеканию информации по различным каналам и на различные социокультурные уровни. Сетевая конструкция обеспечила своеобразный каркас современному информационному миру, подчинив его древним законам сохранения и передачи сведений (в первоначальном виде этим функциям отвечали традиции, фольклор, технологии, мифотворчество). Сейчас чаще всего при упоминании термина «сеть» мы подразумеваем феномен постиндустриального мира, напрямую связанный с цифровизацией и виртуализацией информационных потоков. Сетевая логика способствовала тому, чтобы информация перестала быть пассивным ответом на частную потребность и теперь сама активно предлагала некий информационный продукт, якобы необходимый субъекту/социуму. Глобальный охват и единообразие форм создают иллюзию власти факта и его острой востребованности, а интерактивность расширяет границы сети, превращая информационные потоки в бесконечную ризому. Сетевой принцип стал ключевым в системе информирования, в то время как сама информация, активно включаемая во все сферы жизнедеятельности, теперь является когнитивным инструментом, адаптирующим субъекта к многосложной цивилизационной среде (Игнатов, 2018).

С приходом цифровых технологий возник парадокс ожиданий. Заявленная свобода сетевого мира, декларация его саморегулирования, доступность и многогранность по истечении нескольких десятилетий трансформируются в жесткую

систему манипуляции, где становится все меньше человеческого. К свободе сетевой горизонтали неизбежно добавляется иерархическая вертикаль. И вот вопросы, заданные кибернетиками еще в середине прошлого века, получают свои неутешительные ответы: трансфер смыслов произошел стремительно и необратимо – сейчас повсеместно обсуждаются проблемы избытка информации, ментальной зависимости от транслируемых образов, угрозы вмешательства в процесс творения роботизированных систем. На особом контроле этические, когнитивные, психологические и даже физиологические аспекты этих проблем.

Возвращаясь в середину прошлого века, мы приходим к начальной точке явления. Высокие технологии открыли ящик Пандоры в то время, когда социум был максимально готов к преобразованиям и наполнен ожиданием чуда. Само по себе это явление не ново, передовая мысль на протяжении многих веков возлагала особые надежды по улучшению общества на научный прогресс. Только теперь технологии в области информатизации находились максимально близко к возможности их воплощения. Если мы ознакомимся с трудами, так или иначе исследующими сущность информационного общества, мы неоднократно встретим сформулированные учеными ожидания исправлений тех или иных общественных изъянов.

Действительно, на первых порах цифровая реальность давала уникальные, ранее недоступные возможности, а важнейшим техногенным творцом этого процесса стал интернет. В интернете, как в море, сошлись потоки достижений, ставших глобальным достоянием человечества. Переход на цифровые технологии позволил получить массу расширений: перевод в новое качество изображения, звука, сигнала; онлайн-трансляцию; обработку большого объема носителей информации; скорость передачи данных на большие расстояния и проч. Все эти преимущества и породили, с одной стороны, ожидания великих преобразований, с другой – предостережения, связанные с риском стирания границы между человеком и машиной. Предостережения в первую очередь возникли в стане разработчиков машинных технологий. Вейценбаум еще в 80-е годы прошлого века прямо заявляет: «Я выступаю здесь с таким выводом: проблемы, возникающие в рамках таких дебатов [на тему «Вычислительные машины и мышление»] не являются ни техническими, ни даже математическими: это этические проблемы» (Вейценбаум, 1982: 291). Напомним, что Вейценбаум является автором прототипа виртуального собеседника на базе ИИ. Его программа «Элиза», разработанная в 60-е годы XX столетия, стала прообразом современных Алис и Сири. Уже в стадии экспериментальной эксплуатации ученый столкнулся с феноменом некритичного отношения людей к информации, которую продуцировала «Элиза», – ей автор доверил имитацию первичного приема у психолога, и, несмотря на сознательное участие в эксперименте, «пациенты» начинали вести себя с «Элизой» как с реальным доктором. Более полувека спустя мы становимся очевидцами повсеместного внедрения ИИ, не просто исполняющего функции голосового помощника, а андроида, генерирующего смыслы и обладающего бесконечным возобновляемым ресурсом познания; этот ресурс как раз и формируется из оцифрованных информационных потоков, внесенных в Big Data. К примеру, ChatGPT – это система, способная вести полноценный диалог на естественном языке и решать массу прикладных задач. Если человек не смог ментально дистанцироваться от «Элизы», то предусмотреть степень вовлеченности в контакт с генеративным чат-ботом пока тем более не представляется возможным.

Мы неслучайно рассматриваем здесь пример с голосовым помощником. По сути, с появлением интернета мы точно так же

возлагаем на него надежды по заполнению тех пробелов, которые трудно или невозможно преодолеть другим, менее техничным способом. И, несмотря на скептицизм разработчиков, общественная мысль активно подогревается стереотипами о всесильности нового знания. Например, по мнению исследователей феномена технологического мифа о мыслящей машине, природа этих ожиданий – тоже плод информационного воздействия на социум. С. Натале и А. Беллаторе произвели контент-анализ публикаций об ИИ 50-70-х годов прошлого века в авторитетных научных журналах *Scientific American* и *New scientist*. Одной из их задач была реконструкция заблуждений и ложных надежд, сопровождавших первые шаги ИИ. В своем исследовании авторы резюмировали интересный факт: именно научные статьи являются местом возникновения технологического мифа, который обеспечивает некий трансцендентный переход сознания в новую, в нашем случае, цифровую реальность (Якимова, 2018). В этих выводах мнение ученых перекликается с вышеприведенным наблюдением Вейценбаума.

Итак, мы видим, что исследования в области информационного общества, цифровой среды, и в частности new media studies, наиболее часто идут по пути осмысления уже сложившихся треков – их исторического обоснования, анализа возможностей, оценки воздействия на ту или иную область социума, а также прогноза развития технологий. Вместе с тем, поскольку высокие технологии динамично развиваются, жестко встроить их в традиционную архитектуру изучения явления бывает проблематично. Как показали вышеуказанные примеры, даже сами разработчики цифровых систем, имея четкое понимание их функционала, не способны спрогнозировать, как та или иная возможность будет использована человеком. Взаимоотношения человека и машины остаются наименее изученной и одной из самых актуальных онтологических проблем. И в этой проблематике мы часто встречаем стереотип, в котором информационная реальность, и в частности интернет, выступает в роли некоего саморегулируемого универсума, где роль человека сводится к функционалу пользователя с допустимой иерархией навыков.

Об этом говорят исследователи интернета, попадая в ловушку мифа о всесильности глобальной сети или продуцируя подобное мнение сознательно. Этот миф широко распространяется благодаря погружению в цифровую реальность подавляющей части населения всех развитых стран мира. А поскольку познать миф, как утверждает А.Ф. Лосев, можно только проживая его как реальность, мы сами создаем массу мифологем, сопровождающих жизнь мифа и подтверждающих его жизнеспособность (Лосев, 1994). Так, к примеру, М. Кастельс, автор известного исследования «Галактика интернет», буквально с первых строк «заряжает» читателя, пусть и с некоторыми оговорками: «В то время как технология не гарантирует свободу, интернет на самом деле является мощным инструментом как для осуществления личной свободы, так и свободы общественных групп» (Кастельс, 2004: 5). Далее он утверждает: «Так, быстрое распространение интернета по всему миру сопровождается бытующими в средствах массовой информации разнообразными слухами и мифами о возможном негативном воздействии интернета. Совсем недавно один высокопоставленный чиновник российского правительства выразил свое отрицательное отношение к интернету на том основании, что он может оказать разрушительное влияние на детей… Эмпирические данные свидетельствуют о том, что интернет не содействует социальной изоляции и личному отчуждению» (Кастельс, 2004: 7). В России

труд Кастельса был издан в 2004 году. Сейчас заявления Кастельса уже не кажутся такими неопровержимыми, как 20 лет назад. Между тем, диалектика цифрового мира остается актуальной и нуждается в нашем переосмыслении.

Передача смыслов: сетевой полилог

Многочисленные утверждения специалистов, высказанные как в научных публикациях, так и в публичных выступлениях, подтверждают выводы, сделанные выше: непонимание генетики цифровой реальности или возложение на нее миссии демиурга приводит к искаженной картине мира. Например, в общественном сознании уже закрепилось личностное обращение к ИИ. В интервью с разработчиком ИИ О. Усковой ведущий задает вопрос: «Сам он [ИИ] не вырвется из этой клетки? Это реально подконтрольно? Не может это само, самодостаточно уползти в сеть?» (https://dzen.ru/video/watch/665ebea786a3b40ea52dd0f7?f=d2d). О. Усковой приходится доказывать, что никаких самостоятельных действий цифровой продукт осуществить не может, вариативность его возможностей заложена разработчиками, на которых в полной мере лежит ответственность за результаты действий ИИ, какими бы антропоморфными нам ни казались его внешние признаки.

Несмотря на общедоступность и, более того, популярность всего, что связано с новейшими достижениями информационного общества в области IT, разрыв между сущностным содержанием и стереотипом восприятия со временем становится все больше. Матрица представлений формирует некий образ идеального, обладающего не только сознанием, но и собственной волей универсума, и голос ученых, предостерегающих о неполноте этой точки зрения, далеко не всегда бывает услышан.

Так, в ряде гуманитарных исследований информационное общество практически отождествляется с теми возможностями, что ему придает интернет. Роль глобальной сети видится или антропоморфной, или медиаморфной детерминантой, в зависимости от приоритета человека или технологии (Калмыков, 2013: 41). То есть в одном случае интернет воспринимается как объект, сравнимый по сложности с человеческим мозгом, а в другом – как конкурирующая с ним сущность, усиленная в своих «расширениях» технологиями, работающими по своим, отличным от антропоморфных, законам. Причем природа интернета представляется как «одноранговая организованность, никому не отдающая предпочтения», дешевая, доступная, дающая рядовому «юзеру» роль самостоятельного издателя (Калмыков, 2013: 57).

В подобных предположениях за пределами изучения остается сама «математика» информационной среды, то, что отличает цифровой мир от мира материального. Кибернетики XX века дискутировали о вычислительной технике исходя из ее природы. В отличие от любых других машин, вычислительная машина – та, которая в итоге и стала основой для современных информационных технологий, – передает и преобразует не энергию, а информацию. Заложенный в вычислительную машину алгоритм, с научной точки зрения, просто язык, унифицированный способ передачи смыслов с вариативными возможностями. То есть даже выбор, принятое решение – это результат заложенного алгоритма. Со времени появления на свет машины Тьюринга произошел феноменальный прорыв в технологиях, но он никак не повлиял на природу вычислительной техники. Высокие технологии легли в основу ИИ, который действует не по стандартным алгоритмам, а трактует их творчески, имитируя нейронные связи головного мозга. Но даже здесь бинарный принцип экстериоризации открывает нам очевидные издержки ИИ. Вычислительная машина, ставшая на цифровую платформу, ни при каких обстоятельствах не может

мыслить сама, как не может и осознанно осуществлять выбор наилучшего или единственно верного. Зачастую решение не предполагает чего-либо конкретного, а просто нацелено на определение максимально точного пути. Логика вычислительной машины свободна выбрать тот отклик, который подтвержден количественным запросом, или отсечь тупиковый ход. Но вместе с тем машина не может распознать, что тот или иной выбор – правильный. Образно говоря, с точки зрения машины, правильным является тот путь, по которому ее ведет алгоритм, так называемая «эффективная процедура» (Вейценбаум, 1982: 81). Неверная «эффективная процедура» может привести к результату, похожему на игру Электроника в хоккей. Образно – это изображение руки из нейросети с шестью пальцами.

Что следует за этой особенностью вычислительной машины? Ее зависимость от того, что можно условно назвать программным кодом. Если знать алгоритм, его можно обмануть, им можно управлять, а значит, вычислительная машина как наилучший или единственно верный выбор покажет то, что ей навязано в пределах понятного ей алгоритма. В том случае, когда задача меняется и результатом принимается не переданное содержание, а, допустим, высокий рейтинг (в СЕО – степень раскрутки ресурса) или монетизация, смысл как таковой перестает быть востребованным. В современном мире примером такой потери смыслов может быть масса явлений. Достаточно оценить соотношение ценностности смыслов и масштаб воздействия на социум таких явлений, как интернет-реклама, медиатизация, блоггинг с навязанной им системой ложных ориентиров, мода на генерируемые нейросетью образы и многое другое. До возникновения постиндустриального общества представить себе появление термина «информационное насилие» (Борисов, 2013) было невозможно. Каким бы интенсивным ни был процесс погружения в информационный поток, он оставался исключительно антропоцентричным явлением. Конверсия смыслов не преодолевала границ личного: всегда можно было отложить газету, выключить телевидение или радио – это действие мог произвести любой субъект без риска утратить ориентир в реальном мире. Теперь воздействие на человека носит тотальный характер. Чтобы подтвердить этот факт, достаточно оглядеться вокруг и посмотреть, сколько людей производят какие-либо действия, не отводя глаз от экрана смартфона.

Неудивительно, что возрастающий потенциал цифрового общества все больше отстраняется от человека, эти центробежные силы только увеличиваются. Обесчеловечивание сети, как это ни парадоксально, заложил в нее сам человек, и это не рядовой юзер, а бенефициар информационного рынка. Обессмысливание и превалирование процесса над содержанием принимает глобальные масштабы, человек словно оказывается внутри информационного пузыря, выйти из которого бывает довольно проблематично, поскольку интеграция во все сферы жизнедеятельности формирует в нем разные категории зависимости: профессиональную, социальную, ментальную и так далее. Одновременно с этим и сам информационный пузырь – плод обессмысливания, который, если следовать логике Талеба (Талеб, 2013), как все глобальное, конструктивно уязвим. К примеру, присутствие в местах, где нет интернета, довольно быстро возвращает субъекта к архетипам. Черный лебедь постиндустриального общества – техногенная катастрофа любого уровня, причина которой может быть стихийной, а может стать формой протеста, результатом усталости социума от возрастающего давления информации. Именно поэтому сейчас особенно важно научное осмысление бытийной проблемы: прогресс

внутри или вне информационного пузыря, управление или подчинение, реальность или дальнейшее погружение в цифровое пространство.

***

Погружение в миф о цифровом могуществе некогда стало новой формой информационно-реального бытия, оправдывающей необратимые видоизменения межличностных и общественных связей. Получив технологию и машину в качестве своих помощников, человек со временем возложил на них функцию по трансформации сознания. Благодаря мифу эта трансформация происходила под знаком свободы выбора между традиционными способами коммуникации и новым знанием, а значит, и новыми возможностями. От технологий ИИ ожидалось решение социальных проблем; обращение к нему для обеспечения неких насущных потребностей общества – один из самых свежих техногенных устойчивых мифов времени, в котором человек не просто мечтает, как во времена Жюля Верна, он живет внутри мифа, пользуясь его благами, и верит, что это дает ему небывалую ранее свободу, личностную, социальную, творческую. Между тем, постепенно происходит подмена ожиданий.

Невозможно понимание онтологии информационной реальности без понимания ее математической природы. Бинарная генетика подчиняется жестким законам, которые невозможно постичь умозрительно. Образно говоря, если внешнее наблюдение за любым видом машин может дать нам вполне четкую картину функциональных границ и возможностей, то в области вычислительной техники мы этого сделать не можем, поскольку в ней заложена не механика, а алгоритм, преобразующий цифру в сигнал и затем – в смыслы. Незнание этих законов становится, с одной стороны, причиной множества искажений, придающих достижениям высоких технологий избыточные, футурологические свойства, с другой – создает благоприятные условия для манипуляции. Гуманитарная мысль со своей стороны производит оценку явления и встраивает его в картину мира. Соотношение этих концепций в итоге должно способствовать формированию перспектив развития социума, живущего в двух системах координат, для того чтобы научиться управлять неизбежно возникающими экзистенциальными рисками.

Литература

Ашманов, И. С. (2019), «Ментальные эпидемии и “мозговые” вирусы в эпоху информационных войн», *Вопросы культурологии*, 4, 46-53.

Басин, Е. Я. (2015), *Искусство и коммуникация*, Алетейя, Санкт-Петербург.

Борисов, С. Н. (2013), «Практики насилия в культуре: философско-антропологическая рефлексия», дисс. … д-ра философ. наук, Белгород. EDN: GXGHMT.

Вейценбаум, Дж. (1982), *Возможности вычислительных машин и человеческий разум: от суждений к вычислениям*, пер. с англ. Гуревича, И. Б., Радио и связь, Москва.

Визнер, Дж. Б. (1976), «Перспективы информационной тирании», *Кибернетика сегодня: проблемы и суждения*, Знание, Москва, 39-46.

Игнатов, М. А. (2018*), Сетевая парадигма в культуре и науке: монография*, НИУ «БелГУ», Белгород.

Калмыков, А. А. (2013), *Медиалогия интернета*, предисл. д. филос. н., проф. Калягина, С. В., URSS, Москва.

Кастельс, М. (2004), *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, пер. с англ. Матвеева, А. под ред. Харитонова, В., У-Фактория; Изд-во Гуманит. ун-та, Екатеринбург.

Куле, К. (2004), СМИ в Древней Греции: Сочинения, речи, разыскания, путешествия, пер. с фр. Кулланды, С. В., Новое лит. обозрение, Москва.

Кулешов, А. В. (2015), «Онтология возникновения информации», *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 2, 27-42. DOI: 10.17726/philIT.2015.10.2.111. EDN: VEHVVZ

Лосев, А. Ф. (1994), *Миф. Число. Сущность*, Мысль, Москва.

Талеб, Н. Н. (2013), *Черный лебедь: под знаком непредсказуемости*, 2-е изд., доп., КоЛибри; Тульская типография (ОАО), Москва; Тула.

Фролов, И. Т. (2017), «Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки», *Ценностные основания научного познания*, под ред. Белкиной, Г. Л., ЛЕНАНД, Москва, 10-24.

Якимова, Е. В. (2018), «Натале С., Баллаторе А. Фантазии по поводу мыслящей машины: технологические мифы и истоки искусственного интеллекта», *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал*, 2, 82-90.

References

Ashmanov, I. S. (2019), “Mental epidemics and ‘brain’ viruses in the age of information warfare”, *Issues of Cultural Studies*, 4, 46-53 (in Russ.).

Basin, E. Ya. (2015), *Iskusstvo i kommunikatsiya* [Art and communication], Aleteya, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Borisov, S. N. (2013), “Practices of violence in culture: philosophical and anthropological reflection”, Thesis of D.Sc. Dissertation, BelSU, Belgorod, Russia (in Russ.).

Castells, M. (2004), *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society], Transl. by Matveev, A., in Kharitonov, V. (ed.), U-Faktoriya; Publishing House of the University of Humanities, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Coulet, C. (2004), *SMI v Drevney Gretsii: Sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya* [Media in Ancient Greece: Writings, Speeches, Research, Travels] [Communiquer en Grèce ancienne Paris: Les belles lettres], Transl. by Kullandy, S. V., Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Frolov, I. T. (2017), “Social-ethical and humanistic problems of modern science”, *Tsennostnyye osnovaniya nauchnogo poznaniya* [Value foundations of scientific knowledge], in Belkina, G. L. (ed.), LENAND, Moscow, Russia, 10-24 (in Russ.).

Ignatov, M. A. (2018), *Setevaya paradigma v kulture i nauke: Monografiya* [The network paradigm in culture and science: Monograph], Printing House of BelSU, Belgorod, Russia (in Russ.).

Kalmykov, A. A. (2013), *Medialogiya interneta* [Medialogy of the Internet], URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Kuleshov, A. V. (2015), “The ontology of information origin”, *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, 2, 27-42 (in Russ.). DOI: 10.17726/philIT.2015.10.2.111. EDN: VEHVVZ

Losev, A. F. (1994), *Mif. Chislo. Sushchnost* [Myth. The number. Entity], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Taleb, N. N. (2013), *Cherny lebed: pod znakom nepredskazuemosti* [Black Swan: under the sign of unpredictability], KoLibri; Tula printing House, Moscow; Tula, Russia (in Russ.).

Weinzenbaum, J. (1982), *Vozmozhnosti vychislitel'nykh mashin i chelovecheskiy razum: ot suzhdeniy k vychisleniyam* [Computer power and human reason: From Judgment to Calculation], Transl. by Gurevich, I. B., Radio i svyaz, Moscow, Russia (in Russ.).

Wiesner, J. B. (1976), “The prospects of information tyranny”, *Kibernetika segodnya: problemy i suzhdeniya*, Znanie, Moscow, Russia, 39-46 (in Russ.).

Yakimova, E. V. (2018), “Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: technological myths and the rise of artificial intelligence”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 2, 82-90 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Баранова Светлана Вячеславовна, заместитель директора института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *Baranova_SV@bsuedu.ru*

ORCID ID: 0009-0002-7333-0935

ABOUT THE AUTHOR:

Svetlana V. Baranova, Deputy Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *Baranova_SV@bsuedu.ru*

ORCID ID: 0009-0002-7333-0935

УДК 111.85 **DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-2**

Ван Лэй[1], Пань Юэ[2]

Архетип приключения (рецензия на книгу Джорджо Агамбена «Пиноккио: Философский анализ». М.: АСТ, 2024. 224 с.)

[1] Цзилиньский профессионально-технический колледж науки и техники, пр. Чанцзинаньсянь, д. 7777, г. Чанчунь, 130000, КНР; *691048437@qq.com*
[2] Чанчуньский педагогический высший специальный колледж, пр. Чанлун, д. 46, г. Чанчунь, 130000, КНР; *50119553@qq.com*

Аннотация. Рецензия на книгу Джорджо Агамбена «Пиноккио. Философский анализ» выстроена на основе анализа ключевых тематических линий, охватывающих изучение эзотерического содержания произведения, существования между миром сверхъестественным и земным, а также мотив путешествия как прообраза современного туризма. Делается вывод о родстве анализа философского содержания истории о Пиноккио с концепцией homo sacer.

Ключевые слова: Джорджо Агамбен; Пиноккио; философия; литература; путешествие; туризм

Для цитирования: Ван Лэй, Пань Юэ (2025), «Архетип приключения (рецензия на книгу Джорджо Агамбена “Пиноккио. Философский анализ”. М.: АСТ, 2024. 224 с.)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 129-133. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-2

Wang Lei[1], Pan Yue[2]

The archetype of adventure (Review of Giorgio Agamben's book “Pinocchio: Philosophical analysis”. AST, Moscow, 2024. 224 p.)

[1] Jilin Vocational College of Science and Technology, 7777 Changjinanxian Ave., Changchun, 130000, China; *691048437@qq.com*
[2] Changchun Pedagogical Higher Special College, 46 Changlong Ave., Changchun, 130000, China; *50119553@qq.com*

Abstract. A review of Giorgio Agamben's book “Pinocchio. Philosophical analysis” is based on the analysis of key thematic lines covering the study of the esoteric content of the work, the existence between the supernatural and the earthly worlds, as well as the motive of travel as a prototype of modern tourism. It is concluded that the analysis of the philosophical content of the Pinocchio story is related to the concept of homo sacer.

Keywords: Giorgio Agamben; Pinocchio; philosophy; literature; travel; tourism

For citation: Wang Lei, Pan Yue (2025), “The archetype of adventure (Review of Giorgio Agamben's book “Pinocchio. Philosophical analysis”. AST, Moscow, 2024.

224 p.)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 129-133, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-2

Пиноккио не столь частый «гость» философского, да и вообще научного дискурса, сколь персонаж кинематографа или мультипликации. На русском языке нам удалось найти двадцать шесть публикаций, посвященных Пиноккио. Из них наиболее близки к философской интерпретации только семь (Спутницкая, 2023; Кобленкова, 2022; Акимова, 2014; Яновская, 2018; Сагачеева, 2023; Клейман, 2021; Попова-Бондаренко, 2018). Публикаций на английском языке несколько больше, однако также нельзя сказать, что эта тема является популярной.

Вместе с тем, известный современный философ Джорджо Агамбен посвятил этой теме свою книгу, сопроводив ее подзаголовком «Приключения деревянного паяца, дважды прокомментированные и трижды проиллюстрированные»: здесь имеются в виду предшественники Агамбена в толковании сказки Коллоди писатель-авангардист, критик Джорджио Манганелли, философ и историк религий Элемир Золла, а также создатели канонических иллюстраций к сказке Энрико Мадзанти, Карло Кьостри и Аттилио Муссино. И Агамбен в ходе своего рассказа постоянно перемещается между изданиями, иллюстрациями и комментариями, пытаясь найти некую истинную историю деревянной куклы, рассказанную Коллоди, или выявить ее подлинный смысл. Отметим, что часто безрезультатно, как это происходит, например, в самом начале, при выяснении обстоятельств рождения Пиноккио. Они так и остаются неизвестными за исключением времени года и места.

Эзотерика повседневности

Вероятнее всего, родился он зимой и в аду. По крайней мере, сам Пиноккио неоднократно говорит об этом. Агамбен же приводит комментарий Элемира Золла о том, что смерть и ад сопровождают в виде более или менее явных отсылок всё произведение. Так, сам Пиноккио сделан из сосны, вечнозеленого дерева, «бросающего вызов зиме, а значит – смерти» (Агамбен, 2024: 20). Полны метафорических смыслов сюжеты проглатывания китом, дальнейшего превращения в осла и встречи змея (Агамбен, 2024: 22). Темы смерти и перерождения сопровождают читателя на всем протяжении сказки, однако Агамбен предостерегает от ее эзотерического понимания. Это будет ошибкой, поскольку речь не идет о тайном, скрытом знании, которое через испытания приобретает некий посвященный. Речь можно вести, скорее, о вывернутом наизнанку посвящении, когда эзотерическое растворено в повседневности, в самых обычных вещах и банальных событиях. Такими являются злоключения Пиноккио, преследующие его с самого начала. Встреча с говорящим сверчком в контексте поиска пищи; испытания, произошедшие по дороге в школу или когда он сбегает из дома. На всем протяжении книги Агамбен повторяет этот тезис о растворении эзотерики в повседневности, и речь идет даже не столько об отсутствии тайного знания, сколько о нежелании Пиноккио его получать и изменяться.

Существование между

Именно так можно назвать еще одну тематическую линию в книге. Само рождение Пиноккио сопровождается странной фразой: «Жил-был обрубок полена». И Агамбен прав, что логичным было бы предположить стандартное повествование о короле, который некогда жил и определенным образом был. Однако вместо короля возникает совсем не сказочное, а, можно сказать, обыкновенное полено. Перед нами сказка, которая не является сказкой. И персонажи в ней тоже двойственные, поскольку «ничто не является тем, чем оно нам представляется: дерево – не дерево, друг – не друг, осел – не осел, фея – не фея, сверчок – не сверчок…»

(Агамбен, 2024: 35-36). И сам Пиноккио перемещается между мирами, сказочным и обычным, совершая превращения и претерпевая испытания.

Отдельно стоит сказать о перемещении. Оно есть не что иное, как путешествие, с одной стороны, близкое к действительно эзотерическим испытаниям посвященного. Особенно в тех моментах, которые в произведении связаны с превращением Пиноккио в осла и последующим спасением и возвратом в свою деревянную оболочку. Или в сюжетах, когда он оказывается съеденным китом или акулой, в чреве которой встречает своего отца: здесь отсылки не только к известным библейским мотивам, но и гораздо более широкие.

Важно то, что Пиноккио не желает меняться и извлекать уроки. В этом его главное отличие от посвящаемого, который желает преобразиться через испытание или новое знание. Наш главный персонаж хочет просто развлечься или проявляет свою плутовскую натуру. Ее он и хочет сохранить, являясь деревянной куклой, но одновременно и почти живым мальчиком, а с другой стороны, он мальчик, именно так его называют некоторые, но не вполне живой. Это действительно существование между двумя мирами.

Путешествие и прообраз туризма

Именно собственная природа толкает Пиноккио на путешествия. Если сложно определить жанр произведения, то можно довериться самому повествованию и назвать его путешествием. Агамбен пишет об этом так же, как о туристической прогулке, в отношении той части, когда Пиноккио оказывается в стране Болвании, ведомый котом и лисой: «Двое жуликов проводят Пиноккио через эту местность, устраивая ему “крайне поучительную туристическую прогулку”, с одной лишь целью: показать то, чего он в любом случае увидеть не сможет» (Агамбен, 2024: 133). Или увидеть то, что не сможет его изменить. Это снова приключение, которое не меняет самого героя. По крайней мере, не влияет на саму его суть, ведь знакомство с Фитилем, мальчиком по имени Ромео, приводит его в Страну увеселений и в итоге меняет только внешне. Причем само имя Ромео восходит к имени человека, совершавшего паломничество в Рим. И от паломничества к Стране увеселений также лежит прямая дорога смысла, от серьезного путешествия к путешествию ради увеселений. Достаточно добавить идею секуляризации и дисперсной сакральности – и мы переходим к современному туризму (Борисов, 2016).

От животного к человеческому

Библейскими мотивами последнего приключения Пиноккио в чреве кита заканчивается его история нахождения между двух миров. С его избавлением также подходит к концу и его беззаботное состояние перемещения или путешествия. Он становится человеком и приобретает всю совокупность обязанностей, относящихся к обычному мальчику. Собственно, таким он и становится. И если искать главный смысл этой книги Джорджо Агамбена, то он может быть заключен именно в таком выводе о главном антропологическом механизме разделения и соединения животного и человеческого: ограничении и слиянии этих двух начал. Так Пиноккио продолжает уже достаточно долгую историю homo sacer, которую Агамбен рассказывает нам.

Источник

Агамбен, Дж. (2024), *Пиноккио. Философский анализ*, пер. с ит. Козловой, М. А. под науч. ред. Мухамеджанова, С., АСТ, Москва.

Литература

Акимова, А. С. (2014), «Приключения Пиноккио в России: к истории мирового сюжета», *Культурологический журнал*, 4, 9. EDN: TAXSBX

Борисов, С. Н. (2016), «Метаморфозы сакрального: о феномене духовности в современном мире», *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 3, 65-73. EDN: VUUCKL

Клейман, Ю. А. (2021), «Пиноккио “красного десятилетия” на сцене и на экране», *Литература двух Америк*, 10, 310-330. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-10-310-330. EDN: GMEVWC

Кобленкова, Д. В. (2022), «От повести “Пиноккио” К. Коллоди к фильму “Золотой ключик” (1939) А. Толстого и А. Птушко: проблема политических аллюзий», *Культура и текст*, 1, 110-122. DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-110-122. EDN: GBKJCE

Попова-Бондаренко, И. А. (2018), «Эта взрослая детская литература: культурные коды сказки К. Коллоди “Приключения Пиноккио”», *Мир и человек в зеркале языка: Сб. науч. ст., посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой*, Фолиант, Донецк, 336-344. EDN: YPCEHJ

Сагачеева, А. (2023), «Мифопространство Юрия Харикова в дилогии “Пиноккио”», *Сцена*, 5, 37-45. EDN: GWIBCN.

Спутницкая, Н. Ю. (2023), «Кукла оттепели: “достраивание” сказки о Буратино в советской детской экранной культуре 1950–1960-х гг.», *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 7-2, 234-250. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-234-250. EDN: PVXLBE

Яновская, Л. В. (2018), «Применение юнгианского анализа в толковании сказок (на примере сказки “Приключения Пиноккио”)», *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология*, 2, 85-91. EDN: RWHRZJ

Source

Agamben, G. (2024), *Pinokkio: Filosofskiy analiz* [Pinocchio: Philosophical analysis] [Pinocchio: un'analisi filosofica], Transl. by Kozlova, M. A., in Mukhamedzhanov, S. (ed.), AST, Moscow, Russia (in Russ.).

References

Akimova, A. S. (2014), “Pinocchio's Adventures in Russia: towards the History of the World Plot”, *Journal of Cultural Research*, 4, 9 (in Russ.). EDN: TAXSBX

Borisov, S. N. (2016), “Metamorphoses of the sacred: on the phenomenon of spirituality in the modern world”, *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 3, 65-73 (in Russ.). EDN: VUUCKL

Kleyman, Yu. A. (2021), “Pinocchio of the ‘red decade’ on stage and on the screen”, *Literature of the Americas*, 10, 310-330 (in Russ.). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-10-310-330. EDN: GMEVWC

Koblenkova, D. V. (2022), “From the story ‘Pinocchio’ by K. Collodi to the film ‘The Golden Key’ (1939) by A. Tolstoy and A. Ptushko: the problem of political allusions”, *Culture and text*, 1, 110-122. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-1-110-122. EDN: GBKJCE

Popova-Bondarenko, I. A. (2018), “This adult Children's literature: cultural codes of K. Collodi's fairy tale ‘The Adventures of Pinocchio’”, *Mir i chelovek v zerkale yazyka: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Olgi Leonidovny Bessonovoy* [The World and Man in the Mirror of Language: Collection of scientific articles dedicated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor Olga Leonidovna Bessonova], Foliant, Donetsk, Ukraine, 336-344 (in Russ.). EDN: YPCEHJ

Sagacheeva, A. (2023), “The myth space of Yuri Kharikov in the ‘Pinocchio’ dilogy”, *The stage*, 5, 37-45 (in Russ.). EDN: GWIBCN

Sputnitskaya, N. Yu. (2023), “The Thaw Doll: the ‘completion’ of the tale of Pinocchio in the Soviet children's screen culture of the 1950s and 1960s”, *RGGU Bulletin: “Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies”, Series*, 7-2, 234-250 (in Russ.). DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-234-250. EDN: PVXLBE

Yanovskaya, L. V. (2018), “The application of Jungian analysis in the interpretation of fairy tales (on the example of the fairy tale ‘The Adventures of Pinocchio’)”, *Bulletin of DonNU. Series D: Philology and Psychology*, 2, 85-91 (in Russ.). EDN: RWHRZJ

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ван Лэй, преподаватель, Цзилиньский профессионально-технический колледж науки и техники, пр. Чанцзинаньсянь, д. 7777, г. Чанчунь, 130000, КНР; *691048437@qq.com*

Пань Юэ, преподаватель, Чанчуньский педагогический высший специальный колледж, пр. Чанлун, д. 46, г. Чанчунь, 130000, КНР; *50119553@qq.com*

ABOUT THE AUTHORS:

Wang Lei, Teacher, Jilin Vocational College of Science and Technology, 7777 Changjinanxian Ave., Changchun, 130000, China; *691048437@qq.com*

Pan Yue, Teacher, Changchun Pedagogical Higher Special College, 46 Changlong Ave., Changchun, 130000, China; *50119553@qq.com*